

Русская Старина

Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
МАЙ
1885 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Май, 1885 годъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XII.

МАЙ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го апрѣля 1885 года.

ПАМЯТИ Н. И. КОСТОМАРОВА.

Русская наука, русское общество, исторія русская вообще и въ особенности южно-русская понесли тяжелую невознаградимую потерю. Даровитѣйшаго писателя, многоплоднѣйшаго дѣятеля науки, популярнѣйшаго историка-художника не стало. 7-го апрѣля въ семь часовъ утра прекратилась жизнь дорогаго и всѣмъ извѣстнаго Николая Ивановича Костомарова.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ понесенной утраты, для всѣхъ равно чувствительной, не можемъ и мы не посвятить свѣтлой памяти славнаго историка особыхъ страницъ, не можемъ не удѣлить особаго мѣста въ нашемъ изданіи для того, кто дарилъ оное своимъ теплымъ сочувствіемъ и по временамъ принималъ въ немъ участіе. Въ задачахъ нашего изданія столько близости и внутренняго родства съ многолѣтнею и разностороннею научною дѣятельностію нашего несравненнаго историка, что намъ долго и много разъ придется возвращаться къ воспоминаніямъ о его личности, къ изслѣдованію и оцѣнкѣ его научныхъ трудовъ. На этотъ разъ мы ограничимся передачею главнѣйшихъ фактовъ его жизни, полной тревогъ и заботъ, и перечнемъ его многочисленныхъ научныхъ работъ, присовокупивъ и тѣ теплыя воспоминанія, которыми почтило его въ своемъ экстренномъ собраніи кіевское историческое общество преп. Нестора Лѣтописца.

I.

Краткій біографическій очеркъ Н. И. Костомарова.

Родъ умершаго историка нашего принадлежитъ, по его словамъ, къ числу весьма древнихъ, хотя ничѣмъ не заявилъ себя въ исторіи. На южно-русское происхожденіе этого рода указываетъ самое его названіе, которое не могло сложиться въ сферѣ сѣверно-русскаго нарѣчія. Въ тѣ отдаленныя времена, когда, не смотря на полное отдѣленіе московской Руси отъ литовской, свобода передвиженія давала возможность поселенцамъ Юга переходить на Сѣверъ, а внѣшнее положеніе той или другой страны и личныя обстоятельства переселяющихся представляли для того настоятельную необходимость, одинъ изъ самыхъ отдаленныхъ предковъ Н. И. Костомарова находился въ предѣлахъ московскаго государства, но извѣстенъ лишь тѣмъ, что былъ въ числѣ бѣжавшихъ оттуда, въ правленіе Ивана Грознаго, на Волынь къ князю Андрею Курбскому. Въ эпоху кровавыхъ козацкихъ войнъ, въ ту злосчастную пору, когда разбитые поляками предводители козаковъ Остряининъ и Гуня принуждены были спасаться бѣгствомъ въ предѣлы московскаго государства, родъ Костомаровыхъ переходитъ туда въ массѣ козачества, переселявшагося на незаселенныя степи по теченію Дона и Хопра, переживаетъ всѣ произведенныя въ немъ перемѣны и въ концѣ прошлаго, или началѣ нынѣшняго столѣтія является въ сословіи дворянъ-помѣщиковъ, что указываетъ на принадлежность этого рода въ прежнее время къ козачей старшинѣ.

Отецъ историка былъ помѣщикомъ сл. Юрасовки, воронежской губерніи, острогожскаго уѣзда, гдѣ и родился Николай Ивановичъ въ 1817 году. На 10-мъ году отъ рожденія, онъ отданъ былъ въ одинъ частный московскій пансіонъ, конечно, послѣ предварительной домашней подготовки. Вскорѣ отецъ былъ убитъ доведенными имъ до ожесточенія крестьянами; сынъ въ свою очередь оказался большимъ, даже буйнымъ шалуномъ, и мать принуждена была взять его оттуда и опредѣлила его сперва въ частный-же пансіонъ въ г. Воронежѣ, а съ 1831 г. въ воронежскую гимназію, состоявшую тогда изъ четырехъ классовъ. Пройдя

здѣсь послѣдніе два класса и прослушавъ затѣмъ курсъ наукъ въ харьковскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, Николай Ивановичъ 19 ти лѣтъ отъ роду, со степенью кандидата, опредѣлился юнкеромъ въ стоявшій въ Острогожскѣ кинбурнскій драгунскій полкъ. Но военная служба не влекла къ себѣ юнаго кандидата исторіи; вмѣсто изученія военныхъ артикуловъ онъ занялся разборомъ бумагъ слободско-украинскаго острогожскаго полка, хранившихся въ архивѣ острогожскаго уѣзднаго суда, и накинулся на это дѣло съ такимъ жаромъ, что спустя мѣсяцъ былъ отчисленъ отъ полка, какъ неспособный къ военной службѣ. Это временное, случайное знакомство съ историческими источниками толкнуло его на путь научныхъ занятій. Тогда-же явилась у Николая Ивановича мысль искать степени магистра русской словесности и предварительно готовиться къ тому въ Москвѣ, куда онъ и отправился въ концѣ 1837 г., но этой мысли суждено было осуществиться въ Харьковѣ, нѣсколько въ иномъ видѣ и притомъ лишь спустя шесть лѣтъ. Проѣхавъ изъ Москвы весною 1838 г. на родину и, по случаю болѣзни, переѣхавъ для лѣченія въ Харьковъ, Костомаровъ остался здѣсь надолго, вошелъ въ знакомство съ представителями тамошней литературной дѣятельности: Основьяненкомъ, Гулакомъ-Артемовскимъ, Метлинскимъ, Бецкимъ и другими, примкнулъ къ ихъ работѣ и написалъ нѣсколько поэтическихъ, оригинальныхъ и переводныхъ, произведеній на малорусскомъ языкѣ прежде, чѣмъ представилъ диссертацію на степень магистра исторіи. Первая его диссертація: *Значеніе уніи въ западной Россіи* не была даже допущена къ публичной защитѣ, вслѣдствіе протеста извѣстнаго проповѣдника и богослова, преосв. Иннокентія, а печатные ея экземпляры, по распоряженію министра Уварова, вслѣдствіе отзыва о ней академика Устрялова, преданы были сожженію, не смотря на то, что основныя ея положенія приняты теперь въ наукѣ. Костомарову пришлось, занявъ должность субъинспектора, еще два года поработать надъ новою диссертаціею: *Объ историческомъ значеніи народной русской поэзіи*. Эта новая работа, посвященная въ большей своей части малорусской поэзіи, доставила ему въ началѣ 1844 г. степень

магистра русской исторіи, но не открыла доступа къ университетской каѳедрѣ. Въ характерѣ Костомарова было всегда много самостоятельности, во взглядахъ новости, оригинальности, въ сужденіяхъ смѣлости, въ образѣ выраженія прямоты, подъ часъ рѣзкости, а такіе люди не легко прокладываютъ себѣ дорогу. Притомъ занятія этнографіею, сближеніе съ простолюдьемъ съ цѣлію изучить его міровоззрѣніе, записать пѣсню или сказку, въ ту пору болѣе, чѣмъ когда либо, казались странными и возбуждали подозрѣніе. И на Костомарова смотрѣли нѣкоторые изъ профессоровъ, какъ на человѣка съ причудами и странностями. При такихъ условіяхъ его кандидатура на профессорскую должность не могла осуществиться. Костомаровъ переѣзжаетъ изъ Харькова въ Кіевъ и въ томъ-же 1844 г. получаетъ мѣсто учителя исторіи въ ровенской гимназіи, спустя годъ переходитъ на такую-же должность въ гимназію кіевскую, а еще чрезъ годъ занимаетъ мѣсто адъюнктъ-профессора по каѳедрѣ русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра.

Въ этихъ переходахъ самостоятельныя научныя занятія Николая Ивановича не только не ослаблялись, но расширялись и усиливались. Еще въ 1841 г. изъ Харькова онъ путешествовалъ въ Крымъ для осмотра тамошнихъ древностей; изъ Ровна предпринималъ поѣздки въ Почаевъ и другія историческія мѣстности Волыни и собралъ большой запасъ малорусскихъ пѣсенъ, напечатанныхъ впослѣдствіи въ сборникѣ Мордовцева; въ Кіевѣ писалъ о славянской миѳологіи, о началѣ христіанства въ Россіи и изучалъ эпоху и личность Хмельницкаго. Но надъ всѣми стремленіями молодаго ученаго, надъ всѣми занимавшими его умъ думами и мечтами носилась идея національности, какъ отраженіе пробудившагося предъ тѣмъ у западныхъ славянъ національнаго самосознанія и предпринятыхъ этнографическихъ и историческихъ трудовъ и изданій. Примкнуть къ новому движенію, во имя славянской идеи и единства, ознакомить съ этимъ движеніемъ путемъ печати и устныхъ бесѣдъ русское общество, поработать для развитія этой идеи на почвѣ южно-русской этнографіи—такова, кажется, была основная мысль Костомарова, которою онъ дѣлился съ своими

кіевскими пріятелями: Н. И. Гулакомъ, В. М. Бѣлозерскимъ и А. А. Навроцкимъ. На эту излюбленную тему велись одушевленныя пріятельскія бесѣды; электризуемые возвышенною идеею юноши мечтали о томъ, какъ-бы хорошо было, если-бы всѣ славянскіе народы освободились изъ-подъ власти иноземной и образовали изъ себя одну славянскую федерацію, а эту федерацію пламенное вооображеніе ихъ рисовало въ видѣ идеальнаго политическаго организма—безъ рабства и сословныхъ привилегій, съ религіозною свободою и вѣротерпимостію, полною свободою мысли, воспитанія, печатнаго слова и т. под. Мечтатели понимали, конечно, что осуществленіе такой грандіозной мысли отнюдь не могло быть дѣломъ близкаго будущаго, что для этого требовалось долгое время и усилія многихъ и что было-бы крайне желательно, чтобы для осуществленія идеи славянскаго возрожденія и единства организовалось сильное и численное по составу общество. Тѣмъ не менѣе никакого общества, ни даже проэкта онаго у нихъ не существовало и лишь три лица постепенно посвящены были въ ихъ задушевныя бесѣды: А. В. Маркевичъ, П. А. Кулишъ и Т. Г. Шевченко. Бесѣды возобновлялись каждый разъ, когда сходились два или три изъ вышеназванныхъ пріятелей. Велись онѣ и въ квартирѣ Гулака за софійской оградой, въ домѣ протоіерея Завадскаго, а здѣсь, рядомъ съ Гулакомъ, за дощатой перегородкой, квартировалъ студентъ Петровъ. По долетавшимъ до него отрывочнымъ фразамъ онъ заключилъ, что за стѣной у него совершается заговоръ, собираются члены какого-то тайнаго общества, и въ этомъ смыслѣ учинилъ доносъ, послѣдствіемъ котораго былъ арестъ всѣхъ названныхъ лицъ и препровожденіе въ Петербургъ для разслѣдованія и суда. Арестъ Костомарова послѣдовалъ на канунѣ его свадьбы, и это усугубило его страданія. Въ мнимомъ обществѣ и заговорѣ ему приписана первенствующая роль, а въ наказаніе назначено заключеніе въ петропавловской крѣпости на годъ, ссылка въ Саратовъ, воспрещеніе служить по ученой части, писать и издавать книги собственнаго сочиненія. По отбытіи заключенія, будучи водворенъ въ Саратовѣ, Костомаровъ въ скромной должности переводчика при Губернскомъ Правленіи, къ ко-

торой придана была ему впослѣдствіи и должность секретаря статистическаго комитета, посвящалъ часы досуга собиранію великорусскихъ пѣсенъ, разбору мѣстныхъ архивовъ, ознакомленію съ невѣдомымъ для него краемъ, подготовляя матеріалъ для научныхъ своихъ работъ и самыя эти работы, а въ томъ числѣ и давно задуманную имъ историческую монографію о Богданѣ Хмельницкомъ. Такъ прошло около 10-ти лѣтъ и когда наконецъ въ началѣ минувшаго царствованія Костомарову возвращена была свобода писать, она не застала его не готовымъ и, начиная съ 1857 г., онъ напечаталъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ цѣлый рядъ солидныхъ по учености и талантливо написанныхъ историческихъ изслѣдованій, начиная съ монографіи о Богданѣ Хмельницкомъ. Эти изслѣдованія пріобрѣли Николаю Ивановичу симпатіи читающей публики, составили ему сразу репутацію выдающагося по таланту и эрудиціи историческаго писателя, а въ 1859 г. расположили петербургскій университетъ обратиться къ Костомарову съ приглашеніемъ занять въ немъ каѳедру русской исторіи, остававшуюся не занятою по смерти Устрялова, что и послужило поводомъ къ исходатайствованію снятія съ Николая Ивановича тяготѣвшаго надъ нимъ запрещенія служить по ученой части. Въ промежуткѣ этихъ двухъ высочайше дарованныхъ ему льготъ, онъ совершилъ поѣздку за границу, посѣтивъ Швецію, Германію, Францію, Италію и Австрію, а по возвращеніи оттуда принималъ участіе, въ качествѣ дѣлопроизводителя, въ трудахъ саратовскаго комитета по дѣлу освобожденія крестьянъ.

Кратковременна, но блестяща была служба Костомарова въ званіи профессора петербургскаго университета и едва-ли когда какой либо профессоръ пожиналъ такіе лавры, какіе выпадали на долю его. Его лекціи (съ ноября 1859 г. по май 1862 г.) привлекали такую массу слушателей, что онъ читалъ ихъ не иначе, какъ въ большой университетской залѣ. И учащееся юношество, и посторонніе слушатели иногда буквально носили его на рукахъ, осыпая громами рукоплесканій. Къ этому времени относится знаменитый, привлекшій вниманіе всей образованной Россіи, диспутъ его съ Погодинымъ по такъ называемому варяжскому вопросу,

редактированіе имъ «Памятниковъ старинной русской литературы», издававшихся на средства гр. Кушелева-Безбородка, основаніе имъ вмѣстѣ съ Бѣлозерскимъ и Кулишемъ журнала «Основа», первые труды его въ званіи члена археографической коммисіи, доведенные впослѣдствіи до одинадцати томовъ, и множество статей въ разныхъ журналахъ по исторіи сѣверной и южной Россіи. То было самое кипучее время въ нашей общественной и умственной жизни, чреватое вопросами, обильное всякими начинаніями, въ томъ числѣ и научно-литературными, но не чуждое недоразумѣній, не вѣрно или не ясно понятыхъ стремленій и пылкихъ увлеченій, оканчивавшихся не только разочарованіями, но и болѣе ощутительными послѣдствіями. Однимъ изъ такихъ явленій были волненія и безпорядки въ петербургскомъ университетѣ, послужившіе причиною продолжительнаго закрытія онаго, а вмѣстѣ и поводомъ для Николая Ивановича оставить столь блистательно начатую службу при университетѣ. Съ тѣхъ поръ и до конца своей жизни, сохраняя лишь должность члена археографической коммисіи, съ окладомъ въ 3,000 р., и подвигая своими работами ея изданія, Николай Ивановичъ жилъ совершенно частнымъ человѣкомъ, предавшись исключительно кабинетнымъ занятіямъ, и помимо научныхъ трудовъ, перечню которыхъ мы отводимъ особое мѣсто, за все это время едва-ли можно указать какіе либо выдающіеся факты въ его жизни, кромѣ двухъ земныхъ отличій въ видѣ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и ордена св. Владиміра 3-й ст., да исключительной его женитьбы на прежней своей невѣстѣ Алинѣ Леонтьевнѣ, спустя 28 лѣтъ послѣ неудавшагося намѣренія, когда она, успѣвъ побывать въ замужествѣ за другимъ лицемъ, овдовѣть и пристроить своихъ дѣтей, прибыла къ нему по газетнымъ извѣстіямъ о постигшей его тяжкой болѣзни и замѣнила такъ необходимыя для него заботы тогда-же скончавшейся престарѣлой матери его. Въ этотъ длинный промежутокъ времени Николай Ивановичъ широко развернулъ свою научно-литературную дѣятельность, раскрылъ вполнѣ свой блестящій талантъ и неистощимый запасъ знанія и творчества. Въ теченіи 23 лѣтъ онъ не зналъ отдыха, не допускалъ перерывовъ: писалъ по исторіи и этнографіи,

пробовалъ себя, и весьма удачно, въ исторической беллетристикѣ, составлялъ рецензіи, критическіе отзывы, большіе и малые историческіе разсказы, статьи полемическія, отрывочныя воспоминанія, путевыя замѣтки и т. д., передѣлывалъ по нѣскольку разъ свои прежніе труды, выпускалъ ихъ новыми изданіями, объединяя подъ особымъ названіемъ «Историческихъ монографій», и самъ отчасти дѣлалъ то, что дѣлаютъ обыкновенно другіе по смерти многоплоднаго писателя. Плодовитость его была изумительна, энергія неистощимая. Не было ни одного порядочнаго литературнаго органа, которому онъ не посвящалъ-бы своихъ трудовъ, и не было изданія, которое не считало-бы за честь украсить свои страницы его произведеніями. Съ начала 60-хъ годовъ онъ сталъ любимѣйшимъ историческимъ писателемъ, имя его сдѣлалось популярнѣйшимъ въ средѣ образованной публики, названіе «историка», съ прибавкою «художника» и впослѣдствіи «маститаго», неразрывно слилось съ его собственнымъ именемъ. Всякое новое, сколько нибудь крупное его произведеніе ждалось съ нетерпѣніемъ, читалось съ наслажденіемъ и восторгомъ. Скромный кабинетъ Николая Ивановича сперва въ IX, потомъ въ I линіи Васильевскаго Острова, былъ любимѣйшимъ учено-литературнымъ салономъ для всѣхъ интересовавшихся успѣхами русской исторіи и этнографіи. Всѣмъ памятны его четверги, замѣненные потомъ вторниками. Кромѣ множества постоянныхъ или частыхъ его посѣтителей изъ числа его петербургскихъ друзей и знакомыхъ, тутъ можно было встрѣтить людей начинавшихъ или уже поработавшихъ на полѣ науки и литературы со всѣхъ концевъ Россіи. Всѣхъ и каждаго онъ принималъ съ неизмѣннымъ своимъ радушіемъ, всѣхъ оживлялъ своимъ полнымъ занимательности и юмора разговоромъ, въ каждомъ соработникѣ своемъ принималъ живѣйшее участіе, дѣлился съ нимъ своими взглядами и знаніями. Не было вопроса изъ сродной ему сферы занятій, къ которому онъ не отнесся бы съ живѣйшимъ сочувствіемъ и на который не отозвался-бы устно или печатно. На нерѣдкіе литературные нападки на него, возраженія и замѣчанія, направленныя по его адресу, нашъ историкъ-писатель отвѣчалъ безъ промедленія и всегда съ достоинствомъ. Онъ

высоко держалъ свое знамя, отстаивалъ свои убѣжденія и симпатіи съ твердостію и искренностію, но уступалъ своимъ противникамъ, когда самъ переубѣждался ихъ доводами.

Слишкомъ рано было-бы пытаться опредѣлить съ полною обстоятельностію и непогрѣшимою точностью талантъ, характеръ, направленіе и симпатіи Н. И. Костомарова; но мы не знаемъ писателя болѣе искренняго, и если по дѣлу видѣнъ художникъ, если въ произведеніяхъ его отражается со всѣми изгибами его внутренняя жизнь, путь, ступени и обстоятельства ея теченія и развитія, то на этотъ разъ мы имѣемъ такъ много данныхъ, какъ можетъ быть ни въ какомъ иномъ подобномъ случаѣ. Произведенія Николая Ивановича такъ многочисленны, читались всегда съ такимъ интересомъ и такъ рѣзко напечатлѣвались въ душѣ читавшаго, что стоитъ теперь представить возможно полный перечень ихъ, чтобы видѣть колоссальный его трудъ, изумительную эрудицію, всю мощь и силу его таланта, опредѣлить то громадное вліяніе, какое онъ имѣлъ на наше общество и оцѣнить ту незамѣнимую потерю, какую мы понесли съ смертію его.

II.

Библіографическій указатель сочиненій Н. И. Костомарова.

Приводя ниже перечень трудовъ Н. И. Костомарова [1]), мы раздѣлили ихъ на два отдѣла: I. *Произведенія на русскомъ языкѣ*, II. *Произведенія на малорусскомъ языкѣ*. Первый отдѣлъ распадается на двѣ части: а) *по всеобщей исторіи*, в) *по русской исторіи*. Для первой части перваго отдѣла, какъ и для всего втораго отдѣла достаточно простаго хронологическаго перечисленія. Что касается второй части перваго отдѣла, т. е. трудовъ по русской исторіи, то кромѣ хронологическаго порядка выхода ихъ въ свѣтъ, необходимаго для уясненія развитія и хода

---

[1]) Составленъ преимущественно по «Біографическому словарю профессоровъ и преподавателей университета св. Владиміра», изданному подъ редакціей проф. В. С. Иконникова.

дѣятельности автора, необходимо еще оттѣнить сочиненія по ихъ важности, иначе невольно получается только представленіе о поражающей массѣ заглавій. За мѣрку для такого оттѣненія мы примемъ, конечно, взглядъ самаго ученаго на свои произведенія, который все болѣе важное выдѣлилъ въ шестнадцать томовъ «Монографій», содержаніе которыхъ и приводится ниже. Историко-беллетристическія сочиненія мы также подъ конецъ сгруппируемъ въ одномъ мѣстѣ.

I. Произведенія на русскомъ языкѣ.

А. По всеобщей исторіи.

1) *Кремуцій Кордъ*. Историч. драма. Спб. 1862 г.

2) *Патріархъ Фотій и первое раздѣленіе церквей*, написано по поводу нѣмецкаго сочиненія Гергенретера: «Fotus und seine Zeit». Вѣстн. Евр. 1868 г.

3) *Еллины Тавриды*. Историческая драма въ 5 дѣйствіяхъ. Спб. 1884.

В. По русской исторіи.

Харьковскій періодъ 1838 — 1844 годъ.

1) *О значеніи унiи въ Западной Россіи*. Первая магистер. диссертація, напеч. въ 1842 г. [1]).

2) *Объ историческомъ значеніи народной поэзіи*. Вторая магист. диссерт., защищенная 12 янв. 1844 г.

Кіевскій періодъ 1845—1847 годъ.

3) *Славянская миѳологія* (изъ лекцій, читан. въ университетѣ св. Владиміра), напечатано кириллицей. 1846 г.

Саратовскій періодъ 1848 — 1859 годъ.

4) *Взглядъ на состояніе саратовской вызозной торговли въ отношеніи предполагаемой желѣзной дороги между Моск-*

---

[1]) Сожжены всѣ печатные экземпляры, по протесту тогдашняго харьковскаго архіерея Иннокентія (Борисова). См. объ этомъ статью М. И. Сухомлинова въ «Древней и Новой Россія» 1877 г., т. I, стр. 42—55. Диссертація эта въ передѣланномъ видѣ вошла въ III-й томъ «Монографій» подъ заглавіемъ: «Южная Русь въ концѣ XVI вѣка».

вой и Саратовымъ. Состав. по распоряженію начальника губ. въ саратов. статистич. комит. Костомаровымъ. Саратовъ, 1856 г.

5) Горе-Злосчастіе. Древнее русское стихотвореніе, *съ замѣчаніями Н. Костомарова* (Современникъ 1856 г., т. LVI, отд. I, стр. 49—68).

6) *О миѳическомъ значеніи Горя-Злосчастія* (Совр. 1856 г., т. LIX, № 10, отд. II, стр. 113—124).

7) *Письмо къ редактору «Саратов. Губ. Вѣд.» по поводу замѣчаній г. Егунова о торговлѣ г. Саратова* (Сар. Губ. Вѣд. 1857 г., №№ 10—14).

8) *Борьба украинскихъ козаковъ съ Польшею въ первой половинѣ XVII в., до Богдана Хмельницкаго* (Отечеств. Зап. 1856 г., № 9).

9) *Богданъ Хмельницкій и возвращеніе южной Руси къ Россіи* (Отеч. Зап. 1857 г., № 1—8). Первая форма знаменитой впослѣдствіи монографіи.

10) *Рецензія изданія:* «Южно-русскія лѣтописи, открытыя и изданныя Н. Бѣлозерскимъ», т. I. Кіевъ. 1856 г. (Отечеств. Зап. 1857 г., т. CX, № 2, отд. II, стр. 114—123).

11) *Критическая статья* на «Записки о южной Руси», издалъ П. Кулишъ, т. I—II (Отеч. Зап. 1857 г., т. CXII, № 6 и т. CXIV, № 9).

12) *Очеркъ исторіи саратовскаго края отъ присоединенія его къ россійской державѣ до вступленія на престолъ императора Николая I.* (Памятн. кн. саратов. губ. 1858 г.).

13) *Бунтъ Стеньки Разина.* Отеч. Зап. 1858 г.

14) *Рецензія сочиненія:* «Черная рада, хроника П. Кулиша» (Совр. 1858 г., т. LXVII, отд. II, стр. 1—28).

15) *Два слова Погодину* по вопросу: «Должно-ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права?» (Архивъ истор. и практ. свѣдѣній о Россіи, Калачова, 1859 г., № 3).

16) *Рецензія сочиненія:* «Архивъ Юго-Зап. Россіи, издаваемый временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ; ч. I. Акты, относящіеся къ исторіи православной церкви въ Юго-Зап.

Россія», съ 1481—1596 г., т. I. Кіевъ, 1859 г. in—8 (Отеч. Зап. т. CXXV, № 8, отд. III, стр. 113—134).

17) *Предисловіе къ переводу:* «Путешествіе Олеарія» (Арх. ист. и практ. свѣд. о Россіи, Калачова, 1859 г., № 3).

18) *Вступительная лекція въ курсъ русской исторіи,* читан. въ Имп. Спб. унив. 22 ноября 1859 г. (Русское Слово, № 12, стр. I—XIV).

Петербургскій періодъ 1859—1885 годъ.

19) *Рецензія* статьи С. М. Соловьева: «Малороссійское козачество до Хмельницкаго, напеч. въ Русск. Вѣстникѣ; т. XXIII, № 18, сент. кн. 2-я, стр. 177—196 (Соврем. 1859 г., т. LXXVIII, № 11, отд III, стр. 163—166).

20) *Объясненіе* по поводу «Писемъ о Богданѣ Хмельницкомъ къ М. П. Погодину» Максимовича (Украинецъ, кн. I, стр. 148—174; Спб. Вѣд. 1859 г., № 122).

21) *Поѣздка въ г. Вольскъ* (Памятн. кн Саратов. губерніи на 1859 г.).

22) *Должно-ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права?* (Архивъ истор. и практ. свѣд. о Россіи, Калачова, 1859 г.).

23) *Иванъ Свирговскій.* Историческ. монографія (Москвитянинъ, 1859 г.).

24) *Сынъ.* Истор. пов. (Архивъ истор. и практич свѣд. о Россіи, Калачова, 1859 г.). Отдѣльной книгой вышла въ 1864 г.

25) *Очеркъ быта, домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ* (Современникъ, 1860 г.). Въ то-же время статья вышла отдѣльнымъ изданіемъ.

26) *Петровскъ* (Памятн. кн. саратов. губ. 1860 г.) [1].

27) *Легенда о кровосмѣсителѣ* (Современникъ, 1860 г.).

28) *Изслѣдованіе о литовской народной поэзіи* (Русское Слово 1860 г.).

---

[1]) На основаніи документовъ, извлеченныхъ Костомаровымъ изъ царицынскаго архива и сообщенныхъ Д. Л. Мордовцеву, послѣднимъ составлена статья «Заметаевъ» (разбойникъ на Волгѣ 1775 г.), напечатанъ въ «Русскомъ Дневникѣ» 1859 годъ, №№ 7 и 8.

29) *Критическая статья* на сочиненіе: «О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи, В. И. Ламанскаго», Учен. зап. втораго отд. импер. акад. наукъ, кн. V, стр. 1—370 (Архивъ истор. и практ. свѣд. о Россіи, Калачова, кн. 5, отд. IV, стр. 18—35).

30) *Русскіе инородцы. I. Литовское племя и отношенія его къ русской исторіи* (изъ лекцій по русск. ист., читан. въ Имп. Спб. университетѣ въ 1860 г., полнѣе чѣмъ въ «Монографіяхъ» (Русское Слово, № 5, отд. I, стр. 1—100).

31) *Начало Руси* (Соврем., т. LXXIX, № 1, отд. I, стр. 1—32 и отдѣльный оттискъ, Спб. 1860 г., in—8, 32 стр.).

32) *Какъ пишутъ въ наше время ученыя статьи въ защиту происхожденія руссовъ отъ норманновъ* (Пчела 1860 г., № 168).

33) *Замѣтка на возраженія о происхожденіи Руси*, на статью Грота: «Литва или Скандинавія?» въ Отеч. Зап. (Соврем. 1860 г., т. LXXX, № 4, отд. III, стр. 413—417).

34) *Письмо къ редактору по поводу статей о происхожденіи Руси изъ Литвы*. I. Объясненіе по поводу статьи г. Юрія Летголы. II. Объясненіе по поводу статьи г. Васильева (Арх. истор. и практ. свѣд. о Россіи, кн. I, отд. I, стр. 61—92).

35) *Г. Юрію Летголѣ* (Сѣв. Пчела 1860 г., № 262).

36) *Публичный диспутъ 19 марта 1860 г. о началѣ Руси между г. Погодинымъ и Костомаровымъ*. I. Письмо г. Погодина къ г Костомарову, чит. г. Погодинымъ на публичномъ диспутѣ. II. Отвѣтъ г. Костомарова. III. Отвѣтъ на возраженія г. Погодина, читанный г. Костомаровымъ на томъ-же публичномъ диспутѣ. IV. Приложеніе. Словесныя пренія между гг. Погодинымъ и Костомаровымъ на диспутѣ, записанныя В. Мордвиновымъ (Совр. 1860 г , т. LXXX, № 3, отд. I, стр. 257—292).

37) *Послѣднее слово г. Погодину о жмудскомъ происхожденіи первыхъ русскихъ князей*. Отвѣтъ на отложенное до печати дополненіе къ диспуту (Совр. 1860 г., т. LXXXI, № 5, отд. III, стр. 73—83).

38) *О норманскомъ племени.* Замѣтка по поводу описанія диспута Шелизибова (Сѣв. Пчела 1860 г., № 71).

39) *Объясненія по поводу диспута* (Спб. Вѣд. 1860 г., № 69; Сѣв. Пчела, № 78; Наше Время, № 34).

40) *О козачествѣ. Отвѣтъ «Виленскому Вѣстнику»* (Совр. 1860 г., т. LXXXII, № 7, отд. III, стр. 75—92. Статья въ „Виленск. Вѣст.“ №№ 34—36, Тадеуша Падалицы, на польскомъ языкѣ, по поводу возраженій Костомарова на мнѣніе г. Соловьева о козачествѣ) и *Отвѣтъ г. Падалицѣ* (Совр. т. LXXXIV, № 12, отд. III, стр. 373—382).

41) *Отвѣтъ г. Максимовичу.* По поводу письма о Богданѣ Хмельницкомъ (Спб. Вѣд. 1860 г., №№ 8 и 283).

42) *Запорожская пѣсня* (Сообщена въ Лѣтоп. рус. литер. и древн., т. III, кн. 6, отд. III, стр. 89).

43) *Разбойничья пѣсня* (Сообщ. въ Арх. истор. и практ. свѣд. о Россіи Калачова, кн. I, отд. 5, стр. 1; записана въ сердобскомъ у., въ с. Волхонщинѣ).

44) *Русскія народныя пѣсни,* собранныя въ саратов. губ. А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровымъ (Лѣтоп. рус. лит. и древн., т. IV, отд. II, стр. 3—311).

45) *О значеніи критическихъ трудовъ К. Аксакова по русской исторіи,* напис. для произнесенія на торж. актѣ въ С.-Петерб. университетѣ (Русское Слово 1861 г., № 2 и отд.; Спб. Вѣд., № 51).

46) *Лекціи по русской исторіи проф. Н. И. Костомарова.* Состав. по запискамъ слушателей, изд. П. Гайдебуровымъ. Спб. 1861 г. (100 стр.). Часть I. Источники русской исторіи (о лѣтописяхъ).

47) *Правда полякамъ о Руси.* По поводу новой статьи въ „Revue Contemporaine“ (Основа 1861 г., № 10, стр. 100—112).

48) *Отвѣтъ на выходки газеты (краковской) „Czas“* и журнала *„Revue Contemporaine“*, по поводу анти-историческихъ польскихъ взглядовъ на Русь (Основа, 1861 г., № 2, стр. 121—135).

49) *Рецензія* сочиненія И. Попки «Черноморскіе козаки» (Основа 1861 г., № 8, стр. 1—8).

50) *Слово о Сковородѣ*, по поводу рецензіи на его сочиненія въ „Русскомъ Словѣ“ (Основа 1861 г., № 7, стр. 176—179 и № 8, стр. 11—14).

51) *Воспоминаніе о двухъ малярахъ*: о Тарасѣ Григорьевичѣ Шевченкѣ и Грицькѣ (Основа 1861 г., № 4, стр. 44—56).

52) *Правда москвичамъ о Руси* (Основа 1861 г., № 10, стр. 1—15 и 1862, № 1, стр. 59—62).

53) *Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси* (Основа 1861 г.). Вошло потомъ въ I т. „Монографій“.

54) *Двѣ русскія народности* (Основа 1861 г.). Вошло въ I томъ «Монографій».

55) *Черты народной южно-русской исторіи* (Основа, 1861 г.). Вошло впослѣдствіи въ I-й т. «Монографій».

56) *Гетманство Выговскаго* (Основа, 1861 г.). Вошло во II-й т. «Монографій».

57) *Нѣсколько словъ* по поводу мнѣнія о положеніи южнорусскихъ крестьянъ въ XVI вѣкѣ, въ соч. Мордовцева (Спб. Вѣд., 1861 г., № 168; Русское Слово 1861 г., № 4).

58) *Замѣчаніе о нашихъ университетахъ*, по поводу напечатанной въ № 1 газеты «День» статьи Хомякова (Спб. Вѣд. 1861 г., № 237).

59) *Еще объ университетахъ* (Спб. Вѣдом. 1861 годъ, №№ 258 и 261).

60) *О служебныхъ преимуществахъ университетовъ* (Спб. Вѣд. 1861 г., № 262).

61) *Замѣчанія объ университетахъ*, по поводу мнѣній г. Никитенка, Рус. Инвалида и др (Спб. Вѣд. 1861 г., №№ 270, 275 и 281).

62) *Старинный южно-русскій переводъ Пѣсни пѣсней съ послѣсловіями о любви*, одинъ изъ старинныхъ памятниковъ нашей литературы, списанный Н. И. Костомаровымъ изъ сборника, хранящагося въ синодальной московской библіотекѣ, почерка XV или начала XVI вв. (Основа 1861 г., № 11—12, стр. 33—64).

63) *Критическій обзоръ статей*, напечатанныхъ въ 3-й

книгѣ «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній» (Русское Слово, 1861 г., № 4, отд. II, стр. 64—116).

64) *Мистическая повѣсть о Нифонтѣ* (Русское Слово, 1861 годъ).

65) *Іудеямъ* (Основа 1862 г., № 1).

66) *Дополненіе къ «Правдѣ москвичамъ о Руси»* (Основа 1862 г., № 1, стр. 58—62).

67) *Замѣтка объ іудеяхъ* (Основа, 1862 г., № 5).

68) *Тысячелѣтіе Россіи* (Спб. Вѣдомости, 1862 г., № 5 и отдѣльно).

69) *Мысли южноруcса о преподаваніи на южно-русскомъ языкѣ* (Основа 1862 г., № 5, стр. 1—6).

70) *О значеніи Великаго Новгорода* (Отеч. Зап. 1862 г.).

71) *Великорусскіе религіозные вольнодумцы XVI вѣка* (Отеч. Зап. 1862 г.).

72) *Иванъ Сусанинъ* (Отеч. Зап. 1862 г.)

73) *Князь Владиміръ Мономахъ и козакъ Богданъ Хмельницкій* (Русскій Инвалидъ, 1863 г., № 86).

74) *Нѣсколько словъ о разборѣ моего сочиненія:* «Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіи. Отвѣтъ г. Буслаеву (Спб. Вѣд. 1863 г., № 162).

75) *О преподаваніи на народномъ языкѣ въ южной Руси* (Голосъ, 1863 г., № 94).

76) *Г. публицисту «Московскихъ Вѣдомостей» и воскресныхъ прибавленій къ этимъ Вѣдомостямъ* (Спб. Вѣд. 1863 г., № 164).

77) *Отвѣтъ «Московскимъ Вѣдомостямъ»*. По поводу сбора пожертвованій въ пользу изданія книгъ научнаго содержанія на южно-русскомъ языкѣ и *Письмо къ редактору* (День, № 29).

78) *Сѣверно-русскія народоправства*: Исторія Новгорода, Пскова и Вятки. Спб., 1863 г. Впослѣдствіи составило VII и VIII тт. «Монографій».

79) *Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи* (Записки Географическаго Общества 1863 г., т. XII). Потомъ вошло въ III-й томъ «Монографій».

80) *Куликовская битва* (Академическій Календарь 1864 г.). Вошло затѣмъ въ III-й томъ «Монографій».

81) *Ливонская война* (Библіотека для чтенія, 1864 г.).

82) *Переписка Погодина и Костомарова по поводу статьи послѣдняго о куликовской битвѣ* (Голосъ, 1864 г., №№ 32 и 62).

83) *Апологія за Дмитрія Донскаго г. Аверкіева и Асколенскаго* (Голосъ 1864 г., № 124).

84) *Кто былъ первый Лжедмитрій?* Истор. изслѣд. Спб. 1864 г., и дополн. къ нему въ «Голосѣ» №№: 20, 30 и 56.

85) *Лекціи Кояловича по исторіи западной Россіи* (Голосъ 1864 г., № 118, и *Отвѣтъ Кояловичу*, № 127).

86) *Отвѣтъ Волынцу и малороссу-волынцу* (День 1864 г., № 6 и Голосъ 1864 г., № 120).

87) *Замѣчаніе г. Лохвицкому* (о федеративномъ началѣ, Спб. Вѣд. 1864 г., № 205, по поводу книги «Губернія»).

88) *Воспоминанія о молоканахъ* (Отеч. Зап. 1865 г.).

89 *Отчетъ о варшавскихъ библіотекахъ* (Лѣтоп. занятій арх. ком., т. IV, проток., стр. 10—13).

90) *О командировкѣ для осмотра Несвижскаго архива князей Радзивиловъ* (Лѣтоп. занятій археолог. ком. т. V, стр. 16—21).

91) *Смутное время московскаго государства въ началѣ XVII в.* (Вѣстникъ Европы 1866 г.). Отдѣльно издано въ 3-хъ тт. «Историч. монографій» и составило тома: IV, V и VI.

92) *Гетманство Юрія Хмельницкаго* (Вѣст. Евр. 1868 г.). Вошло въ XII т. «Монографій».

93) *Отзывъ о книгѣ г. Хрущова:* «Изслѣдованіе о сочиненіи Іосифа Волоцкаго» (XII-е присужденіе Демид. преміи, 1869 г., 208—214).

94) *Рецензія* на соч. В. Б. Антоновича: «Очеркъ исторіи Великаго Княжества Литовскаго» (Историч. Вѣстн. 1870 г., т. II, стр. 178—186).

95) *Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой* (Вѣстн. Евр. 1869—1870 гг.). Отдѣльное изд. 1870

96) *Начало единодержавія въ древней Руси.* (Вѣст. Евр. 1870 г.). Вошло въ XII томъ „Монографій“.

97) *Костюшко и революція 1794 года* (Вѣст. Евр. 1870 года, №№: 1, 2, 3).

98) *Церковно-историческая критика въ XVII вѣкѣ* (Вѣстн. Евр. 1870 г.). Вошло въ XII-й томъ „Монографій“.

99) *Лекція 20-я „о Словѣ о полку Игоревѣ“* (Голосъ 1870 г., № 117).

100) *Исторія раскола у раскольниковъ* (Вѣстн. Евр. 1871). Вошло въ VII томъ „Монографій“.

101) *Преданія первоначальной русской лѣтописи* (Вѣст. Евр. 1871 г.). Вошло въ XII томъ „Монографій“.

102) *Личность царя Ивана Васильевича Грознаго* (Вѣст. Евр. 1871 г.) Вошло въ XIII томъ „Монографій“.

103) *О слѣдственномъ дѣлѣ по поводу убіенія царевича Димитрія* (Вѣстн. Евр. 1872 г.). Вошло въ составъ XIII-го т. „Монографій“.

104) *Личности смутнаго времени* (Вѣстн. Евр. 1872 г.). Вошло въ составъ XIII-го тома „Монографій“.

105) *Кто виноватъ въ смутномъ времени* (Вѣстн. Евр. 1873 г.). Потомъ вошло въ XIII-й томъ „Монографій“.

106) *Великорусская народная пѣсенная поэзія* (Вѣстн. Евр. 1873 г.). Вошла въ составъ XIII-го тома „Монографій“.

107) *Отвѣтъ на статью Погодина о Скопинѣ-Шуйскомъ* (Вѣстн. Евр 1872 г., т. II, стр. 859—864).

108) *Отвѣтъ запорожцевъ на письмо турецкаго султана 1680 года* (Русск. Старина 1872 года, т. VI, стр. 450—451).

109) *Князь М. А. Оболенскій, его труды и изданія* (Русск. Архивъ 1873 г. и отдѣльно).

110) *Аѳанасій Филипповичъ* (Газета Гатцука). Вошло потомъ въ XIV томъ «Монографій».

111) *Петръ Могила предъ судомъ изслѣдователей нашего времени* (Вѣстн. Евр. 1874 г.). Вошло потомъ въ составъ XIV-го тома «Монографій».

112) *Историческая поэзія и новые ея матеріалы* (Вѣстн. Евр. 1874, № 12).

113) *Царевичъ Алексѣй Петровичъ* (Древ. и Нов. Россія 1875 г.). Вошло въ XIV томъ „Монографій".

114) *Разборъ книги* Антоновича и Драгоманова: „Малорусскія народныя историческія пѣсни" (Вѣстн. Евр. 1874 г.).

115) *Примѣры сопротивленія власти при Петрѣ В.* (Русск. Стар. 1875 г., т. XII, стр. 381—383).

116) *Кудеяръ*. Истор. пов. (Вѣстн. Евр. 1875 г., отдѣльной книгой въ 1882 г.).

117) *По поводу статьи „Кіевлянина" о Кудеярѣ* (Кiев. Телегр. 1875 г., № 85).

118) *Павелъ Полуботокъ* (Русск. Стар. 1876 г.). Вошло въ XIV томъ „Монографій".

119) *По поводу современнаго портрета Лжедимитрія I, 1606 г.* (Русск. Стар. 1876 г., т. XV, стр. 1—8).

120) *Русская историческая литература въ 1876 году* (о соч. гг. Иловайскаго, Забѣлина и Гедеонова, Русск. Старина 1877, т. XVIII, стр. 159—184).

121) *Императрица Екатерина I.* (Древ. и Нов. Россія 1877 г). Вошло въ XIV т. „Монографій".

122) *Богданъ Хмельницкій, данникъ Оттоманской Порты* (Вѣстн. Евр. 1878 г.). Вошло въ XIV т. „Монографій".

123) *О казакахъ* (Русск. Стар. 1878). Вошло въ составъ XIV т. „Монографій"

124) *Разборъ книги* Драгоманова: „Малорусскія народныя преданія" (Русск. Стар. 1877 г.).

125) *Самодержавный отрокъ* (Древн. и Нов. Россія, 1878 года). Вошло въ XIV томъ „Монографій".

126) *Холопъ* (Новое Время 1878 г.). *Руина* (Вѣстн. Евр. 1879 г.).

127) *Разборъ книги* А. И. Никитскаго: «Очеркъ исторіи церкви въ В. Новгородѣ" (Русск. Стар. 1880 г., т. XXVII, стр. 194—208).

128) *Поэтъ Т. Г. Шевченко,* біогр. очеркъ (Русск. Стар. 1880 г., стр. 587—610).

129) *Самозванецъ лже-царевичъ Симеонъ* (Истор. Вѣстн. 1880 г., т. I, стр. 1—25).

130) *Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества* (Началась печатаніемъ въ жур. „Бесѣда“ 1872 г., продолжалась въ „Русской Мысли“ 1880 и 1883 гг. и не окончена).

131) *Черниговка.* Историч. повѣсть (Историч. Вѣстн., 1881 года, и отдѣльною книгою).

132) *Украинофильство* (Русск. Стар. 1881 г., т. XXX).

133) *Малорусское слово* (Вѣстн. Евр. 1881 г., т. I).

134) *По вопросу о малорусскомъ словѣ „Соврем. Извѣстіямъ“* (Вѣстн. Евр. 1881 г., т. II).

135) *Еще по поводу малорусскаго слова „Москов. Вѣдомостямъ“* (Вѣст. Евр. 1881 г., т. II).

136) *Объясненіе по поводу археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ* (Вѣстн. Евр. 1881 г., т. VI).

137) *Предисловіе къ выпискамъ изъ памятныхъ книжекъ Петра В.* (Вѣстн. Евр. 1881 г., т. V, стр. 182—183).

138) *Библіографическія замѣтки* о „Сборн. Моск. Арх. иностр. дѣлъ“, вып. I—II (Вѣстн. Евр. 1881 года, т. IV, стр. 451—453).

139) *По поводу статьи де Пуле въ „Русск. Вѣстникѣ“ объ украинофильствѣ* (Вѣстн. Евр. 1882 г., т. III).

140) *Крашанка Кулиша. Письмо въ редакцію* (Вѣстн. Евр. 1882 г., т. IV).

141) *Мазепа.* Ист. моногр. (Русская Мысль, 1882 г.; въ томъ-же году отдѣльной книгой).

142) *Поѣздка въ Бѣлую Церковь* (Кіев. Стар. 1882 года, томъ II).

143) *Матеріалы для исторіи Колiивщины* (Кіев. Стар. 1882 г., т. III).

144) *Бытовые очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка*: двѣ торговки, царскій родичъ, черви (Историч. Вѣстн. 1883 г., томъ XI).

145) *Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность* (Кіев. Стар. 1883 г., т. V).

146) *По поводу замѣчанія о федеративномъ началѣ въ древней Руси* (Кіев. Стар. 1883 г., т. V).

147) *Жидотрепаніе въ началѣ XVIII вѣка* (Кіев. Стар. 1883 г.).

148) *Рецензія* на драму І. Старицкаго „Не судилось“ Кіев. Стар. 1883 г., т. VII).

149) *Изъ прожитыхъ на Волыни дней* (Кіев. Стар. 1883 г. т. VIII).

150) *Историческій памятникъ въ Переяславѣ* (Русск. Стар. 1883 г., т. XXVIII, стр. 689—690).

151) *Мазепинцы* (Русская Мысль 1884 г.)

152) *Фельдмаршалъ Минихъ и его значеніе въ русской исторіи* (Вѣстн. Евр. 1884 г., т. VIII, стр. 510—564 и IX, стр. 5—57).

153) *Ксенія Борисовна Годунова* (по поводу картины художника Неврева. Истор. Вѣст. 1884 г., т. XV, стр. 7—23).

154) *Марина Мнишекъ* (по поводу картины художника Рябушкина. Истор. Вѣстн. 1885 г., т. XIX, стр. 5—11).

155) *Рецензія* на книгу Иловайскаго: «Исторія Россіи», т. 2. Московско-литовскій періодъ или собиратели Руси (Новь, т. II, № 5-й, стр. 134—142).

156) *Императрица Анна Ивановна и ея царствованіе* (Новь, т. III, № 10, стр. 199—214; т. III, № 11-й, стр. 331—351).

157) *Мазепа и Мазепинцы*. Истор. мон. Спб. 1885 г.

158) *По поводу книги М. О. Кояловича*: «Исторія русскаго самосознанія по историч. памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ» (Вѣстн. Евр. 1885 г., т. IV, стр. 867—878).

Подъ редакціей Н. И. Костомарова изданъ «*Сборникъ малорусскихъ обрядовыхъ пѣсенъ*», *въ III, IV и V томахъ* «*Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ*

юго-западный край». *Въ XVI томѣ «Сборника императорскаго историческаго общества»* (1875 г.) изданы подъ ред. Костомарова: «*Бумаги князя Николая Васильевича Репнина*». Подъ его-же редакціей изданы: «*Памятники старинной русской литературы*» и одинадцать томовъ «*Актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи*».

«Есть указаніе на *Записки* Н. И. Костомарова, значительная часть которыхъ была написана въ 1878 г. (Русск. Стар. 1878 г., т. XXIII, стр. 308»)[1]).

Нѣкоторыя, болѣе важныя изъ перечисленныхъ сочиненій, отмѣченныя нами выше, изданы Костомаровымъ отдѣльно, подъ заглавіемъ: «*Историческія монографіи и изслѣдованія*», которыхъ вышло до сихъ поръ XVI томовъ, именно:

Томъ I, Спб. 1863 г. содержитъ въ себѣ: I. Мысли о федеративномъ устройствѣ въ древней Руси; II. Черты народной южно-русской исторіи; III. Двѣ русскія народности; IV. Мистическая повѣсть о Нифонтѣ; V. Легенда о кровосмѣсителѣ; VI. О значеніи Великаго Новгорода; VII. Должно-ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права; VIII. Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI в. Матвѣй Башкинъ и его соучастникъ Θеодосій Косой.; IX. Иванъ Сусанинъ.

Томъ II, Спб. 1863 г.: I. Иванъ Свирговскій, украинскій козацкій гетманъ XVI в.; II. Гетманство Выговскаго; III. Бунтъ Стеньки Разина; IV. По поводу мыслей свѣтскаго человѣка о книгѣ: «Сельское духовенство».

Томъ III, Спб. 1867 г.: I. Куликовская битва; II. Ливонская война; III. Южная Русь въ концѣ XVI вѣка; IV. Литовская народная поэзія; V. Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи.

Томы IV, V и VI: Смутное время московскаго государства въ началѣ XVII столѣтія.

---

[1]) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей университета св. Владиміра, стр. 297. Костомаровъ писалъ въ газетахъ «Новое Время», «Голосѣ» и «Газетѣ Гатцука», подъ псевдонимомъ Богучарова. Ibid., стр. 291.

Томы VII и VIII: Сѣверно-русскія народоправства: исторія Новгорода, Пскова и Вятки.

Томы IX, X и XI: Богданъ Хмельницкій [1]).

Томъ XII, Спб. 1872 г.: I. Начало единодержавія въ древней Руси; II. Гетманство Юрія Хмельницкаго; III. Церковно-историческая критика въ XVII вѣкѣ; IV. Исторія раскола у раскольниковъ; V. Воспоминанія о молоканахъ.

Томъ XIII, Спб. 1881 г.: I. Преданія первоначальной русской лѣтописи въ соображеніяхъ съ русскими народными преданіями въ пѣсняхъ, сказаніяхъ и обычаяхъ; II. Личность царя Ивана Васильевича Грознаго; III. О слѣдственномъ дѣлѣ по поводу убіенія царевича Димитрія; IV. Личности смутнаго времени; V. Кто виноватъ въ смутномъ времени; VI. Великорусская народная пѣсенная поэзія.

Томъ XIV, Спб. 1881 г.: I. Аѳанасій Филипповичъ, борецъ за православную вѣру въ западной Руси; II. Петръ Могила предъ судомъ изслѣдователей нашего времени; III. Богданъ Хмельницкій, данникъ Оттоманской Порты; IV. О козакахъ; V. Царевичъ Алексѣй Петровичъ; VI. Павелъ Полуботокъ; VII. Императрица Екатерина I; VIII. Самодержавный отрокъ.

Томъ XV, Спб. 1881 г.: I. Руина. Исторія гетманства Брюховецкаго, Многогрѣшнаго и Самойловича.

Томъ XVI, Спб. 1885 г.: I. Мазепа; II. Мазепинцы.

Впродолженіе 1873—1876 г. Н. И. Костомаровъ написалъ *«Русскую исторію въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей»*. До сихъ поръ вышло 6 выпусковъ, а именно:

Выпускъ I: X—XIV столѣтія: I. Князь Владиміръ Святой; II. Великій князь Ярославъ Владиміровичъ; III. Преподобный Ѳеодосій Печерскій; IV. Князь Владиміръ Мономахъ; V. Князь Андрей Боголюбскій; VI. Мстиславъ Удалой; VII. Князь Данило Романовичъ Галицкій; VIII. Князь Александръ Невскій; IX. Московскіе князья братья Даниловичи; X. Преподобный Сергій; XI. Великій князь Димитрій Ивановичъ Донской; XII. Соловецкіе чудотворцы.

[1]) Въ 1884 года вышла 4-мъ изданіемъ.

Выпускъ II: XV и XVI столѣтія: XIII. Великій князь и государь Иванъ Васильевичъ; XIV. Новгородскій архіепископъ Геннадій; XV. Московскій государь великій князь Василій Ивановичъ; XVI. Преподобный Нилъ Сорскій и Вассіанъ, князь Патрикѣевъ; XVII. Максимъ Грекъ; XVIII. Сильвестръ и Адашевъ; XIX. Матвѣй Семеновичъ Башкинъ и его соучастники; XX. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный.

Выпускъ III: XV и XVI столѣтія: XXI. Ермакъ Тимофеевичъ; XXI. Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій; XXIII. Борисъ Годуновъ; XXIV. Названый Димитрій; XXV. Марина Мнишекъ; XXVI. Василій Шуйскій: XXVII. Князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій; XXVIII. Патріархъ Гермогенъ и Прокопій Ляпуновъ; XXIX. Троицкій архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ; XXX. Козьма Захарычъ召нинъ-Сухорукъ и князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій; XXXI. Филаретъ Никитичъ Романовъ.

Выпускъ IV: XVII столѣтіе: I. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ; II. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила; III. Царь Алексѣй Михайловичъ; IV. Патріархъ Никонъ.

Выпускъ V: XVII столѣтіе: V. Малороссійскій гетманъ Зиновій-Богданъ Хмельницкій; VI. Преемники Богдана Хмельницкаго; VII. Стенька Разинъ; VIII. Сибирскіе землеискатели XVII вѣка; IX. Галятовскій, Радивиловскій и Лазарь Барановичъ; X. Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій и ихъ преемники; XI. Юрій Крижаничъ; XII. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ; XIII. Царевна Софья; XIV. Ростовскій митрополитъ Димитрій Туптало.

Выпускъ VI: XVIII столѣтіе: XV. Петръ Великій; XVI. Гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа; XVII. Царевичъ Алексѣй Петровичъ; XVIII. Князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ; XIX. Архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ.

По упоминанію самаго Костомарова (см. «Біографич. словарь проф. и преподав. имп. унив. св. Владиміра», стр. 291), написанъ и VII-й выпускъ «Исторіи въ жизнеописаніяхъ», въ которомъ біографіи доведены до Екатерины II.

Историческо-беллетристическія произведенія Костомарова.

1) *Сынъ*. Истор. пов. изд. 1859 и 64 г.

2) *Кремуцій Кордъ*. Истор. драма 1862 г.

3) *Кудеяръ*. Истор. пов. 1882 г.

4) *Холопъ*. Истор. пов. (Новое Время 1878 г.)

5) *Черниговка*. Истор. пов. 1881 г.

6) *Жидотрепаніе въ началѣ XVIII вѣка* (Кіев. Стар. 1883 г.)

7) *Еллины Тавриды*. Истор. драма 1884 г.

II. Произведенія на малорусскомъ языкѣ.

(Псевдонимъ: Іеремія Галка).

1) *Савва Чалий*. Драматичні сцени въ 5 діяхъ. Харьковъ 1838 р.

2) *Украинскія баллады*. Харьковъ 1839 г.

3) *Вітка*. Збірникъ віршівъ (всѣхъ 30). Харьковъ 1840 г.

4) *Переяславська нічъ*, трагед. въ 9 сценахъ и *Еврейські співонки Байрона*. Сніпъ, українськии поворочникъ. Харьковъ 1841 г.

5) *Сказки: «Торба и Лови» и 17 стихотвореній*. Въ сборникѣ И. Бецкаго: *Молодикъ*, украинскій альманахъ на 1843 г. Харьковъ 1843 г.

6) *Вірші* (всѣхъ 4). Малорусскій литературный сборникъ Мордовцева. Саратовъ. 1859 г.

7) *Вірші*. Основа 1869 г., 1—3; Галицкій журналъ «Світъ» 1882 г., № 13.

8) *Христіянство и кріпацтво*. Основа 1862 г., № 6.

9) *Загадка*. Сцени. Основа 1862 г., № 6.

10) *Судъ чехівъ надъ собою*. Основа 1862 г., № 9.

11) *Збірникъ творівъ І. Галки*. Одесса 1875 г (заключаетъ въ себѣ: a) Савва Чалий, b) Переяславська нічъ, c) Загадка, d) Вірші—числомъ 50).

Ѳ. Николайчикъ.

III.

Н. И. Костомаровъ, какъ историкъ [1].

Настоящее засѣданіе намъ приходится открыть грустною, всѣмъ правда извѣстною уже новостью. Разумѣю смерть Н. И. Костомарова, одного изъ первоклассныхъ русскихъ ученыхъ, работавшаго на полѣ отечественной исторіи долго и неутомимо.

Если покойный историкъ имѣетъ право на всеобщее уваженіе и признаніе его заслугъ всѣми образованными людьми, интересующимися преуспѣяніемъ наукъ въ Россіи, то мы съ удвоенною скорбью должны принять извѣстіе о его кончинѣ, потому что имя его было неразрывно связано съ университетомъ, при которомъ наше общество имѣетъ честь состоять.

Преподавательская дѣятельность Николая Ивановича, правда, слишкомъ кратковременная, началась на каѳедрѣ нашего университета. Университетъ Св. Владиміра первый оцѣнилъ ученыя заслуги Николая Ивановича: въ 1864 году онъ призналъ его почетнымъ докторомъ исторіи, а празднуя пятидесятилѣтнюю годовщину своего существованія, возвелъ его въ свои почетные члены.

Намъ, конечно, какъ лицамъ, заинтересованнымъ въ преуспѣяніи отечественной исторіи, слѣдуетъ помянуть Николая Ивановича, какъ дѣятеля историческаго. Я не стану перечислять его многочисленныхъ трудовъ. Изумительная плодовитость покойнаго дала намъ такой громадный сборникъ его сочиненій, что одно перечисленіе ихъ заняло-бы гораздо болѣе времени, чѣмъ мы можемъ посвятить теперь грустному воспоминанію о немъ. Мы укажемъ поэтому лишь главныя типическія черты, которыя характеризуютъ Николая Ивановича, какъ историка.

Прежде всего нашъ историкъ бралъ матеріалъ для своихъ изслѣдованій изъ *первыхъ* источниковъ, изъ первыхъ рукъ. Онъ никогда не прибѣгалъ къ темамъ разработаннымъ, не пользовался чужими трудами. Архивы и разныя другія древне-хранилища — вотъ мѣста, откуда онъ добывалъ свой сырой матеріалъ, и онъ

[1]) Сказано въ засѣданіи общества пр. Нестора Лѣтописца предсѣдателемъ онаго профессоромъ университета св. Владиміра В. Б. Антоновичемъ, 14 апрѣля 1885 г.

разрабатывалъ его тщательно, подвергалъ суровой, строгой, въ уровень съ наукой, критикѣ. Только переработавъ матеріалъ критически, Николай Ивановичъ воспроизводилъ изъ него исторію того или другаго историческаго событія, біографію того или другаго исторического дѣятеля, иногда цѣлую эпоху. Въ изображеніи историческихъ событій господствующею чертою покойнаго была художественность, которою всѣ, читавшіе его произведенія, увлекались. Сочетаніе въ талантѣ Николая Ивановича указанныхъ чертъ было тою счастливою случайностію, которую рѣдко можно наблюдать въ ученомъ историческомъ мірѣ. Въ ряду представителей европейской исторической науки типъ наиболѣе близкій къ тому, который представлялъ собою нашъ историкъ, можно, кажется, видѣть въ Augustin Thierry. Таже эрудиція и умѣнье добывать матеріалъ изъ сырья, таже строго-научная критика и художественность въ воспроизведеніи историческихъ эпизодовъ... Архивные поиски Н. И. Костомарова оставили громадный слѣдъ за собой; начались они, какъ извѣстно, съ перваго юношескаго возраста, когда онъ въ качествѣ молодаго юнкера, случайно попавшаго въ военную сферу, долженъ былъ бросить эту службу, потому что увлекся маленькимъ провинціальнымъ архивомъ. Начиная съ этого, острогожскаго архива, Николай Ивановичъ обнаружилъ замѣчательное умѣнье вѣрно отыскивать историческіе памятники, собирая сырьё и приготовляя изъ него матеріалъ для будущихъ работъ. Уже одно пребываніе его въ Саратовѣ и Царицынѣ обогатило его громаднымъ количествомъ матеріала, добытаго изъ мѣстныхъ архивовъ; когда же онъ переселился въ Петербургъ, то въ поискахъ за архивнымъ матеріаломъ дѣлилъ свое время между этой столицей и Москвой. Въ московскомъ румянцевскомъ музеѣ, въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и министерства юстиціи, за лѣтописями и мемуарами въ рукописномъ отдѣлѣ императорской публичной библіотеки, просиживалъ нашъ историкъ по цѣлымъ днямъ, извлекая оттуда богатыя данныя съ удивительною опытностью и умѣлостью, а потомъ весь этотъ матеріалъ мы встрѣчаемъ въ цѣломъ рядѣ вѣскихъ томовъ, которые изданы Императорскою Археографическою Коммиссіею.

Для опредѣленія критическаго отношенія Николая Ивановича къ историческимъ фактамъ довольно указать на то сочиненіе, которое въ критикѣ нашихъ лѣтописей составило переворотъ, т. е. на тотъ курсъ лекцій, который былъ читанъ имъ въ 1860 году въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ онъ въ первый разъ систематически разобралъ составъ, происхожденіе и источники древнихъ русскихъ лѣтописей. Занявшись потомъ древнимъ періодомъ русской исторіи, онъ относился вообще довольно скептически къ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ и, подвергая критической оцѣнкѣ ихъ достовѣрность, отыскивалъ и указывалъ источникъ, откуда повѣствованіе взято лѣтописцемъ. Въ отношеніи художественности это былъ истинный талантъ, въ своемъ осуществленіи увлекавшій тою яркостію красокъ, цѣльностію картинъ, мѣткостію очертаній, историческою жизненностію и правдою, которыя мы замѣчаемъ въ сочиненіяхъ покойнаго. Истинное значеніе и такъ сказать секретъ этой увлекательности мы поймемъ, когда обратимъ вниманіе на тѣ пріемы, какими сопровождались работы нашего историка и тотъ процессъ, который проходила каждая изъ нихъ.

Николай Ивановичъ занимался *исключительно исторіею Россіи*, исторіею своего народа; но на народъ онъ смотрѣлъ, какъ на живой организмъ. Историческія данныя, опредѣляющія жизнь и судьбу этого народа черпалъ онъ изъ архивныхъ документовъ или изъ старинныхъ лѣтописей; но эти данныя не оставались въ представленіи историка сухимъ перечнемъ лицъ и событій, не были однимъ лишь пергаментнымъ сюжетомъ кабинетной работы. Дѣйствующія лица, событія, цѣлыя эпохи, одушевлялись въ богатомъ творческомъ воображеніи автора и, не теряя реальнаго, провѣреннаго строгою критикою характера исторической истины, стряхивали съ себя гробовую плѣсень и воспроизводились въ исполненныхъ жизни картинахъ. Конечно, желая удержаться въ предѣлахъ исторической истины и вмѣстѣ съ тѣмъ освѣтить описываемые сюжеты изъ прошедшаго, иногда довольно отдаленнаго, историкъ становился подъ-часъ въ трудное по свойству самаго матеріала положеніе: изъ документовъ бытовыя подробности онъ могъ собрать только въ видѣ разрозненныхъ, отдѣльныхъ чертъ, съ трудомъ укладывав-

шихся въ цѣльную картину, а въ лѣтописяхъ запасъ бытовыхъ подробностей оказывался еще скуднѣе, такъ какъ описаніе внѣшнее, фактическое заслоняло ихъ почти всецѣло; между тѣмъ эти-то подробности и были необходимы для понятія исторической эпохи. Чтобы восполнить этотъ скудный матеріалъ, нашъ историкъ обращался съ одной стороны, гдѣ возможно было, къ мемуарамъ, т. е. къ запискамъ современниковъ, съ другой—бралъ массу красокъ изъ *этнографіи*, для возстановленія быта и понятій народныхъ массъ. Этой вспомогательной исторической наукѣ, составляющей важный источникъ историческаго познанія, онъ посвятилъ много времени, много труда и немало готовыхъ работъ; онъ самъ собиралъ пѣсни, пословицы, легенды, преданія и пользовался работами другихъ,—тѣми многочисленными сборниками по этнографіи, которые выходили въ его время. Матеріалу этому ученый историкъ, конечно, не придавалъ фактическаго значенія, но въ уцѣлѣвшихъ въ народной литературѣ историческихъ намекахъ и указаніяхъ старался уловить нравственную физіогномію эпохи, дополнить ими тѣ нѣжныя, тонкія, неуловимыя черты, которыя вывѣтрились и засохли въ строго-историческихъ памятникахъ. Этнографію въ широкихъ размѣрахъ онъ считалъ необходимымъ вспомогательнымъ источникомъ для изученія русской исторіи. Понятно, что при указанныхъ выше чертахъ своей научно-исторической дѣятельности Николай Ивановичъ *не могъ браться за любые сюжеты*, и если мы припомнимъ его многочисленныя историческія работы, то увидимъ, что выборъ сюжета для него составлялъ особую задачу, далеко не легкую. Онъ бралъ по преимуществу сюжеты, исполненные высокаго драматизма, въ которыхъ народный духъ проявлялся во всей полнотѣ своего развитія, или личности, біографіи которыхъ были настолько типичны и исполнены рельефныхъ, характерныхъ чертъ, что историкъ могъ ихъ воспроизвести во всей ихъ жизненной полнотѣ.

Въ послѣднее время Николай Ивановичъ пожелалъ написать исторію Россіи, но отказался написать ее въ видѣ прагматическаго разсказа; за то онъ построилъ, такъ сказать, Россію въ біографіяхъ

ея исторических лицъ. Этотъ методъ былъ для него совершенно доступенъ.

Припоминая многочисленные труды Николая Ивановича на полѣ исторіи, нельзя не обратить вниманія на то, что въ одномъ отношеніи если онъ не самъ проложилъ, то способствовалъ къ проложенію новаго пути въ исторіи. Занимаясь общими задачами русской исторіи, онъ обратилъ весьма серьезное вниманіе на научную разработку областной исторіи Россіи. Въ этомъ отношеніи онъ проще понялъ положеніе исторіи въ Россіи, чѣмъ другой, современный ему, даровитый историкъ русскій, Дмитрій Ивановичъ Иловайскій. Появившіяся почти одновременно первыя двѣ ихъ монографіи: «Рязанское княжество» и «Сѣверно-русскія народоправства» произвели новый переворотъ въ русской исторіи; а затѣмъ областныхъ монографій покойнаго находимъ много. Изъ нихъ особенно извѣстны относящіяся къ удѣльному времени русской исторіи.

Въ 1861 году появилась статья Николая Ивановича о «федеративномъ началѣ» въ русской исторіи, гдѣ онъ доказывалъ, что заниматься этой наукой, не сдѣлавши систематическаго обозрѣнія всѣхъ областей, на которыя распадалась Русь, невозможно и что тутъ открываются такія черты, которыхъ прежніе историки не замѣчали.

Достойны особаго вниманія взгляды Николая Ивановича на „послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, а также цѣлый рядъ его работъ по исторіи Днѣпровскаго казачества. Этой послѣдней онъ занимался съ особенною любовію, посвятилъ ей много времени и труда, но примѣнилъ къ ней съ полнымъ безпристрастіемъ тѣ же пріемы здравой исторической критики, которые отличаютъ всѣ его историческіе труды, и произвелъ въ ней также значительный, если не совершенный переворотъ. До Николая Ивановича спеціальная *южно-русская* исторія была почти совсѣмъ не разработана, находилась можно сказать въ хаотическомъ состояніи, была заслонена массою измышленій, предвзятыхъ, фиктивныхъ гипотезъ, фантастическихъ выдуманныхъ положеній, цѣлую массу которыхъ заключала въ себѣ любимая, въ свое время, хо-

дившая долго въ спискахъ и наконецъ напечатанная «Исторія Русовъ», которая долго приписывалась архіепископу Георгію Конисскому. Было собственно два предшественника Николая Ивановича, которые много потрудились въ разработкѣ мѣстной южно-русской исторіи: это—извѣстные Бантышъ Каменскій и М. А. Максимовичъ. Бантышъ-Каменскій ограничился собраніемъ матеріала, и его попытка составить исторію Малороссіи была неудачною: если она представляетъ какую-либо цѣну, то лишь набором архивнаго матеріала, который Бантышъ-Каменскій внесъ въ свою исторію, заимствовавъ его изъ обширныхъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Гораздо болѣе послѣдовательны выводы и указанія Максимовича; но Максимовичъ всю свою дѣятельность этого рода провелъ въ борьбѣ, такъ сказать, съ препятствіями. Не смотря на свою глубокую эрудицію, трудолюбіе, онъ, по его собственному выраженію, оттачовалъ лишь «кирпичи для будущей исторіи южной Россіи». На каждой строкѣ этой исторіи его встрѣчаютъ неточности, предвзятыя положенія, фиктивныя данныя, и много труда и времени онъ долженъ былъ употребить, чтобы исторію Малороссіи очистить отъ указанныхъ недостатковъ. Хотя многіе труды его содѣйствовали отчасти Николаю Ивановичу, но по своимъ выводамъ были далеки еще отъ тѣхъ предѣловъ, которые этотъ послѣдній намѣтилъ въ своихъ научныхъ требованіяхъ. Для изученія въ систематическомъ порядкѣ событій южной Россіи и точнаго ихъ освѣщенія покойный историкъ прибѣгалъ къ самымъ источникамъ. Одиннадцать томовъ актовъ южной и западной Россіи, изданные подъ его редакціей, пополнялись въ значительной долѣ работами другихъ. Уже благодаря трудамъ покойнаго Бодянскаго, лѣтописный матеріалъ сталъ пріобрѣтать значеніе для образованнаго общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ историческая зрѣлость общества и кругозоръ его мало по малу расширялись. Николай Ивановичъ пошелъ еще дальше, и въ этомъ отношеніи интересенъ процессъ изданія имъ самимъ историческихъ памятниковъ въ упомянутомъ выше числѣ томовъ. Присоединивъ свой матеріалъ къ матеріалу, собранному другими, онъ употребилъ такую систему разработки его: по мѣрѣ того какъ

набирался одинъ томъ, онъ бралъ крупнѣйшіе факты изъ извѣстнаго періода и пока подготовлялся къ изданію второй томъ, на основаніи собраннаго уже матеріала, обработывалъ ихъ и въ видѣ монографій выпускалъ затѣмъ въ свѣтъ. Отсюда длинный рядъ монографій, посвященныхъ исторіи южной Россіи; въ послѣднемъ сочиненіи его, вышедшемъ почти на дняхъ, эта исторія доведена Николаемъ Ивановичемъ до конца первой четверти XVIII стол.

По временамъ въ журнальныхъ и газетныхъ рецензіяхъ, по поводу изданія новыхъ трудовъ Николая Ивановича, слышалось неодобреніе одной стороны его научно-исторической дѣятельности, именно его излишняго якобы скептицизма. Мы обращаемъ вниманіе на этотъ упрекъ, какъ на единственный, который раздавался противъ него въ исторической литературѣ. Николая Ивановича обвиняли и упрекали въ излишней, такъ сказать, строгости историко критическихъ его требованій, въ какомъ-то какъ бы преднамѣренномъ развѣнчиваніи нѣкоторыхъ отечественныхъ героевъ и сведеніи ихъ съ историческихъ пьедесталовъ, въ недовѣріи къ установившимся издавна въ исторической наукѣ разсказамъ и характеристикамъ, основаннымъ на извѣстныхъ преданіяхъ, и это было всякій разъ, когда онъ, подвергая строгой исторической критикѣ эти преданія, приходилъ не къ такимъ выводамъ, на которыхъ привыкли успокоиваться прежніе историки и нѣкоторые ему современные. Но въ этомъ, по нашему мнѣнію, и состоитъ великая заслуга покойнаго писателя. Только историкъ, глубоко вѣрующій въ могущество своего народа, въ его силы, въ его будущность и духовную мощь, не стѣсняется отстранять то, что хотя иногда и пріятно патріотическому чувству, но не выдерживаетъ строгой критики, или такія преданія, которыя граничатъ очень часто съ панегирикомъ. Какъ писатель глубоко патріотическій, какъ человѣкъ, которому присуща была вѣра въ будущность русскаго народа, въ его могущество, въ его духовныя силы, Николай Ивановичъ не могъ стѣсняться такими дюжинными соображеніями, какъ храненіе хотя и давнихъ, но ложныхъ традицій и основаннаго на нихъ фальшиваго національнаго самоуслажденія. Намъ кажется, что только писатель, не до-

вѣряющій умственнымъ силамъ и духовному могуществу своего народа, можетъ *per tacitum consensum* остерегаться прикосновенія къ исторической традиціи даже тогда, когда на основаніи критическихъ изслѣдованій онъ потерялъ довѣріе къ ней. Истинный историкъ знаетъ, что исторія—это есть народное самопознаніе и что чѣмъ болѣе вносится въ него свѣта, правды и науки, тѣмъ выше, нравственнѣе, а слѣдовательно и могущественнѣе становится данный народъ; духовныя силы развиваются не отъ созданія фантастическихъ тенденціозныхъ образовъ, а отъ трезваго и, прежде всего, истиннаго пониманія своего прошедшаго.

Ошибался ли нашъ историкъ, или нѣтъ, въ своихъ сужденіяхъ о нѣкоторыхъ историческихъ событіяхъ и лицахъ, это укажетъ будущее; но даже если-бы онъ ошибался, то онъ поступалъ *bonâ fide*, по убѣжденію, по долгу, такъ сказать, совѣсти историка. Съ сердечною можетъ быть иногда болью, Николай Ивановичъ дотрогивался до преданій, которыя были пріятны его пытливому духу, и не могъ скрывать въ душѣ тѣхъ сомнѣній, какія возникали относительно ихъ въ его строго логическомъ умѣ; но если бы и были у него ошибки, то во всякомъ случаѣ это ошибки совершенно искреннія, вытекавшія изъ убѣжденія въ истинѣ высказываемаго по данному вопросу взгляда, взгляда освѣщеннаго возможнымъ для изслѣдователя изученіемъ источниковъ и практическою ихъ провѣркою. Покойный Николай Ивановичъ на сдѣланное ему въ такомъ направленіи возраженіе могъ всегда сказать: *quod potui, feci, faciant meliora potentes!*

Къ величайшимъ заслугамъ умершаго историка нашего нужно отнести и ту черту, которая должна быть присуща всякому добросовѣстному изслѣдователю,—это *готовность признать свою ошибку* и сейчасъ же обратить на нее свое вниманіе, какъ только она ему указана или онъ самъ додумался до этого. Николай Ивановичъ никогда не отстаивалъ своего положенія, если оно было не вѣрно. Для примѣра укажемъ два случая. Было время, когда Николай Ивановичъ былъ сильно заинтересованъ вопросомъ о происхожденіи варяговъ. Онъ высказывалъ мысль, что имѣетъ достаточное основаніе для того, чтобы варяговъ отождествлять съ

литовцами. Это возбудило оживленную полемику.—Погодинъ, который очень дорожилъ своимъ мнѣніемъ по этому вопросу, предложилъ публичный диспутъ, и Николай Ивановичъ охотно принялъ его. Диспутъ ни къ чему не привелъ и оба противника остались при своихъ мнѣніяхъ; но когда впослѣдствіи этотъ же вопросъ былъ въ новомъ свѣтѣ представленъ Иловайскимъ, Николай Ивановичъ призналъ, что Иловайскій правъ и что въ варягахъ дѣйствительно нужно видѣть славянъ.—Прослѣдимъ другой фактъ. То сочиненіе, которымъ покойный Николай Ивановичъ болѣе всего дорожилъ и котораго художественная отдѣлка особенно замѣчательна,--разумѣю монографію о Богданѣ Хмельницкомъ,—вызвало цѣлый рядъ весьма обстоятельныхъ возраженій по частностямъ со стороны М. А. Максимовича, работавшаго всю жизнь надъ этой эпохой и имѣвшаго громадный запасъ матеріала. Въ цѣломъ рядѣ историческихъ писемъ, число которыхъ доходило до тридцати, Максимовичъ указывалъ въ названномъ трудѣ Костомарова неточности, ошибки, фактическія несообразности. Николай Ивановичъ отвѣчалъ на тѣ только возраженія Максимовича, съ которыми не былъ согласенъ, основываясь на другихъ данныхъ; на *большинство* же возраженій онъ не отвѣчалъ, но въ другомъ изданіи своей монографіи всѣ мѣста, указанныя Максимовичемъ, *поправилъ*. Эта черта свидѣтельствуетъ о высокой добросовѣстности писателя-историка и ученаго, не всегда встрѣчающаяся у писателей, пріобрѣвшихъ громкую извѣстность.

Не сомнѣваюсь, что только въ слабой степени мнѣ удалось указать черты многоплодной дѣтельности незабвеннаго историка и что другіе могутъ дополнить еще новыми чертами мой скороспѣлый очеркъ и представить въ болѣе полномъ и яркомъ свѣтѣ дорогой намъ образъ усопшаго. Но время впереди...

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ понесенной утраты пожелаемъ, чтобы и впослѣдствіи на полѣ русской исторіи было побольше дѣятелей, которые отличались бы такимъ трудолюбіемъ, знаніемъ, эрудиціей и въ особенности художественностью, какія мы видимъ въ твореніяхъ почившаго, и приносили бы столько плодовъ этой наукѣ, сколько принесъ ей покойный Николай Ивановичъ.

В. Б. Антоновичъ.

IV.

Н. И. Костомаровъ, какъ этнографъ [1]).

Въ своей лекціи «Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи», читанной въ Географическомъ Обществѣ въ 1863 г., Николай Ивановичъ сказалъ: «Исторія должна идти рука объ руку съ этнографіей. Обѣ науки должны быть изучаемы вмѣстѣ и развиваться нераздѣльно одна отъ другой. Историкъ долженъ быть этнографомъ уже потому, что онъ историкъ, и наоборотъ—этнографъ дѣлается въ нѣкоторомъ смыслѣ историкомъ, насколько онъ этнографъ» [2]).

Въ одной болѣе ранней его статьѣ [3]) читаемъ слѣдующія строки: «народныя произведенія носятъ на себѣ отпечатокъ нѣкотораго рода исключительности, которую надо усвоить изученіемъ поэтическаго народнаго быта, чтобъ сочувствовать ей вполнѣ». Это было написано въ 1857 году, когда Николай Ивановичъ могъ съ полнымъ правомъ прійти къ такому выводу, руководствуясь не только одними теоретическими соображеніями, но и личнымъ чувствомъ, какъ человѣкъ, пережившій это сочувствіе къ исключительности русской народной поэзіи и не мало поработавшій надъ изученіемъ поэтическаго народнаго творчества,—однимъ словомъ, какъ человѣкъ, глубоко уразумѣвшій всѣ задачи и все значеніе этнографіи въ широкомъ пониманіи этого слова.

Какими-же путями и при какихъ условіяхъ выработалась въ немъ эта любовь къ изученію народной жизни? Вопросъ этотъ является самъ собою, такъ какъ мы знаемъ, что Николай Ивановичъ по происхожденію своему не былъ настолько тѣсно связанъ съ южнорусскимъ населеніемъ, чтобы, такъ сказать, стихійно, по природѣ отдаться этой идеѣ. Будучи родомъ изъ воронежской губерніи острогожскаго уѣзда, т. е. изъ той мѣстности, гдѣ насе-

---

1) Читано въ засѣданіи «Историческаго общества Нестора лѣтописца» 14 апрѣля 1885 года.

2) Монографіи Н. И. Костомарова, т. III, стр. 360.

3) Библіографическія статьи о «Запискахъ о южной Руси» Кулиша. Отечественныя Записки 1857 г., № 6 и 9.

леніе малорусское живетъ въ перемежку съ великорусскимъ, Николай Ивановичъ едва-ли могъ въ этотъ дѣтскій періодъ своей жизни воспитать въ себѣ особенную любовь къ Украйнѣ и ея народу. Воспитываясь затѣмъ въ частвомъ московскомъ пансіонѣ и въ воронежской гимназіи, онъ скорѣе могъ утратить и тѣ задатки влеченія къ простонародью, которые могли быть вынесены изъ дому. Но вотъ ѣдетъ онъ доканчивать свое образованіе въ харьковскій университетъ, и тутъ почти сразу начинаетъ заниматься весьма усердно изученіемъ народности. Несомнѣнно, этому способствовала сама обстановка тогдашней культурной жизни города Харькова. Хотя г. де-Пуле въ своихъ воспоминаніяхъ о харьковскомъ университетѣ [1]) говоритъ, что въ ту пору «южное украинофильство» не появлялось еще въ Харьковѣ, но здѣсь очевидно автора вводитъ въ заблужденіе самый терминъ, употребленный имъ, потому что именно въ тѣ годы ни въ одномъ городѣ Украйны не обнаруживалась такъ сильно любовь къ народу и народности, какъ въ Харьковѣ. Вспомнимъ нѣкоторыхъ дѣятелей на почвѣ народной, въ среду которыхъ попалъ Николай Ивановичъ, поступивши въ харьковскій университетъ и по окончаніи его оставшись жить въ Харьковѣ.

Въ то время живъ былъ еще извѣстный народный писатель и горячо преданный Украинѣ человѣкъ, Грицько Основьяненко (Григорій Квитка), проживавшій въ своемъ хуторѣ Основа, вблизи Харькова. Не могъ Николай Ивановичъ не позаимствовать этой любви къ народности отъ того человѣка, котораго покойный И. И. Срезневскій въ поминальныхъ словахъ о немъ назвалъ «*первымъ народнымъ писателемъ* въ Украйнѣ» [2]). Еще болѣе должно было оказать на него вліянія въ этомъ направленіи близкое знакомство съ Гулакомъ-Артемовскимъ, давно уже осѣвшимся въ Харьковѣ; у него, во время своего студенчества, жилъ Николай Ивановичъ, а именно въ тотъ періодъ, когда Гулакъ-Артемовскій, послѣ не вполнѣ удачныхъ опытовъ въ русской беллетристикѣ и стихотворствѣ,

---

[1]) Вѣстникъ Европы 1874 г., № 1 и 2.

[2]) Москвитянинъ, 1843 г., ч. IV, стр. 503.

перешелъ къ писанію малорусскихъ стихотвореній, доставившихъ автору въ то время чрезвычайную славу и популярность. Самъ Николай Ивановичъ даетъ о немъ отзывъ, какъ о человѣкѣ, знавшемъ въ мельчайшихъ подробностяхъ народный бытъ и нравы малороссовъ. Тутъ-же, въ Харьковѣ, встрѣтилъ Николай Ивановичъ и давняго харьковянина Амвросія Метлинскаго, въ малорусской письменности извѣстнаго болѣе подъ псевдонимомъ Амвросія Могилы, который, по словамъ Николая Ивановича, «изучилъ сокровищницу поэтической стороны Малороссіи и является вездѣ, какъ талантъ, сознающій свой предметъ»[1]). Можно вспомнить также двухъ братьевъ Степана и Петра Писаревскихъ и Кухаренка, которые подвизались тогда въ Харьковѣ, какъ малорусскіе писатели, и Корсуна, издателя алманаха «Снiпъ», въ которомъ помѣщены были и нѣкоторыя малорусскія стихотворенія Николая Ивановича. А въ завершеніе всего тутъ еще въ 1833 году началъ издавать «Запорожскую Старину» И. И. Срезневскій, который помѣстилъ въ ней значительное число думъ и пѣсень малорусскихъ съ историческими объясненіями, а свое стремленіе къ народоизученію заявилъ публично по поводу смерти Квитки, сказавъ, что дѣйствовать на простолюдиновъ можетъ языкъ человѣческій только въ той формѣ, къ какой привыкли они съ дѣтства въ своемъ простомъ сельскомъ быту[2]). Вотъ тотъ кругъ лицъ,— не въ смыслѣ, правда, опредѣленнаго литературнаго кружка,—которыхъ стремленія къ народоизученію и любовь къ своему меньшему брату не могли не отразиться на направленіи и всей дальнѣйшей дѣятельности Николая Ивановича, тѣмъ болѣе, что съ одними изъ нихъ онъ былъ связанъ дружбою, а къ другимъ относился съ уваженіемъ и любовью, какъ напримѣръ, къ Срезневскому, у котораго постоянно бывалъ въ домѣ и въ честь котораго написалъ малорусскіе стихи при проводахъ его за границу. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что Николай Ивановичъ

---

[1]) Обзоръ сочиненій, писанныхъ на малорусскомъ языкѣ. Іеремія Галка (Молодикъ на 1843 г.).

[2]) Москвитянинъ, 1843 г., ч. IV, стр. 503.

вскорѣ проникся такимъ-же стремленіемъ къ изученію этнографическихъ особенностей южно-русскаго племени и такимъ же желаніемъ и самому поработать на народной нивѣ, какими заявляли себя въ то время близкіе ему харьковцы

На первыхъ порахъ эта страсть къ этнографіи проявилась у него болѣе въ художественной формѣ, нежели въ научной, результатомъ чего и были тѣ его малорусскія драматическія и лирическія произведенія, которыя начались еще со студенческой скамейки и продолжались нѣкоторое время и послѣ окончанія университета, когда и появились въ свѣтъ подъ псевдонимомъ Іереміи Галки. Но будучи по натурѣ менѣе склоннымъ къ художественной этнографіи, нежели къ научной, Николай Ивановичъ вскорѣ переходитъ къ этой послѣдней и тутъ постепенно работаетъ, то какъ собиратель сырого матеріала народной словесности, то еще болѣе, какъ изслѣдователь матеріала, уже собраннаго. Чтобы показать какое значеніе придавалъ онъ этому научному изслѣдованію въ дѣлѣ примѣненія его къ писательству на народномъ языкѣ, я приведу слова его изъ статьи о «Запискахъ о южной Руси» Кулиша, слова, въ которыхъ высказана мысль, не разъ потомъ повторенная имъ, какъ только онъ касался вопроса о южно-русской литературѣ. «Въ наше время (это было въ 1857 г.), говоритъ Николай Ивановичъ, писатели повѣстей, очерковъ и драматическихъ сочиненій выводятъ въ своихъ произведеніяхъ лица, говорящія съ областными особенностями, стараются подладиться подъ рѣчь простолюдина и считаютъ, повидимому, литературнымъ достоинствомъ удержаніе мелкихъ фанетическихъ и этимологическихъ отмѣнъ и синтаксическихъ своеобразностей. Правда, это направленіе доводитъ писателей, въ сущности мало знакомыхъ съ народною жизнію, до безплоднаго набора словъ изъ областнаго словаря и выраженій изъ сборниковъ пословицъ и поговорокъ; за то оно показываетъ, что прошла пора скользить по поверхности народнаго быта и схватывать съ него общія черты, что наступила потребность знать и изображать свою народность основательно со всѣми ея изгибами» [1]). Ясно послѣ этого, почему

[1]) Отечественныя Записки 1857 г., № 6, отдѣлъ критики, стр. 44.

Николай Ивановичъ, сознавая всю силу научнаго изученія народа, почти покидаетъ дѣятельность поэта-этнографа и становится болѣе ученымъ изслѣдователемъ народной жизни въ ея настоящемъ и прошломъ. Первый трудъ его въ этомъ направленіи былъ изданъ въ 1843 г.; но чтобы лучше видно было его значеніе, необходимо хотя коротко вспомнить о томъ, въ какомъ положеніи находилась тогда южно-русская этнографія.

Изъ серьезныхъ этнографическихъ изслѣдованій того времени, кромѣ сочиненія О. Бодянскаго «О народной поэзіи славянскихъ племенъ» (издано въ 1837 г.), небольшая часть котораго посвящена болѣе общей характеристикѣ южно-русскихъ пѣсенъ, нельзя, кажется указать ничего выдающагося, да и самые матеріалы далеко были неполные. За первымъ сборникомъ малорусскихъ думъ (всѣхъ 8) князя Цертелева, изданнымъ въ 1819 г. съ весьма плохими варіантами, слѣдовало небольшое собраніе малороссійскихъ пѣсенъ Максимовича (1827 г.), главнымъ образомъ рисующихъ семейный бытъ, а затѣмъ съ 1833—38 гг. идетъ 6-ть выпусковъ «Запорожской Старины Срезневскаго,—изданіе, значительно отличавшееся отъ первыхъ двухъ, какъ количествомъ матеріала, такъ и тѣмъ методомъ, которому слѣдовалъ издатель, а именно: имъ впервые была указана важность оцѣнки историческихъ пѣсенъ совмѣстно съ критическимъ разборомъ событій,—хотя, наряду съ этими достоинствами, были и очень крупные недостатки, сказывавшіеся какъ въ поддѣлкѣ нѣкоторыхъ думъ, такъ и въ неясномъ толкованіи нѣкоторыхъ фактовъ. Далѣе слѣдовалъ сборникъ Вацлава изъ Олеска, изданный въ Галиціи въ 1833 году, но въ немъ южно-русскихъ пѣсенъ очень немного; въ 1834 г. явились «Украинскія пѣсни» Максимовича, среди которыхъ было немного новыхъ, но за то онѣ снабжены весьма серьезными историческими примѣчаніями; въ 1836 г.—«Малороссійскія и Червонорусскія думы и пѣсни» Лукашевича, гдѣ помѣщено нѣсколько прекрасныхъ думъ и пѣсенъ, явившихся впервые въ печати, и наконецъ въ 1840 г. сборникъ Жеготы Паули, изданный въ Галиціи и заключающій нѣсколько новыхъ историческихъ пѣсенъ. Вотъ и все, что было тогда въ печати, такъ какъ обширный сборникъ Ходаковскаго и

громадное собраніе пѣсен (болѣе 8 тысячъ) Бодянскаго, о которомъ онъ заявлялъ въ упомянутомъ выше сочиненіи «О народной поэзіи славянскихъ племенъ», были въ рукописи и оставались невѣдомыми міру. Еще слабѣе представлена была въ то время этнографія Великой Россіи, такъ какъ главнаго матеріала—пѣсеннаго и сказочнаго—было издано гораздо меньше, чѣмъ въ Малороссіи.

Съ этими печатными матеріалами въ рукахъ и приступилъ Николай Ивановичъ, послѣ уничтоженія его первой магистерской диссертаціи объ уніи, къ составленію второй: «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи» (изд. въ Харьковѣ 1843 г.) Впрочемъ, извѣстно, что Николай Ивановичъ, понимая бѣдность печатнаго матеріала, долго собиралъ самъ пѣсни, исключительно малорусскія, такъ какъ ему приходилось собирать ихъ только въ Харьковщинѣ.

Чтобы яснѣе стало, какъ трудно было въ то время выступать съ работой, проводившей принципъ изученія народа и его исторіи по памятникамъ народнаго творчества, я напомню нѣкоторые изъ тѣхъ отзывовъ о трудѣ Николая Ивановича, которые нашли себѣ пріютъ на страницахъ тогдашнихъ журналовъ. «Гердеры, Нибуры, Тьерри, удивляйтесь нашимъ славянскимъ открытіямъ»!—такъ иронически восклицала «Библіотека для чтенія»[1]). «Мы глубокомысленны и дальновидны до самаго нельзя! Примѣромъ сказать книга г. Костомарова: по ея заглавію вы подумаете, что тутъ нѣтъ смысла: *«историческое значеніе поэзіи»* и при томъ *русской народной поэзіи!* Да вѣдь это все равно, что сказать: *«историческое значеніе зелена вина и красныхъ дѣвушекъ въ философіи ямщиковъ!»* И нѣсколько далѣе: «Прочь пыльныя лѣтописи! Дюжину пѣсенниковъ съ порядочнымъ запѣвалой, и вы изучите русскую исторію такъ-же основательно, какъ одинъ ученый изслѣдователь французскую, бѣгая по парижскимъ трактирамъ». Не болѣе глубины въ пониманіи вопроса обнаружили тогда и «Отечественныя Записки»[2]), давши такой отзывъ объ изслѣ-

[1]) Библіотека для чтенія, 1844 г., т. 66-й, отдѣлъ 6-й, стр. 12.

[2]) Отечественныя Записки 1844 г., т. 33-й, отдѣлъ 6-й, стр. 11.

дованіи Николая Ивановича: «Въ наше время, если сочинитель не хочетъ или не умѣетъ говорить о чемъ нибудь дѣльномъ, русская народная поэзія всегда представитъ ему прекрасное средство выпутаться изъ бѣды. Что можно было сказать объ этомъ предметѣ, уже было сказано. Но г-на Костомарова это не остановило, и онъ издалъ о народной русской поэзіи цѣлую книгу словъ, изъ которыхъ трудно было-бы выжать какое-нибудь содержаніе». Если такъ разсуждали тогдашніе толстые журналы, то чего-жъ можно было ожидать отъ средней русской публики? Не безъ того, конечно, чтобы не было совсѣмъ людей, иначе смотрѣвшихъ на дѣло, уразумѣвшихъ истинное значеніе новаго принципа народоизученія, въ подтвержденіе чего я и сошлюсь на критическую статью о трудѣ Николая Ивановича того ученаго, который тогда уже заявилъ себя своими научными работами въ той-же области, то есть Изм. И. Срезневскаго [1]). Въ то время, какъ большинство читающей публики, вѣроятно, готово было съ улыбкою на устахъ повторять приведенные ироническіе отзывы Библіотеки для чтенія и Отечественныхъ Записокъ, — Срезневскій писалъ въ Москвитянинѣ, что «книга Костомарова драгоцѣнна не для однихъ русскихъ любителей народности, но для Гриммовъ и Тальви столько-же, какъ и для Сахаровыхъ и Снегиревыхъ, Караджичей и Клаазовъ; взгляды сочинителя у насъ новость, но на западѣ они еще болѣе новость». И дѣйствительно, въ трудѣ Николая Ивамовича, не лишенномъ нѣкоторыхъ недомолвокъ и недодѣлокъ (что объясняется новизной предмета), мы встрѣчаемся съ такою массою новыхъ фактовъ, а главное—съ такими новыми основными положеніями и съ такой постановкой вопроса, что невольно придется признать, что трудъ этотъ былъ первымъ тогда научно-этнографическимъ изслѣдованіемъ, далеко не утратившимъ своего значенія и по настоящее время.

Исходя изъ той мысли, что человѣкъ лучше всего изучается, если за нимъ есть возможность наблюдать въ моменты его дѣйствій, не разсчитанныхъ на зоркій глазъ наблюдателя, авторъ

---

[1]) Москвитянинъ 1844 г., ч. II, № 3.

примѣняетъ это положеніе къ цѣлому народу, видя въ его произведеніяхъ тотъ источникъ, въ которомъ выражаются чувства не выученныя, движенія души непритворныя, понятія не занятыя,— однимъ словомъ онъ видитъ, что въ нихъ выступаетъ народъ такимъ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности. Поэтому, Николай Ивановичъ въ книгѣ своей разсматриваетъ народныя произведенія русскаго народа, преимущественно—пѣсни, розыскивая, какъ народъ въ нихъ высказалъ намъ свою собственную жизнь—духовную, историческую и общественную. Сообразно съ этимъ, въ первомъ отдѣлѣ книги, авторъ слѣдитъ за жизнью духовной, подъ которой онъ понимаетъ взглядъ на отношенія человѣка къ высшему существу и природѣ; тутъ особенно богаты мѣста, гдѣ раскрывается народная символика. Еще лучше второй отдѣлъ книги, гдѣ просматривается прошедшая историческая жизнь русскаго народа, какъ ее понялъ и помнитъ самъ народъ; наконецъ въ третьемъ отдѣлѣ авторъ рисуетъ общественную жизнь русскаго народа, поскольку она отразилась въ его пѣсняхъ; тутъ дается характеристика разныхъ типовъ (царя, боярина, разбойника, солдата, козака, чумака, парубка, пана, знахарки и мн. др.), фигурирующихъ въ народныхъ произведеніяхъ. Нужно замѣтить, что большая часть изслѣдованія посвящается южно-русской поэзіи, а не великорусской, въ чемъ, очень нерѣшительно впрочемъ, упрекалъ изслѣдователя Срезневскій. Но нельзя не принять во вниманіе, что во 1-хъ Николай Ивановичъ въ то время почти не зналъ великорусской жизни, проводя многіе годы сознательной своей жизни въ Малороссіи; во 2-хъ сборниковъ великорусскихъ пѣсенъ было очень мало, гораздо меньше, по крайней мѣрѣ, чѣмъ малорусскихъ, и наконецъ, въ 3-хъ, самими обстоятельствами выработались у него, такъ сказать, этнографическія симпатіи больше къ южной Руси, чѣмъ къ сѣверной, что указано было раньше.

Я остановился на этомъ трудѣ Николая Ивановича потому, что въ немъ опредѣлилось основное воззрѣніе будущаго этнографа-ученаго на задачи его дальнѣйшихъ изслѣдованій въ этой области. И нужно признать, что въ цѣломъ рядѣ позднѣйшихъ этнографическихъ работъ его мы найдемъ, конечно, много новыхъ

фактовъ, иногда новое освѣщеніе этихъ фактовъ, однимъ словомъ—много усовершенствованій, но основная точка зрѣнія, основной принципъ изслѣдованія проведенъ имъ съ постоянствомъ и настойчивостью. Даже въ тѣхъ статьяхъ своихъ, которыя были написаны 30—40 лѣтъ послѣ выхода указанной книги («Историческое значеніе южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества»,—Бесѣда 1872 г., и «Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго творчества»,—Рус. Мысль 1880 и 1883 гг.) и которыя были переработкой, даже почти новой разработкой того-же сюжета, онъ въ основныхъ положеніяхъ не измѣнилъ первоначальному своему взгляду и едва-ли кто-нибудь рѣшится упрекнуть его въ ненаучномъ методѣ изслѣдованія народнаго творчества въ этихъ его статьяхъ. Вся разница между этими статьями и первымъ трудомъ его опредѣляется совершенно ясно, если сказать, что въ нихъ Николай Ивановичъ восполнилъ (хотя не успѣлъ закончить) недостатокъ своей диссертаціи, отмѣченный словами Срезневскаго такъ: «Все сочиненіе только кажется опытомъ начала большого труда; въ немъ пересказано содержаніе русскихъ пѣсенъ, обращено вниманіе на многое, что въ нихъ заслуживаетъ вниманія историка, но не на все, и притомъ только съ одной стороны—со стороны взгляда народа на самого себя. Вопросъ-же, какъ и чѣмъ можетъ историкъ тутъ пользоваться, остался совершенно въ сторонѣ; между тѣмъ какъ рѣшеніе его одно-бы могло дать сочиненію право называться разсужденіемъ «*объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи*».

Обращусь еще разъ къ выдержкѣ изъ статьи Срезневскаго. Заканчиваетъ онъ свой разборъ книги г. Костомарова такими словами: «Отъ всего сердца можно пожелать, чтобы онъ не оставилъ заниматься народностями русскими: дѣлателей на этомъ поприщѣ у насъ много, но такіе, какъ Костомаровъ, никогда не будутъ лишни». Это пожеланіе Срезневскаго Николай Ивановичъ выполнилъ всецѣло, и хотя вскорѣ онъ перешелъ къ спеціальнымъ занятіямъ историка, но въ теченіе всей жизни продолжалъ дарить науку и своими работами по этнографіи. Такъ въ слѣдующемъ 1844 г., поселившись на Волыни и занявшись ис-

торіей Богдана Хмельницкаго, онъ производилъ розыски всякихъ преданій, связанныхъ съ нимъ, изучалъ мѣстности, ознаменованныя событіями изъ его эпохи, и тутъ же, при случаѣ, собралъ много пѣсенъ, впослѣдствіи (въ 1859 г.) напечатанныхъ имъ въ «Малорусскомъ литературномъ сборникѣ, Д. Мордовцева». Это собраніе содержитъ 202 пѣсни; изданы они такъ, что многія изъ нихъ снабжены болѣе или менѣе важными примѣчаніями, особенно объ историческихъ событіяхъ, которыхъ время можетъ быть опредѣлено съ точностью. Впрочемъ, Николай Ивановичъ никогда не былъ постояннымъ, а лишь случайнымъ только собирателемъ народнаго матеріала; по справедливому замѣчанію г. Пыпина, «ученый самъ рѣдко бываетъ собирателемъ, а при такой громадной области наблюденія, съ какою должна имѣть дѣло русская этнографія, соединеніе обѣихъ работъ (собираніе и изслѣдованіе) въ одномъ лицѣ является просто немыслимымъ» [1]). Этимъ и объясняется то, что изъ этнографическаго матеріала, относящагося къ малорусской литературѣ, Николаемъ Ивановичемъ, сверхъ только-что указаннаго собранія пѣсенъ, была сообщена одна только запорожская пѣсня въ Лѣтописяхъ русской литературы Тихонравова (1860 г., т. 3). Но за то, какъ ученый изслѣдователь, онъ велъ окончательную редакцію трехъ томовъ (3, 4 и 5) такого громаднаго собранія народнаго южнорусскаго матеріала, какъ извѣстные всѣмъ «Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край» П. Чубинскаго. Нельзя не отмѣтить и того, что, какъ изслѣдователь-этнографъ и притомъ изслѣдователь между прочимъ, среди своихъ постоянныхъ занятій исторіей, Николай Ивановичъ всегда слѣдилъ за всѣмъ, касавшимся южнорусской литературы, и давалъ болѣе или менѣе обстоятельный отзывъ обо всякой новинкѣ. Начиная съ его «Обзора сочиненій, писанныхъ на малороссійскомъ языкѣ», въ которомъ была дана первая сводная оцѣнка малорусской письменности до 1843 г., можно насчитать громадное количество статей—и крупныхъ, и малыхъ,—помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, о южнорусской литературѣ,

---

[1]) «О задачахъ русской этнографіи», Вѣстникъ Европы 1885 г № 4.

было-ли то въ формѣ, такъ сказать, художественной этнографіи, или въ видѣ научныхъ этнографическихъ сборниковъ и изслѣдованій. Изъ этихъ статей мы напомнимъ только нѣкоторыя, а именно: обширную критическую статью о «Запискахъ о Южной Руси» Кулиша (Отечест. Зап. 1857 г, № 6 и 9), 2) такую-же обстоятельную статью подъ заглавіемъ: «Историческая поэзія и новые ея матеріалы» (Вѣстн. Евр. 1874 г., № 12), объ «Историческихъ пѣсняхъ малорусскаго народа», изданныхъ Антоновичемъ и Драгомановымъ, и наконецъ 3) статью по поводу изданной г. Драгомановымъ книги: «Малорусскія народныя преданія» (Рус. Стар. 1877 г.).

Всѣ указанныя мною до сихъ поръ работы Николая Ивановича по этнографіи касались южно-русскаго народа; но авторъ статьи: «Двѣ русскія народности», по происхожденію своему, такъ сказать, принадлежавшій обѣимъ имъ, не оставилъ въ забвеніи и другой изъ нихъ ни въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, ни въ этнографическихъ трудахъ. Хотя, какъ было сказано, въ первомъ трудѣ своемъ по этнографіи онъ болѣе занялся изслѣдованіемъ южнорусской народной поэзіи, но во 1-хъ на то были свои причины, о которыхъ упомянуто раньше, а во 2-хъ и тамъ все-таки дано было посильное объясненіе великорусскаго пѣсеннаго матеріала. Впослѣдствіи, когда судьба привела Николая Ивановича въ болѣе близкія столкновенія съ великорусскимъ народомъ, любовь его къ этнографіи вообще оказала свое воздѣйствіе, выражавшееся въ томъ, что, живучи съ 1848 по 1856 г. въ Саратовѣ, онъ посвящалъ свой весь досугъ занятіямъ исторіи и, вмѣстѣ съ г-жей Мордовцевой, собранію мѣстныхъ пѣсенъ, которыя и были частію напечатаны въ Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, а потомъ въ видѣ полнаго собранія помѣщены были въ «Лѣтописяхъ русской литературы» Тихонравова (1862 г., т. 4). Это довольно большое собраніе пѣсенъ представляетъ цѣнный вкладъ въ науку, давая, какъ матеріалъ мѣстной этнографіи, пѣсни былеваго эпоса, историческія и бытовыя—семейнаго и общественнаго быта. Какъ въ отдѣлѣ южнорусской этнографіи, и тутъ Николай Ивановичъ былъ только случайно этнографомъ-со-

бирателемъ; по крайней мѣрѣ, сверхъ указаннаго сборника пѣсенъ саратовской губерніи, кажется, извѣстна еще только одна разбойничья пѣсня, сообщенная имъ въ «Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній о Россіи» (1860 г., кн. I). Но какъ ученый изслѣдователь, онъ слѣдилъ за тѣмъ, что новаго появлялось въ этомъ отношеніи въ русской наукѣ. Такъ, по поводу прекраснаго собранія великорусскихъ пѣсенъ г. Шейна, напечатанныхъ въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древн.»,— онъ печатаетъ изслѣдованіе свое подъ заглавіемъ: «Великорусская народная пѣсенная поэзія» (Вѣстн. Евр. 1872 г.), въ которомъ, помимо обстоятельнаго разбора самого сборника, высказываетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о задачахъ этнографическихъ работъ. Чтобы видѣть, насколько постояннымъ и неизмѣннымъ принципомъ всегда руководился Николай Ивановичъ въ своихъ изслѣдованіяхъ по народоизученію, приведу одну мысль его, высказанную въ этой статьѣ, которая оказывается совершенно однородной съ тѣмъ вышеприведеннымъ взглядомъ, который былъ проведенъ имъ въ его магистерской диссертаціи 1843 г. Вотъ эта мысль: «Свойства народной поэзіи таковы, что, доставляя историку важные матеріалы для узнанія различныхъ сторонъ народной жизни и быта, эта поэзія всего болѣе важна и драгоцѣнна для него тѣмъ, что ея изученіе въ совокупности произведеній можетъ доставить ему возможность усвоить тотъ проникающій взѣ эти произведенія духъ народа, съ которымъ онъ увидитъ въ настоящемъ свѣтѣ понятія, чувствованія, воззрѣнія этого народа, а затѣмъ событія, поворотъ, перевороты и остановки на всѣхъ путяхъ народной исторіи станутъ для историка осмысленными до такой степени, какой онъ не въ силахъ достигнуть изученіемъ какихъ-бы то ни было актовъ, записокъ и т. п.» [1]). И если теперь послѣднее слово, высказанное по этому вопросу па дняхъ г. Пыпинымъ въ статьѣ «Задачи русской этнографіи», оказывается тождественнымъ съ тѣмъ, что было намѣчено Николаемъ Ивановичемъ 42 года назадъ и настойчиво проведено во всѣхъ

[1]) Костомаровъ, Монографія, т. 13-й, стр. 448.

трудахъ его, то тѣмъ съ большимъ правомъ мы можемъ еще разъ повторить, что онъ долженъ быть причисленъ къ однимъ изъ первыхъ по времени и по значенію ученыхъ этнографовъ-изслѣдователей въ русской наукѣ.

Отмѣченная мною любовь къ этнографическому изслѣдованію у Николая Ивановича, такъ сказать, вышла даже за предѣлы русскихъ народностей, что видно изъ статьи его «Литовская народная поэзія», напечатанной въ Русскомъ Словѣ 1860 г. [1]), гдѣ онъ съ тѣми-же пріемами изслѣдованія вопроса останавливается на опредѣленіи народной физіономіи литовцевъ по ихъ пѣснямъ и сказкамъ. Тутъ онъ опять видитъ подтвержденіе того, что народная поэзія служитъ выраженіемъ судьбы народа. И дѣйствительно, народъ, такъ сказать, только промелькнувшій на историческомъ полѣ и заявившій себя будто-бы воинственнымъ и опустошительнымъ, по пѣснямъ своимъ оказывается «кроткимъ деревенскимъ народомъ, безъ стремленій вырваться на болѣе широкое поле жизни». Чѣмъ-же объясняется это противорѣчіе? А тѣмъ, какъ говоритъ авторъ, что «судьба поставила литовское племя на историческомъ полѣ слишкомъ нетвердо», что даже въ XIII и XIV столѣтіи, во время могущества Литвы, «возникавшее государственное тѣло питалось русскою стихіею, а не литовскою», и что поэтому, «громкая слава, которая внесла имя Литвы на театръ политическихъ событій, почти прошла мимо и оставила на литовцахъ мало отпечатка». Опредѣливши такъ общій характеръ литовской поэзіи, Николай Ивановичъ по установленному имъ методу переходитъ къ обзору религіозныхъ вѣрованій, съ объясненіемъ народной символики, и къ уясненію семейнаго и общественнаго быта.

Этимъ я заканчиваю обзоръ дѣятельности Николая Ивановича, какъ изслѣдователя живаго, современнаго народа, выразившаго изустно свои міровоззрѣнія. Но помимо этого онъ былъ также изслѣдователемъ и той старины народной, которая въ жи-

[1]) Также Монографіи, т. 3-й.

вомъ словѣ не дошла всецѣло до насъ и которая то представляется въ обрывкахъ, разбросанныхъ по разнымъ памятникамъ письменности, свидѣтельствуя о поэтическихъ воззрѣніяхъ народа въ старину на окружающее его, то является въ формѣ тѣхъ письменныхъ произведеній старины, которыя въ теченіе многихъ вѣковъ вліяли на народное воображеніе,—это область религіозной легенды, апокрифическихъ сказаній, повѣстей и проч.

Въ видѣ изслѣдованія тѣхъ старыхъ поэтическихъ воззрѣній на природу, которыя породили у нашихъ предковъ славянъ ихъ миѳологію, мы имѣемъ прекрасную книгу Николая Ивановича: «Славянская Миѳологія», отпечатанную имъ въ 1847 г., какъ извлеченіе изъ лекцій, читанныхъ въ университетѣ св. Владиміра. Здѣсь дается объясненіе тѣмъ божествамъ, которыя когда-то составляли миѳологическій циклъ славянскихъ народовъ, какъ-то: Даждь-Богъ, Сваротичъ, Радегастъ, Свантовитъ, Перкунъ, Триглавъ и другія, которые всѣ сводятся къ одному божеству свѣта, а въ противоположность имъ выступаютъ божества мрака. Подъ эти два начала подводятся всѣ остальные миѳы. Изъ характера изслѣдованія видно, что это есть та-же этнографія, но основанная не на современныхъ сказаніяхъ, а на обрывкахъ отъ старины, уцѣлѣвшихъ кое-гдѣ и кое-какъ въ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ, но больше возстановляемая по памятникамъ письменности.

Въ другой области изученія старины народной, т. е. въ области старинной письменности въ формѣ легендъ, сказокъ, повѣстей, притчъ и пр., еще болѣе потрудился Николай Ивановичъ, редактируя въ 1860—68 годахъ 3 выпуска (1, 2 и 4) прекраснаго изданія гр. Кушелева-Безбородка: «Памятниковъ старинной русской литературы». Но и тутъ не ограничивается дѣло изданіемъ матеріаловъ: почти всѣ они снабжены то объяснительными статьями, то болѣе или менѣе обстоятельными примѣчаніями и объясненіями, проливающими свѣтъ на значеніе самыхъ памятниковъ. Кромѣ этого труда, можно указать еще на отдѣльныя изслѣдованія, относящіяся къ вопросамъ старинной русской литературы этого-же характера, а именно: статьи его о повѣсти «Горе-

Злосчастіе», помѣщенныя въ Современникѣ 1856 г., статья «Мистическая повѣсть о Нифонтѣ», помѣщенная въ Русскомъ Словѣ 1861 г. № 3,[1]) и статья «Изъ могильныхъ преданій или легенда о кровосмѣсителѣ», въ Современникѣ 1860 г., № 3 [2]).

Вотъ тѣ труды Николая Ивановича по этнографіи, одинъ перечень которыхъ служитъ самымъ краснорѣчивымъ указаніемъ научнаго значенія ихъ въ дѣлѣ народоизученія. Если-же прибавить къ этому, что, согласно основной мысли своей, онъ былъ этнографомъ, потому что былъ историкомъ, и обратно, то есть, что въ равной мѣрѣ этнографическое значеніе имѣютъ и его историческія статьи, то это научное значеніе дѣятельности его, какъ этнографа, еще болѣе расширяется и еще болѣе пріобрѣтаетъ цѣнности. Но нельзя пройти молчаніемъ и еще одной стороны вопроса, а именно—того значенія этой этнографической дѣятельности его, которое сказывалось въ воспитаніи въ обществѣ любви къ народности и къ ея изученію. Безспорно, дорога та любовь къ народу, которая является у человѣка, такъ сказать, по природѣ, какъ результатъ семейной обстановки въ дѣтскомъ возрастѣ; но чтобы любовь эта была вполнѣ укрѣплена и оформлена, необходимо завершить ее сознательной, разумной любовью, что достигается путемъ научнаго изученія народа. Николай Ивановичъ своимъ личнымъ примѣромъ прекрасно доказалъ, что народоизученіе есть средство воспитать любовь къ народу даже въ человѣкѣ, не обладающемъ традиціонною стихійною привязанностію къ нему,—и всѣми своими трудами воспитывалъ это чувство въ современныхъ поколѣніяхъ. Хотя главнымъ образомъ эта черта его деятельности была причиной тѣхъ недоразумѣній, подъ часъ той подозрительности, которыя въ худшемъ случаѣ ставили его въ тяжелыя положенія, въ лучшемъ вызывали горячую полемику, очень часто выходившую за предѣлы ученыхъ споровъ, что тянулось болѣе 40 лѣтъ; хотя счеты по этимъ недоразумѣніямъ не покончены и до сихъ поръ, такъ какъ и послѣднее, предсмертное

---

[1]) Также Монографія, т. I.

[2]) Также Монографія, т. I.

печатное его слово было словомъ полемическимъ съ г. Кояловичемъ (Вѣстникъ Европы 1885 г., № 4); но будемъ надѣяться, что пройдутъ годы, улягутся страсти, настанетъ время болѣе хладнокровнаго обсужденія этихъ спорныхъ вопросовъ, всѣ недоразумѣнія сойдутъ со сцены и тогда во всей полнотѣ каждому откроется то громадное значеніе дѣятельности Николая Ивановича, которое надолго сохранитъ его славное имя въ новыхъ поколѣніяхъ. Мы-же, помнящіе еще свѣжую память о немъ, пока оставимъ въ сторонѣ всѣ непорѣшенные вопросы и почтимъ имя его нашимъ обычнымъ пріемомъ выражать уваженіе къ людямъ, не только живымъ, но и отошедшимъ отъ насъ въ иной міръ.

В. Науменко.

ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ[1].

7. ГОЛУБЫ.

1. *Иванъ Григорьевичъ Голубъ,* житель м. Краснаго Колядина, 1654 года. Жена—*Евдокія Еремѣевна.*
2. *Захарій,* войсковой товарищъ, 1667—1690 г. . . . . 1.
3. *Константинъ,* генеральный бунчучный 1681 года. Жена—1, *дочь Ивана Петровича Забѣлы;* 2, *Настасья Марковна,* во второмъ бракѣ—за гетманомъ Скоропадскимъ . . . . 1.
   Марья. Мужъ—*Иванъ Самойловичъ,* гетманъ. . . . . 1.
4. *Евстафій,* † 1707 года. Жена—*Марья* . . . . 2.
   Марья. Мужъ—*Дмитрій Лазаревичъ Горленко,* полковникъ прилуцкій. 2.
   Пелагея. Мужъ.—*Иванъ Мировичъ,* полковникъ переяславскій.
   Дочь. Мужъ—1, *Николай Ивановичъ Огіенко;* 2, *Захарій Калиновскій,* сотникъ кролевецкій . . . . 2.
   Васса. Мужъ—*Федоръ Топольницкій* . . . . 3.
   Дарья. Мужъ—*Иванъ Діаковскій,* сотникъ кролевецкій . . . . 3.
   Евдокія. Мужъ—*Иванъ Чарнышъ,* генеральный судья. . . . . 3.
5. *Григорій,* бунчуковый товарищъ 1727 года, потомъ монахъ Афонской горы—*Гурій,* 1757 года . . . . 4.
6. *Павелъ,* бунчуковый товарищъ 1727 года . . . . 4.

Родоначальникъ Голубовъ жилъ сначала въ мѣстечкѣ Красномъ Колядинѣ (конотопскаго уѣзда), какъ видно изъ акта 1654 г., по которому Юско Ивановичъ, обыватель рябушинскій, продалъ «ставокъ на рудцѣ Березовицѣ подъ с. Рабухами лежачій, славет-

[1]) См. «Кіевскую Старину» 1884 г., январск. кн., стр. 50—82.

ному урожоному Ивану Григоровичу, обывателю краснянскому и Вовдотіи Еремѣевнѣ, малжонцѣ его». Иванъ Григорьевичъ, по прозванію Голубъ, былъ тесть Самойловича, сначала красно-колядинскаго писаря, а потомъ гетмана [1]). Неизвѣстно почему, семья Голуба изъ Краснаго Колядина переселилась въ Кролевецъ, какъ видно изъ акта 1663 г., гдѣ читаемъ, что «славетный п. Михайло Васильевичъ Дуля, мельникъ подоловскій (с. Подоловъ около Кролевца) позволилъ пану Ивану Григоровичу поставить млинъ на той же греблѣ подоловской, на рекѣ Ретѣ». Около 1669 г. старый Голубъ умеръ; зять его въ это время былъ уже генеральнымъ судьею и конечно при его участіи тогдашній гетманъ Многогрѣшный далъ семейству Голуба слѣдующій охранный универсалъ: «респектуючи мы на тое, абы права и вольности козацкіе были захованы въ потомные часы, безъ всякаго нарушенія, чтобы также и жены козацкія съ оставшимися дѣтьми по смерти мужей своихъ, сидячи на удовимъ стольцу, спокойно пользовались, по правамъ войсковымъ, своими и мужниными имѣніями,—Овдотью Ивановую краснянскую вдову, козачку и обывательку коропскую, съ сынами ея Захаріемъ и Костемъ при всѣхъ имѣніяхъ, т. е. при млинахъ на рекѣ Ретѣ, подъ с. Подолками, отъ умершаго мужа ея Ивана построенныхъ, сохраняемъ». По смерти стараго Голуба, въ семьѣ его возникли несогласія; въ 1671 г. вдова Голубиха жаловалась генеральному суду, что, оставшись по смерти мужа на вдовиномъ стольцу, перезвала она отъ любви своей, старшаго сына Захарія изъ мѣстечка Краснаго Колядина и дала ему на прокормленіе изъ мужниныхъ мельницъ «одну заставку съ коломъ мучнымъ», съ условіемъ, чтобы онъ войсковою службою «боронилъ вольности домовыя»; но Захарій, не довольствуясь выдѣленною частью, завладѣлъ всѣми мельницами, отдаляя мать и брата Константина вовсе отъ доходовъ съ мельницъ и не оказывая притомъ никакого уваженія и послушанія своей родительницѣ. Позванный въ генеральный судъ Захарій Голубъ отвѣчалъ, что отцовскія мельницы въ недавнюю московскую экспедицію были уничтожены огнемъ, послѣ чего онъ самъ, безъ всякой помощи со стороны матери, возобновилъ тѣ мельницы и

[1]) Величко II, стр. 305. О женитьбѣ Самойловича см. у Гордона, Tagebuch, т. II, стр. 75.

устроилъ четыре «кóла» мучныхъ. Судъ рѣшилъ, что мельницами должна владѣть мать, а Захарій имѣетъ право потребовать отъ нея только возвращенія понесенныхъ расходовъ по возобновленію мельницъ. Затѣмъ Захарій отдѣлился отъ матери и сталъ заводить свое хозяйство, какъ видно изъ слѣдующаго расказа, записаннаго въ 1722 г.: Федоръ Дубоносъ, житель с. Дубовичъ, разсказывалъ, «что лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ пришелъ отецъ мой изъ Нѣжина въ Дубовичи и занялъ себѣ вольную пущу, между Кролевцемъ и Воронежемъ, и построилъ тамъ гуту (стекляный заводъ), но, не имѣя достаточныхъ средствъ, принялъ къ себѣ въ товарищи Захарія Голуба, расчитывая, что Голубъ, какъ зять Самойловича, выпроситъ у гетмана универсалъ на пущу и, кромѣ того, дастъ денежныя средства для лучшаго устройства гуты. И стали затѣмъ они съ Голубомъ хозяйничать въ той гутѣ и прибыль получать. Потомъ Голубъ около той гуты и слободу поселилъ[1]). Но когда отецъ мой не смогъ вести съ Голубомъ совмѣстнаго хозяйства, то уступилъ ту гуту ему Голубу, вмѣстѣ съ грунтами...»—Младшій Голубъ Константинъ остался при матери, которая его женила на дочери старшаго сына генеральнаго обознаго Петра Забѣлы, Ивана, убитаго подъ Чигириномъ. Около этого-же времени, зять Голубовъ сталъ гетманомъ, но изъ братьевъ своей жены Самойловичъ выдвинулъ въ ряды старшины одного только Константина и то не сразу. Константинъ Голубъ получилъ урядъ генеральнаго бунчучнаго около 1681 г. Тогда-же должно быть гетманъ далъ Константина и маетность—подконотопское с. Подлипное; но вскорѣ затѣмъ село это было отнято для гетманскаго свата — Федора Сулимы. Несмотря на близкое свойство съ гетманомъ, Голубы остались бѣдняками. Захарій владѣлъ слободою Ретикомъ, которую поселилъ самъ, а Константинъ—подоловскими мельницами, около которыхъ онъ осадилъ слободку Довгалевку. По низложеніи Самойловича, Константинъ лишенъ былъ своего уряда, но затѣмъ Мазепа оставилъ шурьяковъ Самойловича безъ преслѣдованія. Чрезъ

[1]) Рѣчь идетъ повидимому о теперешнемъ хуторѣ Ретикѣ кролевецкаго уѣзда, принадлежащемъ Кочубеямъ. Въ «листѣ» нѣжинскаго полковника Артема Мартыновича 1667 года читаемъ, что этотъ хуторъ находился «въ трактѣ кролевецкомъ надъ рудкою, за рѣчкою Ретью, у милѣ отъ Кролевца и Воронежа лежачій».

мѣсяцъ послѣ своего избранія, Мазепа выдалъ старшему Голубу такой универсалъ: «маючи мы въ респектѣ нашемъ невинность п. Захарія Ивановича, беремъ его подъ нашу оборону, желая, чтобы онъ въ домѣ своемъ жилъ и хуторами своими, гдѣ какіе есть пріобрѣтены по праву, владѣлъ свободно». Константину Голубу подтвердительный универсалъ на его маетности Мазепа выдалъ только въ 1689 г. въ такихъ словахъ: «доносилъ намъ п. Константій Голубъ, что на собственномъ его грунтѣ сидятъ люди подъ Довгалевкою и подъ Подоловомъ и просилъ, чтобы мы позволили ему тѣми людьми владѣть и послушаніемъ ихъ пользоваться для дворовой своей выгоды; склоняясь на эту просьбу п. Голуба, приказываемъ старшинѣ городовой кролевецкой, чтобы п. Голубу въ завѣдыванію тѣми людьми препятствія не дѣлалось, если только такъ есть, какъ Голубъ доноситъ, что тѣ люди живутъ на его собственныхъ земляхъ [2]»).

Овдовѣвъ послѣ перваго брака, Константинъ Голубъ женился во второй разъ на дочери Марка Аврамовича [3]) Настасьѣ, которая впослѣдствіи стала столь извѣстною гетманшею Скоропадскою. Константинъ Голубъ сыновей не оставилъ; у него было только три дочери, изъ которыхъ Евдокія рождена была отъ второго брака. Захарій Голубъ умеръ около 1690 г., оставивъ вдову и сына Евстафія. Еще при жизни Захарія, около хутора Ретика сталъ селить слободу (Грузскую) кролевецкій сотникъ Иванъ Маковскій. По смерти Голуба, Маковскій пользуясь беззащитностью его вдовы, хотѣлъ присоединить къ своей слободѣ и часть ретицкихъ земель, уже занятыхъ умершимъ Голубомъ подъ свое хозяйство. Вдова «Захарчиха» стала было не допускать грузчанскихъ слобожанъ къ своимъ землямъ, но съ Маковскимъ трудно было спорить: онъ былъ кумъ Мазепы и кромѣ того имѣлъ пріятелей между приближенными гетмана. Встрѣтивъ сопротивленіе со стороны вдовы Голуба, Маковскій пожаловался гетману и на свою жалобу получилъ отъ тогдашняго генеральнаго судьи Прокоповича слѣдующее письмо: «мой велце ласкавый пріятелю, п. сотнику кролевецкій! Пишешъ ты мнѣ о своихъ слобожанахъ, поселен-

---

¹) Архивъ генеральной канцеляріи, № 1360.

²) Фамильный архивъ графа Гр. А. Милорадовича.

³) См. Марковичи, «Кіевская Старина» 1884 г., январь.

ныхъ близь Голубовой гуты, которымъ Захарчиха не только не позволяетъ собрать посѣянный ими хлѣбъ, но еще грозитъ и въ подданство ихъ къ себѣ привернуть. Исполняя вашей милости просьбу, я докладывалъ объ этомъ дѣлѣ самому ясневельможному добродѣю, прося разрѣшенія—можно-ли вашей милости безъ опасеній устроивать тамъ свое хозяйство; получивъ на свой докладъ милостивое рѣшеніе пана гетмана, обнадеживаю вашу милость ласкою его панской вельможности, что можешъ безопасно вести тамъ свое хозяйство, считая поселенныхъ людей за своихъ. А если-бы Захарчиха стала дѣлать какое препятствіе вашей милости относительно засѣянныхъ слобожанами полей, то можешъ обратиться съ письменною просьбою къ ясневельможному добродѣю или самъ пріѣзжай въ Батуринъ; а теперь тѣхъ людей успокой, что посѣвы свои они могутъ собрать, ничего не опасаясь, о чемъ увѣдомивши, поручаю себя доброму в. м. афекту. В. м. вседоброжелательный пріятель Сава Прокоповичъ, судья генеральный» (1691 г.) [1]).

Трудно было спорить вдовѣ Голуба съ сосѣдомъ, имѣвшимъ такую сильную руку въ Батуринѣ, но еще труднѣе стало сыну ея, когда старая «Захарчиха» умерла. Видя уже полную беззащитность молодаго Евстафія Голуба, Маковскій рѣшилъ совсѣмъ согнать его съ отцовской гуты, а слобожанъ, поселившихся въ ней, перевести въ Грузскую. Бывшіе слобожане Голуба разсказывали, что когда, по смерти Захарчихи, сталъ хозяиномъ гуты Евстафій Голубъ, то Маковскій, желая присоединить Голубовскія земли къ своимъ, послалъ слугъ своихъ Карпѣку и Федорца забрать и привести къ нему Евстафія, который находился въ это время въ Дубовичахъ. Слуги Маковскаго подговорили Голуба ѣхать вмѣстѣ—будто для разграниченія спорныхъ земель... Евстафій, ничего не подозрѣвая, согласился; но только они выѣхали изъ Дубовичъ, Карпѣка и Федорецъ связали Голуба и привезли въ гуту въ шинокъ Моргунки, гдѣ стали его бить и «мордовать», говоря: «не касайся больше къ гутѣ, потому что ее заберетъ себѣ нашъ панъ!» Затѣмъ связанный Голубъ брошенъ былъ подъ лавку. Но тутъ прибѣжалъ «дозорца» Голубовой гуты, старый Грукъ, съ другимъ человѣкомъ и отнявъ Евстафія у слугъ Маковскаго, отвезли его снова въ Ду-

[1]) Архивъ генеральной канцеляріи, № 1360.

бовичи, и Маковскій больше къ Голубу не касался; только собравъ подводы, разоралъ всѣхъ гутянскихъ людей: поразбивалъ въ хатахъ печи, а хаты позабиралъ и перевезъ въ Грузскую; туда перешла и часть гутянскихъ слобожанъ, а другіе—поросходились по разнымъ мѣстамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и гутянскія земли Маковскій присоединилъ къ своимъ. А когда Кочубей завелъ Ретицкій хуторъ и сталъ отдѣлять свои земли отъ земель Маковскаго, то послѣдній просилъ не трогать его земель, а взять Голубовскія земли, но Кочубей взялъ земли Маковскаго... Разсказывая о разореніи Голубовской гуты, слобожане прибавляли, что Маковскій позволилъ себѣ такія насилія послѣ того, какъ покумился съ Мазепой [1])...

Послѣ разоренія своего хутора, Евстафій скоро умеръ, оставивъ вдову съ двумя малолѣтними сыновьями. Вдова Евстафія жила въ с. Андреевкѣ (кролевецкаго уѣзда) и ждала, пока подростутъ сыновья, чтобы начать дѣло за свою гуту, которая въ это время перешла во владѣніе внуки стараго Маковскаго, вышедшей замужъ за Федора Чуйкевича. Учрежденіе послѣ смерти Скоропадскаго малороссійской колегіи возбудило надежды у многихъ обиженныхъ за прежнее время; «отновлены были старыя тяжбы», какъ жаловался Полуботокъ. Начала отыскивать свою гуту у наслѣдниковъ Маковскаго и вдова Евстафія. По распоряженію генеральной канцеляріи обслѣдована была вся исторія разоренія Маковскимъ Голобовой гуты и послѣдняя возвращена была дѣтямъ Евстафія—Григорію и Павлу. Но послѣдніе хозяйничали не долго, продавъ свою гуту въ 1733 г., значковому товарищу Филону Михайловичу за 2140 рублей [2]). Послѣ этого старшій Голубъ—Григорій отправился на Афонскую гору, гдѣ постригся въ монахи подъ именемъ Гурія. Въ 1754 г. онъ приходилъ навѣстить родину уже глубокимъ старикомъ [3]).

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Обозрѣніе румянцевской описи, стр. 360.

[3]) Записки Марковича, II, 324.

8. КРЫЖАНОВСКІЕ.

1. *Антонъ Степановичъ Крыжановскій*, сотникъ глинскій 1742 г., полковникъ гадяцкій 1762—1772 года. Жена—*Анна Павловна.*
2. *Антонъ*, премьеръ-майоръ 1780 г. . . . . 1.
3. *Настасья.* Мужъ—*Иванъ Ивановичъ Борозда*, бунчуковый товарищъ . 1.
4. *Елена.* Мужъ—генералъ-поручикъ *Иванъ Алексѣевичъ Потаповъ*, губернаторъ воронежскій 1776 г. . . . . 1.

Антонъ Степановичъ Крыжановскій, бригадиръ и гадяцкій полковникъ, былъ выкрещенный еврей. Происхожденіе Крыжановскаго подробно разсказалъ Купчинскій въ извѣстномъ своемъ доносѣ на Безбородка. По этому разсказу, около 1730 г. у бѣлоцерковскаго раввина служилъ еврей Мошко, который перебрался потомъ въ м. Медвѣдовку (кіевской губерніи) и женился тамъ на племянницѣ медвѣдовскаго арендатора Аврама. Тутъ Мошко былъ выкрещенъ двумя поляками — губернаторомъ (управляющимъ) чигиринскаго ключа Гороховскимъ и его помощникомъ Тупелецкимъ и изъ Мошка—сталъ Антономъ Крыжановскимъ [1]).

Выкрестившись, Крыжановскій перешелъ на лѣвый берегъ Днѣпра и оселившись въ миргородскомъ мѣстечкѣ Городищѣ, скоро сталъ однимъ изъ откупщиковъ тѣхъ сборовъ, которыми пополнялся «войсковой скарбъ». Войсковой скарбъ—общественная казна Малороссіи—составлялся изъ различнаго рода налоговъ на торговые и хозяйственные промыслы. Однимъ изъ старыхъ источниковъ для пополненія войсковаго скарба были пошлины на товары, которые ввозились въ Малороссію и вывозились изъ нея. Пошлины на привозные товары назывались «индуктою», а на вывозные — «эвектою». Индукта и эвекта установлены были еще Хмельницкимъ, который универсаломъ 1654 г. опредѣлилъ размѣръ этихъ пошлинъ и назначилъ главнаго экзактора, который чрезъ особыхъ агентовъ долженъ былъ собирать индукту и эвекту [1]). Сначала эти сборы расходовались на общественныя нужды; но потомъ гетманы стали

---

[1]) Безбородко, не отвергая еврейскаго происхожденія Крыжановскаго, утверждаетъ только, что послѣдній въ «сказкѣ» о своемъ происхожденіи показалъ себя сыномъ выкрещеннаго еврея.

[1]) Акты юго-западной Россіи, т. III, стр. 507.

забирать ихъ себѣ. Какъ велико было общее ихъ количество въ XVII в.—неизвѣстно; но когда учрежденная Петромъ Великимъ малороссійская коллегія стала приводить въ извѣстность количество разныхъ существовавшихъ до того сборовъ, то объ индуктѣ бывшій домоправитель Скоропадскаго далъ такое показаніе: «индукта на домъ гетмана належала, которой было даетъ индуктарь Петръ Лукинъ въ годъ по 8 тысячъ рублей, а иного года по 9 тысячъ рублей» [1]).

Когда гетманы присвоили себѣ индукту и эвекту, то для пополненія войсковаго скарба установлены были налоги на сельско-хозяйственные промыслы. Самый старый изъ нихъ былъ налогъ на винокуреніе, который опредѣлялся числомъ винокуренныхъ «казановъ» (котловъ) и потому назывался «показанщиною»; показанщину платилъ только посполитый народъ, т. е. мѣщане и крестьяне. При Многогрѣшномъ отъ котла въ годъ платили по 80 к., а при Самойловичѣ по 1 р. 40 к. Другой старый налогъ заключался въ двухъ третяхъ помола съ водяныхъ мельницъ, который собирался на «войско» натурою. Но этотъ налогъ гетманы вмѣстѣ съ полковниками скоро роздарили старшинѣ, можетъ быть и потому, что сборъ его былъ весьма затруднителенъ. Самойловичъ установилъ новый налогъ—на право торговли виномъ, табакомъ и дегтемъ; сборъ этого налога отданъ былъ на откупъ. «При Самойловичѣ стала аренда на горѣлку, на деготь и на табакъ; и невольно было никому горѣлки, дегтю и табаку по домамъ и по шинкамъ продавать, а продавали одни только арендаторы, которые оную аренду брали на откупъ», разсказывали старожилы въ 1729 г. [2]). Самойловичъ-же установилъ и съ водяныхъ мельницъ, взамѣнъ части помола, денежный налогъ — «поколющину» и «покабанщину». — «Аренды» были уничтожены вслѣдъ за измѣною Мазепы и замѣнены «покуховнымъ» сборомъ; отъ каждой бочки (куфы) хлѣбнаго вина, проданнаго въ раздробь, бралось по 2 р. Позднѣе установленъ былъ другой налогъ на оптовую продажу вина — «скатное», отъ каждой сваленной на ярмаркѣ бочки. Существовали и другіе еще, мелкіе налоги.

---

[1]) Рукописи нашей библіотеки.

[2]) Т. ж. Объ этой арендѣ см. Чтенія въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей 1858 года, т. I, стр. 6.

Сборъ всѣхъ этихъ налоговъ, пополнявшихъ войсковой скарбъ, производился крайне неуравнительно и разнообразно, такъ какъ зависѣлъ отъ личнаго усмотрѣнія гетмана, который безконтрольно расходовалъ войсковую казну, частью на общественныя нужды (преимущественно на компанейскіе полки), а частью лично на себя. Неурядица въ сборѣ налоговъ существовала всегда, но при Скоропадскомъ дошла до того, что сборомъ сталъ завѣдывать частный домоправитель гетмана, его своякъ—Кондзеровскій. Малороссійская коллегія стала было эти сборы приводить въ порядокъ, но ея мѣры показались слишкомъ крутыми для малороссійской старшины и коллегія никакихъ порядковъ установить не смогла. Грамотою 1727 г. сборы, установленные коллегіей, были отмѣнены и оставлены только старые: индукта, покуховное и скатное съ вина и съ дегтя, табачная и медовая десятина, ярмарковое, мостовое (за проѣздъ чрезъ мосты, паромы и гребли) и особый денежный сборъ съ ратушныхъ селъ. Въ 1724 г. коллегія собрала 95,796 рублей, за исключеніемъ индукты и хлѣба въ зернѣ. Въ 1730 г. разрѣшено было сборы уменьшить до 52,169 р.; но взиманіе и этой суммы шло до того безпорядочно, что съ 1729 по 1743 г. недоимки накопилось до 300 тысячъ. Сенатскій указъ объяснялъ, что недоимка накопилась «нерадѣніемъ малороссійскихъ сборщиковъ и ослушаніемъ старшины, полковниковъ и другихъ владѣльцевъ, которые не только сборовъ съ своихъ промысловъ и доходовъ не платили, но и тѣхъ промысловъ своихъ описывать не допускали; чего ради бывшіе въ правленіи гетманскаго уряду великороссійскіе и малороссійскіе члены, *усмотря въ оныхъ сборахъ такой непорядокъ и войсковыхъ доходовъ опущеніе, принуждены были отдавать тѣ сборы на откупъ,* вѣрнымъ самоохотнымъ сборщикамъ изъ ихъ-же малороссійскаго народу».—Этихъ то откуповъ и сталъ искать Крыжановскій. Въ 1737 г. онъ успѣлъ взять на откупъ миргородскій полкъ, а въ слѣдующемъ году и лубенскій, а потомъ и гадяцкій. Марковичъ въ своихъ Запискахъ отмѣчаетъ, что въ концѣ 1740 г. Крыжановскій взялся миргородскій полкъ безъ откупу содержать по 5,500 р., за что въ генеральной канцеляріи опредѣлено награжденіе ему сдѣлать по 200 р. въ годъ и вакансовымъ назначенъ сотникомъ (II, 126). Дѣйствительно, тогдашній правитель Малороссіи Кейтъ, распоряженіемъ своимъ 5 декабря 1740 г., выразилъ: «егда

вакансъ гдѣ имѣлъ-бы быть сотничества, хочай-бы на кого и выборы были, то опредѣлитье го, Крыжановскаго, за приращеніе казны въ доходѣхъ малороссійскихъ, на то мѣсто настоящимъ сотникомъ»[1]). Года черезъ два послѣ этого, Крыжановскій получилъ урядъ глинскаго сотника, въ лубенскомъ полку. Купчинскій разсказываетъ, что и откупъ и сотничество Крыжановскій получилъ съ помощью «датковъ», поднесенныхъ генеральному писарю Безбородку, который, незамѣтно для самихъ «правителей», руководилъ ими и имѣлъ рѣшающее значеніе во всѣхъ дѣлахъ администраціи. Купчинскій говоритъ, что, желая получить на откупъ полки лубенскій и миргородскій, Крыжановскій склонилъ Безбородка на свою сторону «датками», «поднеся ему 260 червонцевъ да женѣ его—жемчугъ и цѣпку на шею тоже изъ червонцевъ, цѣною до 300 р.; да опъ-же Крыжановскій за датки учиненъ и сотникомъ въ глинскую сотню, давши Безбородку коляску съ парою лошадей и червонцевъ не малое число; а давалъ взятки Безбородку Крыжановскій въ Глуховѣ, когда стоялъ квартирою у Гаврила Почеповца; тогда пріѣзжалъ къ Крыжановскому Безбородко почью и ту коляску съ лошадьми и червонцы забралъ». Разсказу этому нельзя не дать вѣры, потому что на Крыжановскаго дѣйствительно сыпались милости изъ генеральной канцеляріи въ то время, когда онъ на ряду съ другими откупщиками одинаково тѣснилъ народъ, заботясь, разумѣется, о личныхъ выгодахъ, а не о «казнѣ», какъ писалось въ бумагахъ.— Получивъ за откупа сотничество, Крыжановскій сталъ искать и маетностей, чтобы сдѣлаться настоящимъ паномъ. Даны были и маетности; въ универсалѣ генеральной канцеляріи, 10 декабря 1743 г., читаемъ: «сотникъ глинскій Антонъ Крыжановскій первое чрезъ содержаніе на откупѣ доходовъ, подлежащихъ въ скарбъ войсковой съ полковъ лубенского, миргородского и гадяцкого, а потомъ чрезъ содержаніе оныхъ сборовъ съ лубенского и миргородского полковъ на вѣрѣ, знатную показалъ казнѣ прибыль, до 28,000 р., за которую его знатную прислугу и ревностные труды просилъ къ полученію въ вѣчность въ Малой Россіи изъ свободныхъ войсковыхъ до 30-ти дворовъ, объявляя, что если для пропитанія его означеннымъ числомъ дворовъ награжденъ не будетъ, то, яко онъ при по-

[1]) Архивъ генеральной канцеляріи, № 11,242.

мянутыхъ сборахъ пришелъ къ крайнему разоренію, болѣе у смотрѣнія оныхъ быть не желаетъ. Того ради по опредѣленію генер.-лейтенанта Ивана Ивановича Бибикова съ присуствующими въ войсковой генеральной канцеляріи члены, яко предбудущаго 1744 г. съ перваго числа генваря впредь на четыре года, къ надзиранію и собиранію на вѣрѣ, лубенского и миргородского полковъ сборы ему, Крыжановскому, поручены и о томъ заключены контракты съ нимъ, ассигновано ему, Крыжановскому, и поручено до указу во владѣніе: мѣст. Красный Колядинъ да полку лубенского сотнѣ роменской с. Великіе Бубны, съ принадлежащими до оныхъ грунтами и угодіями, кромѣ козаковъ, въ которыхъ—Красномъ Колядинѣ по ревизіи сего 1743 г., посполитыхъ 24, а въ с. Великихъ Бубнахъ—8 дворовъ». Какъ ни жаловался Крыжановскій на разорительность для него откуповъ, тѣмъ не менѣе онъ ихъ не оставлялъ и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе распространялъ свою откупную дѣятельность. Въ 1752 г. съ нимъ заключенъ былъ контрактъ, по которому «отданы Крыжановскому на откупъ всѣ старинные сборы, до скарбу войскового принадлежащіе, съ полковъ лубенского, переяславского, нѣжинского да полтавского и миргородского съ заднѣпрскими тѣхъ полковъ мѣстами; а особливо того, отданъ ему Крыжановскому и кременчугскій перевозъ (на Днѣпрѣ), срокомъ все то на шесть лѣтъ, по 1 ноября 1708 г. А за собираемые въ означенныхъ полкахъ на войсковой скарбъ сборы и за кременчугскій перевозъ имѣетъ онъ, Крыжановскій, по всякъ годъ давать по 40,000 руб.» [1]). На этотъ разъ Крыжановскому однакожъ не удалось удержать свой откупъ до срока; недоимки откупныхъ сборовъ, увеличиваясь съ году на годъ, ставили «войсковой скарбъ» въ невозможность удовлетворять неотложныхъ расходовъ по администраціи Малороссіи. Гетманъ созвалъ старшину на совѣтъ и вмѣстѣ съ нею въ декабрѣ 1754 г. рѣшилъ: «всѣ имѣющіеся въ Малой Россіи откупа надлежащихъ до скарбу войскового сборовъ съ начала 1755 г. отмѣнить, а велѣть къ собиранію тѣхъ сборовъ съ 1755 г. опредѣлить отъ полковыхъ канце-

---

[1]) Архивъ генеральной канцеляріи, № 15850. Всѣ скарбовые сборы при этомъ въ десяти полкахъ отданы были за 54,847 руб. 85 коп.; кіевскій—Пасенку за 2,300 р. и гадяцкій—греку Казнаферу за 1,422 р. Кромѣ того, такъ называемый «цыганскій» сборъ отданъ былъ за 1,404 руб.

лярій вѣрныхъ полковыхъ и сотенныхъ сборщиковъ, учиня надлежащими инструкціями и вѣдомостями — почему гдѣ съ чего и за что въ скарбъ войсковой собирать должно»[1]). Но Крыжановскій успѣлъ уже нажиться: кромѣ полученныхъ въ 1743 г. маетностей, онъ выпросилъ въ 1752 г. у Разумовскаго с. Мойсеевку, да скупилъ по разнымъ полкамъ не мало грунтовъ, водяныхъ мельницъ и земель. Въ 1755 г. Крыжановскій былъ уже богатымъ паномъ, которому не доставало только важныхъ чиновъ; но богачу чины уже легко было получать. Въ 1760 г. Крыжановскій назначенъ былъ полковникомъ перваго компанейскаго полка и произведенъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ чинъ коллежскаго асессора. Не знаемъ, какими путями (вѣроятно, черезъ Мих. Ил. Воронцова) Крыжановскій сдѣлался затѣмъ извѣстнымъ наслѣднику престола, который въ февралѣ 1761 г. пожаловалъ его рангомъ бригадира шлезвигъ-голштинскаго[2]). А когда наслѣдникъ Елизаветы вступилъ на престолъ, Крыжановскій именнымъ указомъ 9 января 1762 г. назначенъ былъ гадяцкимъ полковникомъ[3]); черезъ мѣсяцъ послѣ этого пожалованія, государь поручилъ Крыжановскому навербовать въ Малороссіи изъ добровольцевъ гусарскій полкъ, причемъ полковнику выданъ былъ слѣдующій интересный патентъ: «симъ объявляемъ, что мы нашему бригадиру Крыжановскому поручили извѣстное число вольныхъ людей, не чиня притомъ никому какого вреда и убытка, для нашей шлезвигъ-голштинской легкой конницы, а именно подцобелтицкой гусарской полкъ вербовать. И понеже сей наборъ, яко волной безъ всякого

[1]) Т. ж.

[2]) Приводимъ здѣсь данный Крыжановскому по этому случаю «патентъ»: «симъ объявляется, коимъ образомъ мы великокняжескою милостію вознамѣрилися бывшаго украинскаго полковника Крыжановскаго нынѣ нашимъ бригадиромъ инфантеріи пожаловать и установить. Симъ наимянуемъ, жалуемъ и установляемъ его въ сіе достоинство и въ силу его такимъ образомъ, чтобы оной паче всего наши и нашего великокняжескаго дома интересы и пользы старался наблюдать и оныя умножать; напротивъ того всякой вредъ и убытокъ по крайней возможности отвращать; а впрочемъ при всѣхъ случаяхъ такъ поступать и себя весть, какъ честному великокняжескому шлезвигъ-голштинскому бригадиру и вѣрному рабу надлежитъ».

[3]) Уже въ 1760 году К. Разумовскій просилъ предстательства у М. И. Воронцова за Крыжановскаго, чтобы послѣднему доставить «покойное мѣсто» полковника, а въ маѣ 1761 г. гетманъ представлялъ въ сенатъ о назначеніи Крыжановскаго гадяцкимъ полковникомъ. Указъ Петра III послѣдовалъ, значитъ, по ходатайству Разумовскаго. *Семейство Разумовскихъ I, 274.*

понужденія и безъ малѣйшого насилства въ Малой Россіи произведенъ быть имѣетъ, того ради... уповаемъ, что всѣ вѣрноподданные и вазалы нашего государства бригадиру Крыжановскому въ томъ, какъ при самомъ вербованіи, такъ и на походѣ и въ отправленіи рекрутовъ, всякаго вспоможенія чинить не оставятъ». Нѣкоторыя разъясненія къ этому патенту находимъ въ «Исторіи Руссовъ», авторъ которой, будучи современникомъ Петра III, разсказываетъ (стр. 251), что «Крыжановскій, по природѣ жидъ и свѣжій перекрестъ, всегдашними арендами своими и откупами дошедшій до богатства и чина полковника, увидѣлъ необыковенный успѣхъ при вербовкѣ голштинцовъ, тотчасъ взялся за раду (вербовать добровольцевъ) и отозвался о томъ государю, съ обѣщаніемъ поставить ихъ цѣлый полкъ конный на своемъ иждивеніи. Государь, уважая усердіе Крыжановскаго, но не зная его счетовъ, въ которыхъ, по совѣсти іудейской, непремѣнно поставлялъ онъ всякой обрончикъ [1]) вчетверо дороже отъ его цѣны, произвелъ Крыжановскаго на первый случай бригадиромъ. А онъ дѣйствительно изъ козачьихъ дѣтей своего полка, да изъ стадниковъ и чабановъ, заводской и всякой другой сволочи, сформировалъ было полкъ, такъ называвшійся Подцабольскій. Но какъ все скорое и порывистое имѣетъ и такой-же конецъ, то и голштинцы съ подцабольдинцами тѣмъ-же были поражены: они съ іюня мѣсяца 1762 г., т. е. по кончинѣ государя, бывъ уничтожены и распущены во свояси, волоклись всѣми дорогами въ Малороссію...».

Послѣ смерти Петра III, Крыжановскій правилъ гадяцкимъ полкомъ до 1772 г., когда мы встрѣчаемъ его въ послѣдній разъ. Должно быть на этомъ урядѣ онъ и умеръ. Крыжановскій оставилъ одного сына, о которомъ мы знаемъ только, что въ 1776 г. онъ хотѣлъ отнять у сестры своей Потаповой красноколядинское имѣніе, отданное ей отцомъ, вслѣдствіе чего имѣніе это Потапова въ 1780 г. продала дворянкѣ Анисьѣ Бобошковой-Вишневской за 24 т. рублей. Куда дѣвался затѣмъ этотъ сынъ Крыжановскаго съ отцовскими богатствами—не извѣстно [2]).

[1]) Обрончикъ—тотъ красный воротникъ, который надѣвался на всякаго добровольца, вслѣдъ за его согласіемъ «пристать до вербунку».

[2]) Не отъ него-ли происходилъ извѣстный епископъ Смарагдъ Крыжановскій? Говорятъ, что Смарагдъ сказалъ однажды литовскому митрополиту Іосифу Симашкѣ:

9. ТОМАРЫ.

1. *Иванъ Томари*, выходецъ изъ Греціи, 1662—1675 г.
2. *Степанъ*, сотникъ домонтовскій, 1689 г.; полковникъ переяславскій, 1706 † 1715 года. Жена 1, *NN*; 2, дочь *Якова Лизогуба*, черниговскаго полковника . . . . 1.
3. *Василій*, сотникъ выбельскій, 1704 — 1715 г.; черниговскій полковой судья 1715 † 1726. Жена—*Пелагея Васильевна Болдаковская*. . . 1.
4. *Парфенъ*. . . . . 1.
5. *Иванъ* (отъ перваго брака) значковый товарищъ . . . . 2.
6. *Василій* (отъ втораго брака) бунчуковый товарищъ; убитъ въ 1736 году, въ Крыму, будучи переяславскимъ наказнымъ полковникомъ . . . . . . 2.
   Евдокія. По универсалу 1716 года, Скоропадскій далъ ей за службы отца с. Калинки . . . . 2.
   Катерина. Мужъ—*Федоръ Маркович Марковичъ*, братъ лубенскаго полковника Андрея Марковича . . . . 2.
7. *Григорій*, † 1730 года. Жена—дочь генеральнаго судьи *Лысенка* . . . 3.
   Дочь. Мужъ—*Григорій Стороженко*, сотникъ ичевскій . . . . . . 3.
8. *Федоръ*, значковый товарищъ 1781 года. Жилъ въ мѣстечкѣ Домонтовѣ, гдѣ и въ мѣстечкѣ Гелмязовѣ имѣлъ 74 крестьянъ м. п. Жена—*Прасковья Матвѣевна Тоцкая*, дочь священника. . . . . 5.
9. *Степанъ*, р. 1718 года, бунчуковый товарищъ 1737—1786 г.; потомъ коллежскій совѣтникъ. Жилъ въ Ковраяхъ. У него крестьянъ: въ Ковраяхъ—701, Бубновской слободѣ—331, Богушковой слободѣ—217, Войтовцахъ—541, Семеновкѣ—503 и хуторѣ Чумгацкомъ—287. Имѣлъ имѣніе и въ екатеринославской губерніи, куда переводилъ крестьянъ изъ переяславскаго и золотоношскаго уѣздовъ . . . . 6.
   Ульяна. Мужъ—*Иванъ Гавриловичъ Вишневскій*. У нихъ 2499 крестьянъ: въ Переяславѣ, Фарбованомъ, Сосновомъ, Пристромахъ, Дѣвичкѣ, Волчковѣ, Стовпягахъ, Хоцькахъ и Гланышевѣ . . . . 6.
   Софія. Мужъ—*Григорій Ивановичъ Краснокуцкій*, кіевскій прокуроръ 1788 г. . . . . 6.
   Елизавета. Мужъ—1, *Матвѣй Самойловичъ Сулима*, сотникъ воронковскій, 2, *Фаддей Антоновичъ Пашкевичъ*, польской службы камергеръ. 6.
   Катерина, 1749 года. Мужъ—*Василій Комаровскій*, бунчуковый товарищъ 7.
10. *Семенъ*, домонтовскій возный 1784 года. Жена—*Марья Акимовна Марченко*, козачка . . . . 8.

«ничего тутъ нѣтъ удивительнаго, что вы, владыка, изъ дворянъ да попали въ архіереи! а вотъ *мой дѣдъ былъ еврей*, бабка съ голоду жевала пирей, отецъ—iерей, а я—архіерей!» «Русская Старина» 1874 года, т. I, стр. 210.

11. *Прокофій*, домонтовскій сотенный атаманъ. Жена—*Евдокія Филипповна Лотошевичъ* . . . . 8.
12. *Степанъ*, ротмистръ 1798 г. Жена—*Варвара Васильевна Черниченко*. 8.
13. *Василій*, р. 1748 г.; полковникъ лубенскаго карабинернаго полка 1788 г. 9.
14. *Павелъ*, р. 1751 года; маіоръ 1798 года; переяславскій предводитель дворянства, 1824 г. Жилъ въ селѣ Войтовцахъ. У него крестьянъ—2463. Жена — 1, *Марья Васильевна Дунинъ-Борковская*; 2, дочь «австрійскаго дворянина» *Дмитрія Муранта* . . . . 9.

Родоначальникъ Томаръ—Иванъ былъ выходецъ изъ Греціи. Правнукъ его Степанъ разсказываетъ, что «Иванъ Томара вышедъ изъ Греціи въ Малороссію, отъ предковъ своихъ Томаръ породою—древней, шляхетской фамиліи, кой родъ искони въ Эпирусѣ и въ Македоніи пребывали и съ онаго одинъ домъ той-же Томариной фамиліи, при бывшихъ въ Греціи великихъ нестроеній и бѣдствъ, обратился въ Сицилію, что еще прежде обладанія турками Константинополя послѣдовало; и до сихъ поръ та фамилія въ тѣхъ областяхъ еще остается. Иванъ Томара, съ сыновьями его, Стефаномъ, Василіемъ и Парфеномъ, къ той, прежде вышедшей изъ Греціи, фамиліи обратился было тожъ въ Сицилію, а оттуду понеже тѣ родственники его были римскаго закона, то онъ тамо съ авантажемъ пребывать не изобрѣлъ; но, въ разсужденіи согласія религіи, пришелъ въ государство россійское, предъ кончиною царя Алексѣя Михайловича» Изъ актовъ XVII в. видимъ, что «греченинъ» Иванъ Томара, перейдя въ Малороссію, поселился въ Переяславѣ и сталъ тамъ торговать «турскими» товарами, а потомъ занялся всякими промыслами. Въ 1662 г. Сомко, жалуясь царю на обиды ратныхъ людей, стоявшихъ въ Переяславѣ, между прочимъ писалъ: «и нынѣшнему посланцу нашему Томарѣ на завтріе Покрова (ратные люди) въ лавку подкопавшися, готовыхъ денегъ 200 рублей, суконъ, шелковъ турскихъ, по его явкахъ, на 4000 и на 80 рублей украли и роздѣлили» [1]). А въ 1666 г. кіевскій воевода Шереметевъ жаловался, что «велѣлъ де было онъ въ Переясловѣ греченину Яну Томару сбирать съ перевозу и съ проѣзжихъ людей пошлину на великого государя, противъ обычаевъ прошлыхъ лѣтъ, какъ онъ

---

[1]) Акты юго-западной Россіи, т. V, стр. 128.

Янъ сбирывалъ на гетмановъ, и нынѣ де онъ Янъ, пріѣхавъ въ Кіевъ, извѣщалъ тайно со слезами, что собралъ онъ въ Переясловѣ такихъ пошлинныхъ денегъ съ 500 рублей, да прислалъ де къ нему гетманъ (Брюховецкій), велѣлъ ему перевезть къ себѣ въ Гадячь такихъ пошлиныхъ денегъ 1,000 рублей; и онъ де, чего не собрано и занявъ, везетъ; а не везть не смѣетъ, чтобы безъ головы не быть» [1]). Затѣмъ Томара изъ Переяслава переселился въ Каневъ и присталъ тамъ къ Дорошенку; нѣжинскій воевода Ржевскій писалъ въ 1662 г., что стрѣлецъ его «стрѣтился въ Переяславѣ съ гречаниномъ съ Яномъ Томарою, что бывалъ напередъ сего жилецъ переясловскій; онъ, Янъ Томара, живетъ въ Каневѣ, а ѣдетъ де онъ отъ гетмана Петра Дорошенка къ гетману Демьяну Игнатовичу съ листами, для своего дѣла» [2]). Иванъ Томара дожилъ до временъ Самойловича, которому и «припоручилъ» двухъ сыновей своихъ Степана и Василія, какъ разсказываетъ тотъ-же его правнукъ. Гетманъ принялъ Томаръ въ число своихъ «дворянъ», которые личною службою гетману нерѣдко выслуживали себѣ и войсковые уряды. У Самойловича Томары однако-жъ ничего не выслужили. Только при Мазепѣ выслужилъ старшій изъ нихъ, Степанъ, сотничій урядъ; но и этого уряда добился Томара повидимому лишь съ помощью черниговскаго полковника Лизогуба, на дочери котораго онъ женился. Степанъ Томара поставленъ былъ домонтовскимъ сотникомъ и на этомъ урядѣ получилъ онъ отъ Мазепы, въ 1689 г., Богушкову слободу и с. Подставки, а чрезъ нѣкоторое время и еще два села, Оробьевку и Хмельную, въ каневскомъ уѣздѣ. Въ 1706 г. переяславскій полковникъ Иванъ Мировичъ взятъ былъ шведами въ плѣнъ, гдѣ и умеръ; на мѣсто Мировича поставленъ былъ Мазепою Степанъ Томара, который чрезъ Лизогубовъ сталъ въ это время уже свойственникомъ гетмана. Несмотря однако-же на это свойство, Томара не раздѣлилъ замысловъ Мазепы и остался вѣренъ царю; за это Скоропадскій подтвердилъ Томарѣ маетности, данныя ему Мазепою, присоединивъ къ нимъ с. Нехайки, на Супоѣ. Въ 1711 г. Орликъ прислалъ было Томарѣ «прелестныя письма», склоняя его на свою сторону, но Томара поспѣшилъ это письмо

---

[1]) Т. ж., т. VI, стр. 103.
[2]) Т. ж., т. IX, стр. 658.

представить царю; письма были сожжены «катомъ», а «вѣрность» Томары утвердилась окончательно [1]). Томара правилъ переяславскимъ полкомъ до смерти, въ 1715 г. Онъ женатъ былъ два раза; отъ первой жены Томара имѣлъ сына Ивана, который почему-то по службѣ не вышелъ изъ ряда значковыхъ товарищей, а по смерти отца лишенъ былъ и наслѣдства. Отъ втораго брака съ дочерью Якова Лизогуба Томара имѣлъ другого сына, Василія, и двухъ дочерей. Василій Степановичъ Томара поведенъ былъ иначе; онъ учился въ «нѣмецкихъ земляхъ», что было въ то время рѣдкостью. По смерти Степана Томары маетности послѣдняго были Скоропадскимъ утверждены безраздѣльно за однимъ Василіемъ: 21 ноября 1715 г., гетманъ утвердилъ за нимъ Богушкову и Бубновскую слободы, Войтовцы и Нехайки, а на другой день Василій выпросилъ у гетмана подтвердительный универсалъ на два села, Козацкое и Веприкъ, которыми завладѣлъ старый Томара безъ гетманскаго позволенія. Василій Томара считался бунчуковымъ товарищемъ, а когда въ 1735 г. переяславскій полковникъ Василій Танскій сосланъ былъ въ Сибирь, на его мѣсто назначенъ наказнымъ Томара. Предводительствуя переяславскимъ полкомъ въ крымскомъ походѣ, Василій Томара былъ убитъ въ 1736 г. [2]). Сынъ Василія—Степанъ сталъ уже однимъ изъ замѣтныхъ богачей въ Малороссіи. Младшій братъ Степана Ивановича, Василій Ивановичъ Томара не выслуживъ у Самойловича никакого уряда, отправился искать счастья въ Черниговъ, разсчитывая конечно на покровительство тестя старшаго брата—Якова Лизогуба, тогдашняго черниговскаго полковника. Здѣсь Василій женился на дочери умершаго бѣлоусскаго сотника Василія Болдаковскаго, вдова котораго искала такого зятя, который могъ-бы, за малолѣтствомъ ея сыновей, распоряжать и охранять ея хозяйство. Впослѣдствіи жена Василія Томары разсказывала, что мужъ ея «женился на ней—нищъ, былъ принятъ въ домъ ея материстій въ пріймы, а засталъ при ней движимыхъ и недвижимыхъ имѣній не малымъ числомъ». Бѣдность Томары была такова, по тому-же разсказу жены, что когда онъ «женился на ней, увольнясь зъ двору отъ службы гетмана Ивана Самойловича, то

---

[1]) Матеріалы для отечественной исторіи, Судіенка, т. II, стр. 182.

[2]) Записки Марковича, т. II, стр. 10.

не имѣлъ у себя больш ничего съ пожитковъ, кромѣ **единого** коня и паръ нѣсколькихъ суконъ»[1]). Женитьба на Болдаковской сразу поставила Томару на ноги; прежде всего онъ сталъ значнымъ полку черниговскаго товарищемъ, какъ называетъ его универсалъ Мазепы 1690 г., а потомъ сталъ добиваться и урядовъ. Помогли ему въ этомъ искательствѣ деньги жены. Сначала онъ получилъ выбельское сотничество, а потомъ и черниговское судейство. Жена его разсказывала, что, добиваясь этихъ урядовъ, Василій Томара издержалъ денегъ до 400 рублей, но за то онъ, вмѣстѣ съ сотничествомъ, получилъ отъ Лизогуба с. Сядричи, которое утвердилъ за нимъ и Мазепа, вмѣстѣ съ женинымъ наслѣдственнымъ селомъ—Рогощею; а въ 1715 г. Скоропадскій прибавилъ Томарѣ с. Брагинцы въ басанской сотнѣ. Изъ бѣдняка, пріѣхавшаго въ Черниговъ на одномъ конѣ, Томара сталъ богатымъ паномъ, оставивъ по смерти «пожитковъ движимыхѣ и недвижимыхъ, якъ-то: селъ, деревень, хуторовъ, мельницъ, рощей, лѣсовъ, пахатной земли, сѣнокосовъ, лошадейного заводу, рогатаго скота, овецъ, всего—не малымъ числомъ, винокурные и броварные заводы съ котлами, тако-жъ войсковыхъ порядковъ: сѣделъ, оправныхъ серебромъ, рондовъ, панцеревъ, сагайдаковъ и шабель, подъ серебро оправныхъ въ каменье, сребра столоваго, пукаловъ, крушокъ, стакановъ, подносовъ, чарокъ и ложокъ, клейнотовъ женскихъ: перлъ, ланцужковъ, канаковъ, червонцевъ, дукатовъ, мѣховъ—собольихъ, куньихъ, рысьихъ, песцовьихъ, лисьихъ, бѣлковыхъ, платья мужескаго и женскаго—бархатного, парчеваго, разнаго матеріальнаго (шелкового) и суконного имъ, Томарою, набитого». Такъ исчисляли Томарины богатства его наслѣдники[2]). Василій Томара оставилъ двухъ дочерей: Ульяну и Ѳедору и малолѣтняго сына Григорія. Дочери выданы были замужъ еще при жизни отца, одна за Григорія Стороженка, а другая за Григорія Криштофовича Фридрикевича. Сына Григорія женила уже вдова Василія Томары, въ 1729 г., на дочери генеральнаго судьи Федора Лысенка. На третій годъ послѣ женитьбы Григорій умеръ, оставивъ дочь Катерину. Оставшись безпомощною вдовою, Пелагея Васильевна пригласила къ себѣ внука—Степана Григорьевича Сто-

---

[1]) Румянцовская Опись, стр. 28.

[2]) Т. ж., стр. 31.

роженка, думая сдѣлать изъ него хозяина своихъ маетностей, которыя и отдала въ его распоряженіе. Стороженко, будучи наслѣдникомъ умершаго Василія Томары, своего дѣда, считалъ эти маетности своими по закону и поэтому не старался годить своей бабкѣ, а бабка считала, что всѣ маетности, какъ нажитыя на ея средства, принадлежатъ ей, тѣмъ болѣе, что и своихъ трудовъ на увеличеніе богатства положила она не мало; такъ умершій ея мужъ «былъ оскарженъ, якобы многіе скарбовые гроши потерялъ», и она вдова «болѣе десяти лѣтъ волочась въ Глуховѣ, поколь отъ той напасти освободилась, утратила до тысячи рублей», да «доходя села Брагинцевъ, мужу ея за его службы наданнаго, якимъ былъ завладѣлъ тогдашній полковникъ переяславскій Богдановъ, сдержала до пятисотъ рублей». Нелады внука Стороженка съ бабкою Томарихою дошли до того, что онъ, «забывъ страхъ Божій и пренебрегъ праматернее ея къ нему явленное милосердіе, дерзнулъ не только словами безчестить, поносить и бранить, называя ее непочтивою женою, злодѣйкою и брехухою, но самую ея, при старости ея лѣтъ, отважился за груди похватить и немилосердно вдарить объ стѣну». Послѣ этого Томариха выгнала внука изъ своего дома и задумала искать болѣе надежной опоры въ мужѣ для внуки Катерины, которая въ это время стала уже невѣстою. При этомъ она обѣщала будущему мужу внуки записать всѣ свои маетности. Катерина Григорьевна стала завидною невѣстою, и женихъ скоро нашелся въ лицѣ бунчуковаго товарища Василія Комаровскаго. Комаровскіе, два брата—Иванъ и Василій, были шляхтичи, вышедшіе въ Малороссію изъ-за Днѣпра; учились они сначала въ кіевской академіи; затѣмъ старшій изъ нихъ—Иванъ поступилъ учителемъ въ черниговскую семинарію, принялъ монашество съ именемъ Ираклія и въ 1737 г. поставленъ былъ архимандритомъ въ троицко-ильинскій монастырь. Въ 1752 г. онъ былъ назначенъ черниговскимъ епископомъ и правилъ епархіею девять лѣтъ, отличаясь жестокостью къ подчиненному ему духовенству, за что былъ и лишенъ епархіи [1]). Вотъ этотъ Ираклій Комаровскій, будучи троицкимъ архимандри-

---

[1]) См. Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1855 года, № 43, гдѣ приведены очень интересныя свѣдѣнія о многихъ черниговскихъ епископахъ, извлеченные изъ архива черниговской духовной консисторіи.

томъ, и высваталъ у Томарихи внучку ея Катерину за своего брата Василія, который служилъ войсковую службу въ черниговскомъ полку. По уступной записи 1742 г. Томариха отдала Василію Комаровскому всѣ свои маетности: с. Рогощу и деревни Сядрячи, Кашовку, Ямище, Тамаровку и Высокинь. Такимъ образомъ богатства, нажитыя Василіемъ Томарою, перешли въ родъ Комаровскихъ.

А. Лазаревскій.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

(Продолженіе) [1].

XVI.

Казалось-бы, что послѣ столькихъ уроковъ фанатизмъ поляковъ въ дѣлѣ обращенія и ополяченія Руси долженъ былъ исчезнуть или по крайней мѣрѣ уменьшиться, на самомъ-же дѣлѣ случилось иначе.

Въ 1669 г. избранъ былъ королемъ Михаилъ Вишневецкій. Гетманъ Дорошенко вмѣстѣ съ митрополитомъ Тукальскимъ подали въ избирательный сеймъ петицію о томъ, чтобы православнымъ возвращены были отнятыя у нихъ церкви и чтобы русскимъ епископамъ изъ польской Украйны были предоставлены мѣста въ сенатѣ. Однако новый король не только не дозволилъ православнымъ епископамъ засѣдать въ сенатѣ, но даже устранилъ диссидентовъ отъ всѣхъ должностей и урядовъ.

Народъ православный, хотя и лишенный церковной іерархіи, не переставалъ по прежнему выбирать изъ среды себя кандидатовъ на приходы и посылалъ ихъ за границу для посвященія. Въ видахъ предупрежденія этой мѣры, въ правленіе короля Михаила изданъ былъ законъ, въ силу котораго ни одинъ священникъ не могъ получить прихода, не испросивши предварительно презенты (согласія) отъ владѣльца села, старосты или державцы королевскаго имѣнія. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что хотя сеймомъ 1669 г. изданъ былъ законъ, освобождавшій русское духовенство отъ панщины и все-

[1]) См. апрѣльск. кн. «Кіевской Старины», 1885 г., стр. 678—716.

возможныхъ работъ въ пользу помѣщика, но польская шляхта не считала его обязательнымъ для себя и на гродненскомъ сеймѣ 1726 г. сыновья русскихъ священниковъ признаются панскими подданными.

Такъ какъ религіозныя преслѣдованія въ западной половинѣ Украйны продолжались по прежнему, то народонаселеніе и его представители козаки продолжають стремиться къ объединенію ея съ восточною. Главнымъ препятствіемъ къ такому объединенію является андрусовскій договоръ; не оставалось иного средства, какъ обходъ этого договора, согласно съ требованіями тогдашней дипломатіи.

Нѣкоторые историки приписываютъ Дорошенку намѣреніе создать изъ Малороссіи особое княжество подъ протекторатомъ султана; но если принять во вниманіе нерасположеніе народа къ такому проэкту, то болѣе правдоподобною является слѣдующая программа: Россія отказалась въ пользу Польши отъ одной половины Украйны, но по отношенію къ Турціи она не была связана никакимъ трактатомъ. Поэтому нужно было сперва отдѣлиться отъ Польши съ помощью турокъ, чтобы въ свое время освободиться и отъ подчиненія Турціи съ помощью Россіи. Составивъ такой планъ, Дорошенко, защитникъ единства и независимости Украйны, начинаетъ склонять къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ гетмана восточной Украйны Брюховецкаго.

Старшина и значные козаки домогались отъ Россіи возстановленія въ полной силѣ своихъ привилегій; они раздѣляли польско-шляхетскіе идеалы, отвѣчавшіе украинской культурѣ того времени, выработавшейся подъ польскимъ вліяніемъ; но, встрѣтивъ отпоръ со стороны московскаго правительства, они готовы были при первой возможности отказаться отъ этого правительства. Напротивъ посполитые козаки и простой народъ вначалѣ всѣ свои надежды обращали къ московскому правительству; но, при болѣе близкихъ сношеніяхъ съ его агентами—воеводами и стрѣльцами, также возмущались ихъ суровымъ и безцеремоннымъ отношеніемъ и въ свою очередь готовы были отдѣлиться отъ Москвы. Условившись съ Дорошенкомъ, Брюховецкій воспользовался общественнымъ настроеніемъ и началъ выгонять воеводъ и стрѣльцовъ; но въ Гадячѣ поднялась противъ него группа козаковъ, выдвигавшая другаго кандидата на гетман-

ство; Брюховецкій былъ арестованъ, отправленъ къ Дорошенку и тамъ убитъ козаками. Тогда Дорошенко объявилъ себя гетманомъ всей Украйны и рѣшился приступить къ подчиненію Турціи. Измѣна Брюховецкаго произвела сильную тревогу какъ въ Москвѣ, такъ и въ Малороссіи; населеніе здѣсь раздѣлилось на два лагеря; въ 1669 г. козаки получили дозволеніе избрать новаго гетмана; сторонниками Москвы избранъ былъ черниговскій полковникъ Многогрѣшный, человѣкъ совершенно бездарный и лишенный политическихъ способностей. Но власть его не простиралась на всю Малороссію; полки: лубенскій, гадячскій, прилуцкій и нѣкоторое время переяславскій признали своимъ гетманомъ Дорошенка, стремившагося удержать всю Украйну въ рукахъ одного гетмана и тѣмъ самымъ дать ей новыя силы противъ внѣшнихъ враговъ.

Видя такое положеніе дѣлъ на Украйнѣ, польское правительство поняло грозящую ему опасность и универсалами, полными либеральныхъ фразъ, объявляетъ Дорошенка лишеннымъ власти и приглашаетъ козаковъ къ избранію новаго гетмана, что запрещалось имъ уже много разъ. Между тѣмъ уманскій полковникъ Ханенко самъ объявилъ себя гетманомъ, но, побѣжденный Дорошенкомъ, подчинился польскому королю и былъ утвержденъ въ гетманскомъ достоинствѣ; впрочемъ власть его была весьма незначительна. Въ противовѣсъ болѣе популярному гетману поляки сами заняли Брацлавъ, Могилевъ-Подольскъ, Рашковъ и Баръ и отдали ихъ въ управленіе Ханенку.

Такимъ образомъ являются снова три гетмана: Дорошенко и Ханенко въ правобережной Украйнѣ и Многогрѣшный въ лѣвобережной. Всѣ эти обстоятельства ставятъ Дорошенка въ весьма трагическое положеніе. Подобно Богдану Хмельницкому, онъ стремится къ единству и независимости всей Украйны и въ тоже время сознаетъ, что для нея невозможно не признать надъ собою власти котораго нибудь изъ сосѣднихъ государствъ. Наконецъ въ 1669 г. онъ созвалъ въ Корсунѣ козацкую раду и предложилъ рѣшить вопросъ, что дѣлать дальше: входить-ли въ соглашеніе съ Москвою, подчиниться-ли Польшѣ или турецкому султану? Козаки отдали предпочтеніе турецкому правительству.

Вскорѣ обстоятельства поставили и Многогрѣшнаго въ непріязненныя отношенія къ своему правительству. Управленіе воеводъ,

несогласное съ украинскими обычаями, порядками, со всѣмъ складомъ народной жизни, было нестерпимымъ для мѣстнаго народонаселенія; крестьяне по прежнему стремились въ запрещенное для нихъ козачество; однимъ изъ поводовъ къ народнымъ волненіямъ было опасеніе, чтобы Кіевъ со всѣми святынями не былъ отданъ полякамъ. Напрасно Многогрѣшный входилъ съ представленіемъ къ московскому правительству объ освобожденіи Украйны отъ управленія и суда воеводскаго; всѣ эти представленія оставлены безъ послѣдствій. Наконецъ противъ гетмана составился заговоръ старшинъ козацкихъ; Многогрѣшный былъ арестованъ, отправленъ въ Москву и затѣмъ сосланъ въ Сибирь послѣ суда надъ нимъ по обвиненію въ измѣнѣ.

Дорошенко съ своей стороны ведетъ безпрестанныя сношенія съ московскимъ правительствомъ, повторяя все тѣже условія: чтобы московскій царь принялъ всю Украйну подъ свою верховную власть, отозвалъ воеводъ и предоставилъ козакамъ обоихъ береговъ Днѣпра всѣ ихъ права подъ управленіемъ одного гетмана. Дорошенко увѣряетъ, что онъ не врагъ Москвы и вмѣстѣ со всѣмъ народомъ украинскимъ стремится подъ власть великаго государя, но только въ томъ случаѣ, если царь согласится принять въ свое подданство обѣ стороны Днѣпра, не присылать сюда своихъ воеводъ, не нарушать автономіи края и правъ козацкихъ, однимъ словомъ, если оставлены будутъ во всей силѣ всѣ постановленія перваго договора, заключеннаго съ Богданомъ Хмѣльницкимъ. Наконецъ высказываетъ, что только крайность принуждаетъ его подчиниться на время султану.

Но, не смотря на всѣ представленія, московское правительство, сохраняя постановленія андрусовскаго договора, требуетъ и отъ Дорошенка вѣрности Польшѣ и тѣмъ самымъ поддерживаетъ раздѣлъ Украйны, вопреки стремленіямъ гетмана и цѣлаго народа.

Итакъ, Дорошенко принужденъ былъ одновременно вести дипломатическую борьбу и противъ Москвы и противъ Польши, но сверхъ того ему предстояла еще борьба противъ своихъ же собратьевъ: запорожцы не хотѣли подчиняться ни Дорошенку, ни лѣвобережному гетману и подъ предводительствомъ кошевого Сирка, а впослѣдствіи Суховіенка, продолжали при удобномъ случаѣ грабить и разбивать татаръ и турокъ.

Послѣ ссылки Многогрѣшнаго гетманомъ восточной Украйны избранъ въ 1672 г. Иванъ Самойловичъ. Это былъ человѣкъ ученый, но мало способный, низкопоклонный передъ высшими и надменный передъ низшими и сверхъ того чрезвычайно корыстолюбивый; старшина козацкая выбрала его въ надеждѣ имѣть въ его лицѣ покорное орудіе—до того низошло значеніе гетмана. Переворотъ этотъ случился въ то самое время, какъ Дорошенко, избравши вѣрнѣйшій способъ приведенія въ дѣло своей программы, рѣшился подчиниться султану, который благосклонно принялъ предложеніе и началъ готовиться къ войнѣ съ Польшей.

Въ декабрѣ 1671 г. получена въ Варшавѣ султанская нота, въ которой поставленъ ультиматумъ: добровольно отказаться отъ всѣхъ притязаній на Украйну, которая ищетъ покровительства Турціи, или готовиться къ войнѣ. Итакъ полякамъ угрожала новая турецкая война, но они заняты были внутренней войной и не думали объ отраженіи непріятеля. Между тѣмъ султанъ Магометъ IV выступилъ въ походъ съ 300,000 войскомъ, занялъ Каменецъ подольскій, осадилъ Львовъ и взялъ съ города выкупъ въ 7,000 талеровъ. Сознавая свое безсиліе, король Михаилъ заключилъ подъ Бучачемъ (въ Галиціи) миръ, по которому уступалъ туркамъ Подолію съ каменецкою крѣпостью, всю правобережную Украйну, принадлежавшую до того времени Польшѣ, и сверхъ того обязывался ежегодно платить Портѣ 22,000 червонцевъ. Поляки обязывались вывести изъ Украйны свои войска, оставить Бѣлую-Церковь и другія крѣпости и признать всю территорію собственностью козаковъ, находящихся въ зависимости отъ Турціи.

Такимъ образомъ исполнилась первая половина программы Дорошенка; но другая половина—освобожденіе Украйны изъ турецкаго подданства съ помощью Россіи не могла быть выполнена, вслѣдствіе того, что ни одинъ изъ гетмановъ не хотѣлъ отказаться отъ своего достоинства и напротивъ хотѣлъ сдѣлаться гетманомъ всей Украйны.

Между тѣмъ поляки одумались, сеймъ отказался утвердить бучацкій договоръ и польскія войска подъ предводительствомъ великаго короннаго гетмана Собѣскаго выступили противъ турокъ. Самъ король хотѣлъ сопровождать армію, но заболѣлъ на пути и умеръ во Львовѣ 10 ноября 1673 г. На слѣдующій день гетманъ

Собѣскій одержалъ блестящую побѣду надъ турками подъ Хотиномъ, но узнавши о смерти короля, вмѣсто того, чтобы продолжать войну, поспѣшилъ въ Варшаву, гдѣ и былъ избранъ королемъ въ 1674 г.

Теперь Собѣскій считаетъ своею обязанностью окончить войну; правда, его побѣды избавили Польшу отъ полнаго униженія, но всѣ усилія поляковъ уже не въ состояніи были возвратить утраченную Подолію; турки энергично отстаивали свое пріобрѣтеніе и главная сила—козачество была не на сторонѣ Собѣскаго. Султанъ снова овладѣлъ Хотиномъ и распускалъ свои загоны до самаго Львова; снова заключенъ миръ, при чемъ Турція удержала за собою Подолію и Украйну.

Дорошенко понялъ, что всѣ разсчеты его были ошибочны: турки и не думали о единствѣ Украйны, а онъ, сдѣлавшись турецкимъ подданнымъ, первый принужденъ былъ выдерживать удары враговъ ислама; между тѣмъ силы его слабѣли, народъ выселялся за Днѣпръ и правый берегъ становился все безлюднѣе. Обоимъ гетманамъ—и Дорошенку, и Ханенку оставалось управлять только жалкими остатками народонаселенія. Дорошенко снова обращается къ московскому правительству съ просьбою принять его въ подданство, но не иначе, какъ на тѣхъ-же условіяхъ, какія предлагалъ и раньше, т. е. объединенія и автономіи Украйны. Съ другой стороны Самойловичъ, опасаясь, чтобы его не лишили гетманства въ пользу Дорошенка, не переставалъ возстановлять противъ него центральное правительство.

Значительная часть Украйны, а именно восточная ея половина, уже находилась подъ властью московскаго царя, оставалось только Дорошенку присоединиться; онъ давно готовъ былъ на это, но не хотѣлъ видѣть такую бездарную личность, какъ Самойловичъ, гетманомъ обоихъ береговъ Днѣпра.

Въ 1674 г. Самойловичъ перешелъ за Днѣпръ съ помощію русскихъ войскъ подъ начальствомъ Ромодановскаго. Тогда Дорошенко потерялъ всю свою популярность; на турокъ не было больше надежды, два раза являлись они на помощь Дорошенку и не принесли ни малѣйшей пользы, а только до такой степени опустошали край, что остатки населенія цѣлыми массами переселялись въ восточную половину Украйны. Поэтому народъ и козаки сочув-

ственно встрѣчаютъ Самойловича, города открываютъ передъ нимъ ворота, цѣлые полки оставляютъ Дорошенка и переходятъ на сторону Самойловича, принимая его, какъ избавителя отъ польской и татарской неволи. Собранная въ Переяславѣ рода выбрала его гетманомъ всей Украйны, которому подчинился и Ханенко; во власти Дорошенка остался одинъ Чигиринъ. Но титулъ гетмана и народныя симпатіи были еще недостаточны, прежде всего нужно было освободить правобережную Украйну изъ-подъ власти турокъ, а для этого не доставало Самойловичу ни энергіи, ни предпріимчивости; онъ возвращается въ Малороссію и вліяніе Дорошенка снова начинаетъ усиливаться.

Желая обойти Самойловича, Дорошенко еще разъ дѣлаетъ попытку подчиниться Москвѣ; съ этою цѣлью онъ созвалъ раду, на которую пригласилъ и Сирка съ запорожцами, и здѣсь въ присутствіи духовенства принесъ присягу на вѣрность царю, прося запорожцевъ поддержать его въ томъ, чтобы царь оставилъ его со всѣмъ козачествомъ въ своей милости и своими войсками помогъ защититься отъ турокъ, татаръ и поляковъ—для того, чтобы правая сторона Днѣпра снова могла заселиться, чтобы не перегоняли народъ на лѣвый берегъ, а дозволили ему оставаться на своихъ мѣстахъ, такъ какъ прошелъ слухъ, будто московское правительство задумало сжечь всѣ города на правомъ берегу и выселить все народонаселеніе на лѣвый.

Съ своей стороны Самойловичъ доноситъ на Дорошенка, будто онъ насылаетъ турокъ на Кіевъ. Изъ Москвы полученъ былъ приказъ идти войною противъ Дорошенка, который держался еще въ южной части Украйны. Въ такомъ критическомъ положеніи онъ обращается къ турецкой помощи, но Ромодановскій отразилъ турокъ подъ Чигриномъ; тогда Дорошенко сложилъ здѣсь булаву и затѣмъ вызванъ былъ въ Москву, откуда уже не возвратился на родину.

Однако султанъ не хотѣлъ оставить своихъ притязаній на Украйну, поляки также и—обѣ враждебныя стороны выдвигаютъ своихъ гетмановъ: поляки Ханенка, Гоголя, Куницкаго, турки сперва Юрія Хмѣльницкаго, затѣмъ господаря Александра Дуку и Драмнича, послѣ чего и сами явились подъ Чигриномъ. Тогда по приказу Самойловича сожжены всѣ села и города на пра-

вой сторонѣ Днѣпра и все оставшееся народонаселеніе переведено на лѣвую сторону. Съ того времени падаетъ господство козачества на правой сторонѣ Днѣпра; не стало жителей, не стало и козаковъ. Автономія козацкая продержалась еще нѣкоторое время въ лѣвобережной Украйнѣ и нѣсколько дольше въ вольныхъ степяхъ запорожскихъ, но уже въ состояніи близкомъ къ упадку. Такимъ образомъ когда наконецъ въ 1681 г. состоялось въ Бахчисараѣ перемиріе на двадцать лѣтъ, то цвѣтущій нѣкогда край былъ до такой степени разоренъ и опустошенъ, что какъ Польша, такъ и Турція и Россія перестали уже дорожить господствомъ надъ нимъ. Каждая изъ сторонъ готова была отказаться отъ этой спорной пустыни, никому не приносящей выгоды, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы она не досталась никому другому. Дальновидные политики даже выражали желаніе, чтобы спорный край на вѣчныя времена остался пустымъ и незаселеннымъ. Въ силу особаго параграфа договора, вѣчная пустыня должна была раздѣлять эти три государства. Такимъ образомъ плодородный край обращенъ въ пустыню; но не смотря на договоръ, и Турція, и Польша по прежнему не оставляютъ своихъ притязаній на этотъ край, обѣ стороны продолжаютъ ставить для него своихъ гетмановъ и пытаются снова заселить его въ свою пользу.

Вторичная колонизація правобережной Украйны принадлежитъ Александру Дукѣ, гетману поставленному турками по смерти Юрія Хмельницкаго. Получивши въ управленіе этотъ роскошный, но безлюдный край, новый гетманъ понялъ всѣ выгоды, какія можно было бы извлечь изъ него, если бы удалось его заселить, и постарался дать народу гарантіи спокойствія и самоуправленія. Поэтому Дука объявилъ всеобщее право на слободы по всей Украйнѣ и на организацію новыхъ козацкихъ полковъ съ прежнимъ ихъ значеніемъ, если народъ пожелаетъ возвратиться на родину. Въ доказательство справедливости своихъ обѣщаній, Дука назначилъ полковниковъ и послалъ ихъ въ степи для завѣдыванія колонизаціею и сформированія полковъ, чѣмъ первый нарушилъ бахчисарайскій договоръ.

Дѣйствительно, колонисты чрезвычайно быстро являются со всѣхъ сторонъ, не смотря на всѣ препятствія, особенно многочисленныя со стороны московскаго правительства, желавшаго остаться

вѣрнымъ договору. Вскорѣ однако послѣ паденія Дуки мысль о колонизаціи была оставлена.

Съ того времени западная Украйна, лишенная возможности заселиться осѣдлымъ людомъ, служитъ пристанищемъ различнымъ бѣглецамъ и смѣлымъ бродягамъ; въ ней снова повторяется тоже самое, что случилось двѣсти лѣтъ назадъ и дало въ теченіемъ времени начало запорожской Сѣчи. Бѣглецы собираются въ отряды, кочующіе въ степяхъ и занятые безпрерывными войнами съ татарами и турками.

Если съ одной стороны очистить степи было дѣломъ чрезвычайно труднымъ, то съ другой стороны польское правительство въ своихъ продолжительныхъ войнахъ съ Турціею постоянно нуждалось въ военныхъ силахъ; короля Собѣскаго преслѣдовало сожалѣніе объ упадкѣ козачества и при разстройствѣ государственныхъ финансовъ онъ рѣшился воспользоваться для своихъ военныхъ замысловъ готовыми уже вооруженными отрядами. Съ этою цѣлью при войскѣ, стоящемъ на Украйнѣ, онъ организуетъ козацкіе полки и назначаетъ для нихъ гетманомъ Гоголя. Собѣскій долгое время воевалъ на Украйнѣ; онъ зналъ и высоко цѣнилъ быстрые козацкіе набѣги, по его мнѣнію, козаки одни только умѣли вести партизанскую войну съ татарами, они одни знали всѣ татарскія военныя хитрости, не знали затрудненій, когда нужно было добыть языка и т. д. Поэтому, собираясь въ походъ подъ Вѣну, Собѣскій задумалъ организовать для себя отрядъ козаковъ и не рѣшился вступать въ сраженія съ турками до прибытія козацкой милиціи. Чтобы извлечь изъ козаковъ возможную пользу для своего предпріятія, Собѣскій признаетъ ихъ козацкимъ войскомъ, обѣщаетъ ему жалованье, поручаетъ предводительство надъ ними Куницкому съ титуломъ гетмана и указываетъ имъ, какъ легкую добычу, Молдавію и буджацкія степи, откуда татары ушли подъ Вѣну. Походъ Куницкаго не удался, за что самъ онъ былъ казненъ своими козаками.

Въ декабрѣ 1683 г., возвратился Собѣскій изъ подъ Вѣны въ Краковъ и тотчасъ же началъ приготовленія къ новой войнѣ съ турками.

Не обращая вниманія на самые убѣдительные опыты прошлаго, Собѣскій усердно занялся проектомъ возобновленія зависимаго отъ Рѣчи Посполитой козацкаго войска, необходимаго для успѣшнаго

исхода турецкой войны. Зная въ совершенствѣ стремленія какъ рускаго народа, такъ и его представителей козаковъ, король понималъ, что единственная возможность усилить козачество въ западной Украйнѣ могла-бы представиться только въ такомъ случаѣ, если-бы удалось вызвать обратно въ пустыню вышедшій отсюда народъ. Съ своей стороны и народъ не могъ возвратиться безъ достаточныхъ гарантій, что имъ снова не овадѣютъ паны и что права козацкія, личная свобода и поземельная собственность будутъ распространяться на всѣхъ жителей края, а выполненіе этихъ желаній было связано со многими затрудненіями. Колонизація, даже самая успѣшная, требуетъ продолжительнаго времени, а козацкое войско нужно было Собѣскому немедленно. Трудно также было надѣяться, чтобы шляхта согласилась на возстановленіе козачества, съ которымъ вела вѣковую борьбу на жизнь и смерть. Наконецъ самъ народъ русскій не довѣрялъ уже полякамъ, и едва-ли можно было придумать такія гарантіи, которыя въ состояніи были-бы сломить недовѣріе народа послѣ стольких противуположныхъ опытовъ.

Однако, не смотря на всѣ указанныя трудности, королю удалось хотя отчасти выполнить свое намѣреніе.

Въ 1684 г. онъ издаетъ универсалъ, которымъ уступаетъ козакамъ для поселенія земли, уже предназначенныя къ вѣчному запустѣнію и только по имени принадлежавшія Польшѣ, а именно всю территорію отъ Тясмина и Тыкича до границъ кіевскаго Полѣсья. На этотъ разъ шляхта не противится королю, въ надеждѣ на сильную и дешевую помощь отъ козаковъ въ турецкихъ войнахъ; но не такъ легко было преодолѣть недовѣріе русскаго народа къ польскому правительству. Успѣшный исходъ дѣла въ этомъ направленіи зависѣлъ въ значительной мѣрѣ отъ личныхъ качествъ и характера лицъ, которыя взяли-бы на себя иниціативу колонизаціи. Было ясно, что шляхтѣ нельзя поручить ее, иначе все дѣло погибнетъ; поэтому нужно было назначать полковниками людей изъ народа или изъ козаковъ. Можно было надѣяться, что найдутся лица способныя и популярныя, но популярность ихъ могла продолжаться только до тѣхъ поръ, пока они останутся преданными интересамъ своего народа, а на стойкость ихъ не всегда можно было разсчитывать.

Между тѣмъ при первомъ извѣстіи о королевскихъ универсалахъ народъ начинаетъ подыматься въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще держалась шляхта, подымались даже волненія. Желая дать возможный выходъ безпорядкамъ, успокоить встревоженную шляхту и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ можно скорѣе, получить козацкое войско, пока колонизація не успѣетъ еще развиться, король рѣшился усилить вербованіе козацкихъ полковъ въ Полѣсьи. Въ 1684 г. многіе шляхтичи получаютъ королевскія грамоты на право вербовать всѣхъ, кто пожелаетъ, въ козацкіе полки на королевскомъ жалованьи. Полки расквартировываются въ Полѣсьи, но полковники не считаютъ выгоднымъ для себя идти на войну, а вмѣсто того пользуются своими силами для своихъ личныхъ дѣлъ: для мести противъ личныхъ враговъ или для нападеній на сосѣдей, оставляя безъ вниманія королевскіе универсалы или приказы войсковаго региментаря.

Такимъ поведеніемъ шляхта доказала свою непригодность къ формированію козацкихъ полковъ; король въ теченіи года задерживаетъ жалованье и тѣмъ самымъ вынуждаетъ распустить полки, послѣ чего въ началѣ 1686 года назначаетъ цѣлый рядъ новыхъ полковниковъ изъ козаковъ. Дѣйствительно, полки ихъ болѣе отвѣчаютъ своему назначенію, они принимаютъ участіе въ военныхъ походахъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ полковники, какъ Искра, Самусь, Абазинъ и Палій, поняли, какую важную выгоду можно извлечь для народа изъ королевскаго универсала; они являются проводниками новой колонизаціи, зазываютъ народъ на слободы и заселяютъ украинскія степи; они не только принимаютъ участіе въ королевскихъ походахъ, но также успѣшно отражаютъ татарскіе набѣги.

Такъ возникаютъ новые козацкіе полки; главный контингентъ для нихъ доставляютъ выходцы изъ Малороссіи, во множествѣ переселявшіеся оттуда главнымъ образомъ потому, что Самойловичъ съ Мазепой пытались установить въ Малороссіи шляхетское сословіе и поставить его въ такія отношенія къ народу и козакамъ, какъ то было въ Польшѣ.

Между тѣмъ Собѣскій, окончивъ приготовленія къ войнѣ съ Турціей, считалъ необходимымъ обезпечить себѣ миръ со стороны Россіи. По его порученію, познанскій воевода Гржимултовскій заключилъ въ 1686 г. договоръ въ Москвѣ, по которому Польша на вѣчныя времена отказывается отъ своихъ притязаній на Малороссію,

Кіевъ съ округомъ и Запорожье. Прибывшее во Львовъ русское посольство, съ Борисомъ Шереметевымъ во главѣ, потребовало, въ числѣ другихъ условій, свободы греко-восточнаго вѣроисповѣданія въ польскихъ областяхъ. На это сенаторы отвѣчали, что «никому не слѣдуетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла чужаго государства, и что для гарантіи старой русской вѣры достаточно того, если король во время коронаціи приноситъ присягу—никого не преслѣдовать за вѣру».

XVII.

Пока живъ былъ Собѣсскій, нуждавшійся въ козакахъ для своихъ войнъ съ турками, до тѣхъ поръ козачество было терпимо; но въ 1696 г. умеръ Собѣскій и преемникомъ ему избранъ Августъ II. Между тѣмъ турки, тѣснимые со всѣхъ сторонъ, принуждены были искать мира и въ 1699 г. состоялся въ Карловицахъ договоръ между Турціей, Австріей, Польшей и Россіею, въ силу котораго Польша получаетъ обратно все Подоліе и перестаетъ платить дань туркамъ. Теперь козацкое войско становится ненужнымъ. Тутъ слѣдуетъ упомянуть, что по удаленіи турокъ изъ Каменца поляки изгоняютъ изъ города православныхъ жителей, церкви ихъ были опечатаны и только одна изъ нихъ отдана уніатамъ.

Когда окончилось вторичное заселеніе Украйны, города и села заново отстроены, шляхта вспоминаетъ свое прежнее господство въ этихъ краяхъ и выражаетъ претензію на исключительное право землевладѣнія. Снова подымаются противъ козаковъ жалобы со стороны дворянства и латинскаго духовенства; шляхта совершенно справедливо утверждаетъ, что козачество преслѣдуетъ принципы прямо противоположные шляхетскимъ и сеймъ 1699 г. постановилъ раскассировать и упразднить козачество.

Въ 1702 г. появляются въ Богуславѣ, Корсунѣ и другихъ городахъ польскіе помѣщики, старосты или управители для водворенія шляхетскихъ порядковъ; начинаются прежнія гоненія противъ православія, народъ снова принуждаютъ къ уніи и требуютъ отъ козаковъ, чтобы они поступали въ подданство къ панамъ, или очистили города и села. Козаки не перестаютъ протестовать противъ такого ненавистнаго порядка вещей и въ началѣ XVIII в. всѣ недовольные

собираются подъ знаменами Палія, героя народныхъ преданій. Отсюда возникаютъ новыя столкновенія съ козаками, и возстаніе разростается на Украйнѣ, Волыни и Подоліи; сторону козаковъ принимаетъ и народъ, которому Палій и Самусь объявили свободу и призвали всѣхъ къ оружію. Между тѣмъ поляки, занятые войной съ шведами, обращаются къ царю Петру I съ просьбою объ усмиреніи козаковъ; на приказаніе предводителямъ возстанія распустить свои силы Палій и Самусь отвѣчаютъ, что не козаки, а сами поляки подали поводъ къ несогласіямъ, такъ какъ паны польскіе черезчуръ угнетали народъ, котораго свобода обезпечена королевскимъ универсаломъ,—и въ свою очередь просятъ принять ихъ въ свое подданство. Но Петръ I не соглашался на это, такъ какъ былъ въ союзѣ съ Польшей противъ шведовъ; наконецъ онъ приказалъ призвать Палія, который былъ схваченъ и сосланъ въ Енисейскъ. Такимъ образомъ возстаніе, лишенное предводителя, вскорѣ было усмирено, но русскій народъ снова цѣлыми тысячами переходитъ на лѣвую сторону Днѣпра и Запорожье.

Съ того времени снова начинаютъ появляться различные проэкты искорененія, ополяченія и окатоличенія русскихъ: одинъ въ 1717 г., другой въ 1752 г. и третій въ 1786 г. Три эти проэкта предлагаютъ полякамъ различныя средства къ уничтоженію Руси; въ частности проектъ 1717 года, представленный сейму и внесенный въ книги гродскія варшавскія, предлагаетъ оные въ тринадцати пунктахъ, между прочимъ: пренебреженіе и издѣвательство, преслѣдованіе и всевозможныя притѣсненія русскихъ; недопущеніе шляхты греческаго и даже уніатскаго вѣроисповѣданія къ занятію общественныхъ должностей, удержаніе православныхъ священниковъ въ бѣдности и невѣжествѣ для того, чтобы они не могли ни имуществомъ, ни образованіемъ помочь своему дѣлу и т. д.

Вотъ почему архипресвитеръ уніатской капитулы луцкой Өеодосій Бродовичъ пишетъ въ своихъ замѣчаніяхъ 1789 г. (Widok przemocy cz. II, str. 50): «Знай возсоединенный русинъ, навсегда удаленный въ своемъ родномъ краѣ отъ пользованія какими бы то ни было правами, льготами и прерогативами, что напрасно силишься доказать твою вѣрность и покорность, напрасно отдаешься въ неволю въ доказательство твоей преданности уніи, тебѣ никто не повѣритъ, и твоя участь всегда печальна. Полякъ будетъ преслѣдовать тебя

въ убѣжденіи, что ты преданъ Москвѣ—москаль поступитъ также, потому что ты уніатъ».

Въ то время всѣ диссиденты вообще не пользовались спокойствіемъ въ Польшѣ. Августъ II повторяетъ присягу своихъ предшественниковъ относительно исключенія некатоликовъ отъ должностей и урядовъ, и преслѣдованіе диссидентовъ въ Польшѣ не прекращается въ теченіи всего XVIII ст., когда вездѣ въ Европѣ усиливается религіозная терпимость. Уже на сеймѣ гродненскомъ 1718 г. лишенъ доступа въ сеймъ виленскій посолъ Петровскій за то, что былъ диссидентомъ; запрещено диссидентамъ въ городахъ записываться въ члены свободныхъ общинъ; наѣзды и самоуправства становятся такъ-же часты, какъ въ средніе вѣка, въ XII или XIII ст.

Въ періодъ междуцарствія и шведской войны правобережная Украйна переходитъ на время во владѣніе Россіи, но послѣ прутской осады Петръ I принужденъ былъ возвратить ее полякамъ; въ Украйнѣ было объявлено: «всѣхъ жителей селъ и мѣстечекъ перевести въ Малороссію, а землямъ этимъ навсегда оставаться пустыней». Многіе жители уходили добровольно изъ нерасположенія къ шляхтѣ, другіе по принужденію полковниковъ; переселенцы берутъ съ собою все, что можно унести, даже разобранныя хаты и церкви, а села и города сожигаютъ. Итакъ поляки снова дѣлаются единственными собственниками плодородной пустыни, въ которой уже въ третій разъ начинаютъ появляться шайки бѣглецовъ, занятыхъ грабежемъ.

Надъ шляхтой польской, какъ мы уже видѣли неоднократно, тяготѣлъ извѣстный фатализмъ. Чтобы извлекать доходъ изъ поземельной собственности, она должна была заботиться о привлеченіи рабочихъ силъ, чего можно было достигнуть только, предлагая поселенцамъ выгодныя условія на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Такимъ образомъ шляхта сама подготовляетъ противъ себя враждебную силу. По истеченіи льготнаго срока отъ крестьянъ требуютъ панщины,—начинается реакція, которая послѣ упраздненія козаковъ принимаетъ характеръ гайдамачества.

О шляхтѣ того времени исторія дѣлаетъ не слишкомъ благопріятный отзывъ: партіозность, узкій эгоизмъ и отсутствіе всякаго гражданскаго чувства—вотъ ея характерныя черты, но перевѣсъ надъ всѣмъ брало пьянство и продажность; вся дѣятельность шляхты

состоитъ въ пьянствѣ, взаимныхъ раздорахъ и дракахъ и въ продажѣ своихъ голосовъ въ сеймахъ и судахъ. Сеймы становятся бурными собраніями, на которыхъ каждый упрямецъ или подкупленный могъ однимъ словомъ сорвать сеймъ или отмѣнить рѣшеніе цѣлой республики. Поэтому у сосѣднихъ народовъ составилось на основаніи польскихъ сеймовъ мнѣніе, что нѣтъ въ свѣтѣ другой земли, въ которой было-бы больше словъ и меньше дѣла, какъ въ Польшѣ. То-же самое происходило и на областныхъ сеймикахъ, гдѣ путемъ насилія проводили пословъ, и на депутатскихъ сеймикахъ, на которыхъ избирались депутаты для трибуналовъ. Такимъ образомъ сеймы становятся ареною для интригъ магнатовъ и иностранныхъ державъ.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что въ то время, какъ въ Польшѣ всѣ общественныя должности были доступны только лицамъ шляхетскаго сословія, въ Россіи, послѣ реформъ Петра I, посредствомъ государственной службы, открытъ для всѣхъ сословій доступъ къ дворянству; всякій, поступившій на службу, становился дворяниномъ. Между тѣмъ какъ петровскія реформы сѣютъ въ Россіи сѣмена просвѣщенія и культуры, Польша въ то самое время все больше погружается въ средневѣковое невѣжество. Науки почти совершенно падаютъ въ Польшѣ; за исключеніемъ богословія, всѣ остальныя науки остаются въ пренебреженіи, и тотъ, кто ревностнѣе другихъ преслѣдуетъ иновѣрцевъ, признается наиболѣе ученымъ и способнымъ среди духовенства.

Въ 1732 г. издано сеймовое постановленіе, по которому католическая церковь не должна была терпѣть наравнѣ съ собою никакого другаго вѣроисповѣданія. Иновѣрцы—православные и протестанты лишаются права быть избранными въ депутаты на сеймы, трибуналы и специальныя коммисіи; однимъ словомъ они приравниваются въ правахъ къ евреямъ. Духовенству запрещено открыто носить св. дары къ больнымъ, публично хоронить умершихъ и т. д. Наконецъ въ 1718 году подданные православныхъ монастырей въ Литвѣ и Бѣлоруссіи обращаются къ Петру I съ просьбою избавить ихъ церковь отъ преслѣдованій со стороны католиковъ и уніатовъ. Епископъ могилевскій князь Сильвестръ Четвертинскій, повторяетъ ту-же просьбу въ 1720 г. и еще нѣсколько разъ впослѣдствіи. Поэтому дипломатическія ходатайства петербургскаго двора за пра-

вославныхъ въ Польшѣ становятся все чаще и настоятельнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается его вмѣшательство во всѣ польскія государственныя дѣла.

Какъ единичныя личности, такъ и каждая держава обыкновенно желаетъ по возможности расширить свое вліяніе, поэтому слѣдуетъ винить не тѣхъ, кто старается усилить свое вліяніе, а скорѣе тѣхъ, кто подаетъ къ тому поводъ. По мѣрѣ того, какъ ослабѣваетъ государство, сосѣди начинаютъ вмѣшиваться въ его дѣла, такъ какъ само оно не въ состояніи справиться съ внутренними безпорядками, вредно отзывающимися на спокойствіи сосѣднихъ державъ. Между тѣмъ польское правительство не обращаетъ вниманія ни на близость паденія государственнаго организма вслѣдствіе его разложенія, ни на требованія петербургскаго двора, и сеймъ 1733 г. по прежнему издаетъ постановленіе объ исключеніи диссидентовъ не только изъ сената и сейма, но и отъ всевозможныхъ должностей, урядовъ, посольствъ и старостъ; а слѣдующій сеймъ 1736 г., повторяя всѣ эти постановленія, прибавляетъ къ нимъ отказъ принимать пословъ отъ диссидентовъ и запрещеніе имъ искать покровительства у иностранныхъ державъ. Запрещеніе это естественно не могло имѣть силы, такъ какъ не прекратились вызвавшія его причины, напротивъ жалобы и представленія православныхъ привели наконецъ къ тому, что въ 1744 г., передъ собраніемъ гродненскаго сейма, царица Елизавета Петровна поручаетъ своему послу при польскомъ дворѣ Бестужеву хлопотать объ удовлетвореніи православныхъ и о возвращеніи нѣкогда принадлежавшихъ имъ церквей.

То былъ единственный не сорванный сеймъ въ теченіи тридцатилѣтняго царствованія Августа III, на которомъ рѣшеніе всего собранія не было уничтожено крикомъ: «не позволяю».

XVIII.

По смерти Августа III является одинъ только кандидатъ на польскую корону,—такъ низко упало ея значеніе,—и кандидатъ этотъ былъ сынъ умершаго короля, между тѣмъ какъ многіе изъ польскихъ пановъ хотѣли выбрать королемъ природнаго поляка—Пяста, какъ они говорили.

Двое знаменитыхъ людей своего времени, литовскій канцлеръ князь Михаилъ Чарторыйскій и Августъ Чарторыйскій, воевода русскій, задумываютъ пересоздать свое несчастное отечество посредствомъ учрежденія въ немъ наслѣдственной монархіи и понемногу начинаютъ приготовленія къ этому дѣлу, разсчитывая на содѣйствіе петербургскаго двора. Польша упала уже такъ низко, общество перестало вѣрить въ собственныя силы, что безъ посторонняго вмѣшательства нельзя было и думать о какихъ-бы то ни было реформахъ. Поэтому партія Чарторыйскихъ обращается къ императрицѣ Екатеринѣ II съ просьбою о присылкѣ русскихъ войскъ, что и было исполнено. На избирательномъ сеймѣ 1764 г., по представленію петербургскаго двора, избранъ королемъ Понятовскій подъ именемъ Станислава Августа.

Между тѣмъ диссидентскій вопросъ не перестаетъ ослаблять польское государство. Не смотря на утрату восточной Украйны въ XVII ст., польское духовенство стремится всѣми средствами къ обращенію православныхъ жителей западной Украйны въ унію и католичество; средства къ тому употребляются тѣ-же, что и прежде; поэтому жалобы русскаго духовенства не прекращаются. Въ 1765 г. епископъ Конискій говоритъ королю Станиславу Августу въ Варшавѣ: «единственное, въ чемъ насъ упрекаютъ, какъ въ преступленіи, это наша вѣра... Насъ христіанъ угнетаютъ христіане, запираютъ наши церкви, въ которыхъ непрестанно прославляется Христосъ, между тѣмъ какъ еврейскія синагоги, гдѣ Христосъ постоянно оскорбляется, стоятъ открытыми».

Со времени Петра I вліяніе Россіи на польское правительство постоянно усиливается, поэтому православное населеніе Польши начинаетъ все чаще обращаться къ русскому правительству съ жалобами на религіозныя преслѣдованія.

Послѣ коронаціи Станислава Понятовскаго послы петербургскій и берлинскій предъявляютъ сейму требованія своихъ дворовъ, а именно: чтобы всѣ диссиденты въ Польшѣ пользовались свободою вѣроисповѣданія и допускались къ государственной службѣ, и чтобы православные епископы получили право засѣдать въ польскомъ сенатѣ наравнѣ съ католическими бискупами. Король Станиславъ Августъ съ своей стороны находилъ совершенно справедливымъ признаніе за диссидентами, т. е. православными и протестантами, равныхъ

правъ съ католиками. Трудно повѣрить, чтобы такія справедливыя требованія могли быть отвергнуты, тѣмъ болѣе, что письменныя постановленія сеймовъ до 1717 года были по большей части въ пользу диссидентовъ, и каждый король, при вступленіи на тронъ, приносилъ присягу сохранить неприкосновенными права иновѣрцевъ. Однако въ Польшѣ писали одно, а дѣлали другое, и несчастные диссиденты подвергались постояннымъ преслѣдованіямъ, въ особенности со времени Сигизмунда III. Но съ 1717 г. уже перестаютъ и писать въ пользу диссидентовъ и начинаютъ издавать законы, направленные къ ихъ притѣсненію. Сперва запрещаютъ строить новыя церкви и поправлять старыя, вслѣдъ затѣмъ закрываютъ для диссидентовъ доступъ въ сеймъ и наконецъ съ 1733 г. удаляютъ ихъ отъ всѣхъ общественныхъ должностей.

Заступничество иностранныхъ державъ за диссидентовъ вызвало цѣлую бурю въ засѣданіяхъ варшавскаго сейма 1766 г. Краковскій епископъ Каетанъ Солтыкъ вмѣстѣ съ римскимъ нунціемъ Висконти страшно возстаютъ противъ диссидентовъ и требуютъ уничтоженія для нихъ всѣхъ правъ религіозныхъ, политическихъ и гражданскихъ. Направляемый духовенствомъ, сеймъ послѣ нѣкоторыхъ споровъ соглашается на этотъ гибельный шагъ, и въ засѣданіи 24 декабря уничтожены права всѣхъ некатоликовъ.

Потерявъ надежду на свободу совѣсти и всѣ гражданскія права, диссиденты начинаютъ собираться въ вооруженныя конфедераціи, сперва въ Торнѣ и Слуцкѣ, а затѣмъ въ различныхъ мѣстахъ; такихъ конфедерацій было въ то время въ Польшѣ около двухъ сотъ. Предводители ихъ, собравшись въ Радомѣ, избрали князя Радзивилла предводителемъ цѣлаго возстанія. Противъ диссидентовъ вооружается другая часть польскаго общества, т. е. католики. Начинаются волненія и кровопролитныя стычки, а затѣмъ и постороннее вмѣшательство, такъ какъ королю не оставалось ничего больше, какъ просить русскую императрицу о присылкѣ войскъ для водворенія порядка въ Польшѣ. Не смотря на то, Каетанъ Солтыкъ на сеймѣ 1767 г. продолжаетъ возставать какъ противъ самихъ диссидентовъ, такъ и противъ оказывавшихъ имъ покровительство дворовъ петербургскаго и берлинскаго. Примѣру его слѣдуютъ бискупъ куявскій—Залускій, воевода краковскій Вацлавъ Ржевускій и сынъ его Северинъ; этотъ послѣдній, указывая на четырехлѣтнія неуря-

дицы, говоритъ: «стѣны Рѣчи Посполитой еще стоятъ, но сама она уже не существуетъ». Наконецъ русскій посолъ арестовалъ всѣхъ четырехъ за ихъ протесты и отправилъ въ Россію.

Вотъ къ чему привела нетерпимость противъ диссидентовъ. Фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ низко упала Польша, если подобный поступокъ иностраннаго посла общество приняло молчаніемъ; упадокъ моральный долженъ былъ повести за собою и политическое паденіе государства. Послѣ такого энергическаго поступка со стороны Россіи остальные фанатики притихли и 13 февраля 1768 г. сеймъ постановилъ: 1) отмѣнить всѣ законы, изданные противъ диссидентовъ отъ 1717 г., и предоставить имъ свободу отправлять свое богослуженіе, строить церкви, открывать школы, занимать мѣста въ сенатѣ и сеймѣ; 2) предоставить русской императрицѣ право защиты какъ диссидентовъ въ Польшѣ, такъ и самой Польши. Договоръ въ этомъ смыслѣ подписанъ, и послѣ закрытія сейма русское войско вышло изъ предѣловъ Польши; но этимъ дѣло и кончилось.

Если-бы хоть эти условія были исполнены, Польша могла-бы успокоиться, и существованіе ея было-бы обезпечено—на дѣлѣ случилось иначе. Товарищъ Солтыка, бискупъ каменецкій Адамъ Красинскій первый нарушилъ общественное спокойствіе. Переодѣтый проѣхалъ онъ всю Польшу, вселяя повсюду ненависть къ диссидентамъ, къ Россіи и къ самому королю за дарованіе свободы диссидентамъ. Союзникъ Красинскаго староста Іосифъ Пулавскій начинаетъ собирать сторонниковъ и открываетъ въ городѣ Барѣ вооруженную, такъ называемую барскую конфедерацію. Конфедераты огнемъ и мечемъ истребляютъ своихъ согражданъ диссидентовъ, въ особенности-же послѣдователей греко-восточнаго обряда въ то время, какъ евреи пользуются полною свободою вѣроисповѣданія по всей Польшѣ. Начинается страшная религіозная война, рѣзня безъ различія пола и возраста, истребленіе цѣлыми тысячами ближнихъ, почитавшихъ одного и того-же Спасителя; фанатизмъ къ несчастью снова пробуждается къ жизни служителемъ алтаря, католическимъ епископомъ.—Наконецъ война эта вызвала противъ себя такое-же возмездіе.

Въ то время не оставалось больше знатныхъ православныхъ пановъ, которые могли-бы поднять свой голосъ; но, не смотря на

то, нашлись другіе мстители въ лицѣ запорожцевъ и гайдамаковъ. Главнымъ предводителемъ гайдамаковъ является Максимъ Желѣзнякъ. Онъ собираетъ численные отряды изъ недовольныхъ, главнымъ образомъ изъ бѣглыхъ крестьянъ, и проходитъ съ ними изъ конца въ конецъ кіевское воеводство, подымая на своемъ пути села, мѣстечки и панскіе дворы, вырѣзывая шляхту и евреевъ. Самымъ страшнымъ эпизодомъ этого возстанія была такъ называемая уманская рѣзня. Городъ Умань принадлежалъ Потоцкому, который содержалъ здѣсь отрядъ козаковъ для защиты своихъ имѣній. Эти-то козаки подъ начальствомъ сотника Гонты, перешли на сторону Желѣзняка, помогли ему овладѣть городомъ и вырѣзать почти поголовно всѣхъ жителей. Польское правительство, тѣснимое конфедератами, могло противупоставить Желѣзняку только ничтожный отрядъ войска, пока наконецъ Екатерина II не прислала генерала Кречетникова въ помощь полякамъ для усмиренія возстанія. Дѣйствительно движеніе было подавлено, но запорожцы не перестаютъ и въ послѣдствіи дѣлать набѣги на Уманщину. Время это, оставившее весьма глубокій слѣдъ въ народной памяти, извѣстно въ народѣ подъ именемъ Коліивщины.

Между тѣмъ, не смотря на подавленіе народнаго возстанія, безпорядки въ Польшѣ не прекращаются, конфедерація продолжаетъ свое дѣло и паны по прежнему враждуютъ другъ съ другомъ. Наконецъ, не имѣя возможности собственными силами удержать кровопролитіе, король и часть сенаторовъ обращаются къ Екатеринѣ II съ просьбою о присылкѣ войскъ, а бискупъ Красинскій съ своей стороны ищетъ помощи версальскаго двора. Франція дѣйствительно даетъ средства, присылаетъ своихъ офицеровъ и генерала Дюмурье для командованія польскими войсками и склоняетъ Турцію объявить войну Россіи за то, что, преслѣдуя конфедератовъ, русское войско перешло границу и сожгло татарское мѣстечко Балту.

Война окончилась очень выгодно для Россіи—наступилъ первый раздѣлъ Польши, послужившій приманкою заинтересованнымъ сторонамъ къ дальнѣйшимъ раздѣламъ. Теперь узкій націонализмъ польской политики принесъ свои плоды; правда, Украйна исчезла съ горизонта, но вскорѣ, какъ результатъ, послѣдовало паденіе и самаго польскаго государства. Послѣ перваго раздѣла три участвовавшія въ немъ державы гарантируютъ неприкосновенность осталь-

ныхъ польскихъ владѣній подъ условіемъ, что поляки не измѣнять установленнаго порядка, по которому опредѣлялось избраніе короля изъ династіи Пяста и учрежденіе при немъ постояннаго совѣта, удержаніе liberum veto, сохраненіе за диссидентами свободы вѣроисповѣданія съ правомъ поступленія на государственную службу и въ число пословъ на сеймъ.

Впрочемъ такой порядокъ просуществовалъ не долго, онъ былъ нарушенъ насильственнымъ образомъ вслѣдствіе соображеній европейской политики. Какъ турецкая война послужила поводомъ къ первому раздѣлу Польши, такъ великая французская революція становится причиною, вызвавшею второй раздѣлъ. Австрія и Прусія, войдя съ соглашеніе съ Россіею, посылаютъ свои войска противъ французовъ, но потерпѣвъ пораженіе, ищутъ случая вознаградить потерянное. Австрія надѣялась возвратить свои потери посредствомъ присоединенія Баваріи, а Пруссіи не оставалось другаго средства, какъ искать вознагражденія въ Польшѣ; для этого необходимо было не допустить союза Польши съ Россіею, къ которому стремился Станиславъ Августъ. Дѣйствительно Пруссія начинаетъ задабривать поляковъ, предлагая свой союзъ, 40,000 войска въ распоряженіе поляковъ по ихъ требованію, даже объявленіе войны Россіи и приглашая къ низверженію установленнаго въ Польшѣ порядка.

Сеймъ принялъ предложеніе, отказалъ въ пропускѣ черезъ Польшу русскимъ войскамъ, идущимъ въ Турцію, отмѣнилъ постоянный королевскій совѣтъ и рѣшилъ усилить число постояннаго войска до ста тысячъ. Вслѣдъ затѣмъ объявлена конституція 3 мая 1791 года, которой главными статьями были: наслѣдственность престола, уничтоженіе liberum veto, доступъ въ сеймъ посламъ отъ городовъ и т. д. Конституція эта, хотя и имѣла нѣкоторыя, правда весьма незначительныя, хорошія стороны, но на самомъ дѣлѣ охраняла права одной только шляхты; въ ней нѣтъ и рѣчи о свободѣ народа и свободѣ совѣсти, а тѣмъ болѣе ни словомъ не упоминается о равноправности русскихъ, что даетъ поводъ къ дальнѣйшему ихъ ополяченію. Къ сожалѣнію даже такая конституція явилась слишкомъ поздно, чтобы имѣть возможность развиться при неблагопріятныхъ условіяхъ; сто лѣтъ раньше и эти незначительныя уступки были-бы въ состояніи отсрочить упадокъ Польши, но теперь онѣ были уже недостаточны.

Какъ оправданіемъ въ полемикѣ, поляки постоянно прикрываются своею свободою, однако свобода эта распространялась только на два сословія—шляхту и католическое духовенство, при той феодально-государственной фикціи, будто два эти сословія и составляютъ политически польскій народъ; Польша была олигархіею, въ которой только два сословія признавали себя полноправнымъ народомъ и зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы не допустить реформъ, которыя могли-бы измѣнить ихъ отношеніе къ государству. Многіе и до настоящаго времени не перестаютъ восторгаться своею минувшей свободой, равенствомъ, самоуправленіемъ, толеранціею въ Польшѣ, но все это было только въ теоріи, на самомъ-же дѣлѣ видимъ противное. Такъ напримѣръ, аріане или социніане были осуждены на смерть и принуждены разойтись по свѣту.

Такимъ образомъ шляхетская свобода, основанная на самолюбіи, была произволомъ, она искала всѣхъ выгодъ только для себя и ничего не хотѣла оставить ни для общества, ни для государства, угнетала и короля, и крестьянина. Равенство, какъ мы видѣли, было только фразой, прикрывавшею анархическія стремленія богатыхъ пановъ. Въ дѣйствительности мы видимъ вмѣсто автономіи одно разстройство въ судѣ и администраціи, безсиліе въ исполненіи судебныхъ приговоровъ, религіозный фанатизмъ и преслѣдованіе иновѣрцевъ. По истинѣ рѣдкій контрастъ между теоріею и дѣйствительностью. По словамъ Іосифа Шуйскаго (Dzieje Polsk. III, str. 480), «желаніе закрѣпостить козаковъ навлекло на Польшу сильныя бури. Мстительные козацкіе набѣги жестокой рукой достигли гордыхъ головъ польскихъ пановъ, сорвали съ нихъ золото и бархатъ, а блестящія толпы польскаго панства, сіявшія золотомъ на публичныхъ торжествахъ, померкли въ грозныхъ битвахъ. Опасеніе народнаго возстанія мучитъ польское общество, пировавшее нѣкогда такъ вкусно и обильно; дерзкій шведъ разрушалъ костелы и жилища и протягиваетъ жадную руку къ сокровищамъ и драгоцѣнностямъ; вслѣдъ за тѣмъ турокъ покрылъ короля и пановъ покровомъ неволи и позора... Огромныя владѣнія пановъ опустѣли и обезлюдѣли»...

Между тѣмъ шляхта польская упорно отказывалась видѣть, что она только разрушаетъ государство своею невоздержностью по отношенію къ подданнымъ, притѣсненіемъ козаковъ, преслѣдова-

ніемъ народной религіи и ополяченіемъ Руси. Конституція 3 мая 1791 года раздѣлила Польшу на два враждебные лагеря. Русская партія проситъ императрицу Екатерину о присылкѣ войскъ для возвращенія старинной польской свободы. Другая партія обращается за обѣщанною помощью къ Пруссіи, которая на этотъ разъ соглашается объявить войну Россіи въ такомъ только случаѣ, если Польша уступитъ ей Данцигъ и Торнъ. Поляки отказали, тогда пруссаки переходятъ на сторону Россіи, противъ которой вооружили Польшу. Наступилъ второй раздѣлъ Польши, который былъ только прямымъ результатомъ перваго.

(*Окончаніе въ слѣд. книжкѣ*).

ПОЛЬСКО-РУССКІЯ СООТНОШЕНІЯ XVII В.

ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ПРИЗМѢ.

(*По поводу повѣсти Г. Сенькевича «Огнемъ и мечемъ»*).

Извѣстный польскій беллетристъ, г. Генрихъ Сенькевичъ, издалъ въ прошломъ году четырехтомную историческую повѣсть «Огнемъ и мечемъ»[1]), сюжетъ которой заимствованъ изъ исторіи южно-русскаго края. Переплетаясь романическими эпизодами, составляющими принадлежность художественнаго творчества, повѣсть г. Сенькевича представляетъ историческое воспроизведеніе борьбы Хмельницкаго съ поляками съ весны 1648 года до заключенія зборовскаго договора, т. е. до конца августа 1649 года. Авторъ изучилъ описываемую имъ эпоху довольно тщательно; крупныхъ фактическихъ ошибокъ и неточностей онъ избѣжалъ, и съ этой стороны критика обязана отдать ему полную справедливость. Но нѣсколько иначе мы должны отнестись къ той сторонѣ произведенія г. Сенькевича, въ которой онъ старается освѣтить бытовыя черты общества какъ польскаго, такъ и южно-русскаго въ XVII столѣтіи, тѣмъ болѣе, что въ этомъ отношеніи авторъ не ограничивается объективнымъ воспроизведеніемъ прошедшаго, но высказываетъ безпрестанно и свое субъективное мнѣніе—идеализируетъ одни принципы, пори-

---

[1]) Ogniem i mieczem, изданіе 2-е. Варшава. 1884 г. Русскій переводъ этой повѣсти въ «Живописномъ Обозрѣніи» 1884 г. и въ «Русской Мысли» 1885 года.

цаетъ другіе, накладываетъ совершенно произвольно темныя краски на одни лица, стремленія и общественныя группы и непомѣрно нѣжно, а иногда и крайне страстно освѣщаетъ другія. Конечно, мы-бы не придавали особеннаго значенія всему этому, если-бы произведеніе г. Сенькевича представляло лишь обыкновенное беллетристическое произведеніе одной изъ сосѣднихъ литературъ; но повѣсть г. Сенькевича по пріему, оказанному ей въ польскомъ обществѣ и по впечатлѣнію, какое она произвела на это общество, является несомнѣнно выразителемъ современнаго состоянія историческаго самопознанія польской интеллигенціи, послѣднимъ словомъ его патріотическихъ, національныхъ и общественныхъ воззрѣній, тѣмъ болѣе для насъ интересныхъ, что, вслѣдствіе избраннаго сюжета, воззрѣнія эти высказываются по преимуществу на почвѣ отношеній польско-русскихъ въ XVII столѣтіи.

Дѣйствительно ни одно сочиненіе польской литературы въ XIX столѣтіи не пользовалось такимъ сочувствіемъ своей публики и не вызывало столь повсемѣстныхъ и единодушныхъ овацій, какъ повѣсть г. Сенькевича; ни къ одному сочиненію, какъ-бы оно талантливо и художественно ни было написано, польская публика не отнеслась съ такою восторженностью и не признавала въ немъ такого цѣльнаго воплощенія своихъ задушевныхъ убѣжденій. Лишь только появились первыя главы «Огнемъ и мечемъ» въ фельетонѣ варшавской газеты «Слово», онѣ провозглашены были и въ печати и въ общественномъ мнѣніи небывалымъ геніальнымъ произведеніемъ; имена лучшихъ польскихъ поэтовъ: Мицкевича, Красинскаго, Словацкаго, Поля, поблекли при блескѣ новаго свѣтила и скромно отодвинулись на второй планъ. Восторгъ и похвалы, по свойственному польской народности сангвиническому порыву, дошли до гиперболическихъ размѣровъ: профессоръ исторіи польской литературы въ краковскомъ университетѣ, графъ Тарновскій, открылъ рядъ публичныхъ лекцій, посвященныхъ повѣсти г. Сенькевича, въ которыхъ заявилъ, что разбираемое имъ произведеніе превосходитъ художественными достоинствами всѣ произведенія Шекспира, Мильтона, Данте, Тасса, Гёте и др., взятыя вмѣстѣ; публика, слушавшая лектора, покрыла аплодисментами эту гасконаду, и вслѣдъ за тѣмъ, аристократическое краковское общество стало иллюстрировать геніальное произведеніе, изображая въ живыхъ картинахъ болѣе эффект-

ныя сцены повѣсти; мода на живыя картины эпизодовъ романа «Огнемъ и мечемъ» распространилась вскорѣ на другіе города и веси, населенные поляками, и въ теченіи года стала любимою забавою польскаго интеллигентнаго общества; затѣмъ картины эти воспроизводились въ иллюстрированныхъ журналахъ и т. д. Нѣсколько польскихъ газетъ и журналовъ, представляющихъ болѣе трезвое и прогрессивное направленіе въ своей печати: «Атеней», «Край», «Правда», «Еженедѣльное обозрѣніе» (Przegląd Tygodniowy) попытались было отнестись критически къ обаянію, вызванному г. Сенькевичемъ, и удержать мнѣніе своего общества въ болѣе нормальныхъ предѣлахъ; не отрицая таланта г. Сенькевича, они указывали съ одной стороны на то, что чрезмѣрныя похвалы въ глазахъ объективныхъ читателей могутъ послужить лишь сюжетомъ для весьма комическихъ выводовъ, или зародить подозрѣніе въ томъ, что онѣ исходятъ лишь изъ спекулятивной книгопродавческой рекламы; они намекали, правда слегка, на то, что если сближенія съ иностранными литературными произведеніями и умѣстны, то «Огнемъ и мечемъ» гораздо болѣе напоминаетъ «Трехъ мушкетеровъ» Дюма—отца, чѣмъ Шекспира, Гёте или Тасса. Съ другой стороны эти-же органы польской печати указывали, весьма впрочемъ сдержанно и объективно, на то, что публицистическія и историческія убѣжденія, проводимыя г. Сенькевичемъ въ его повѣсти, стремятся къ тому, чтобы воскресить общественные идеалы XVII столѣтія, вредные для народнаго самопознанія уже въ то время, совершенно архаическіе и немыслимые въ настоящемъ, что взглядъ автора на международныя отношенія и несправедливъ и вреденъ для польскаго общества, такъ какъ онъ разжигаетъ международную вражду, которая стала нѣсколько улегаться подъ вліяніемъ современной намъ культуры, что страстность въ этомъ отношеніи противорѣчитъ и чувству человѣческой справедливости и трезвому здравому смыслу, съ преобладаніемъ котораго связаны и насущные интересы польскаго общества и т. д. Мнѣнія эти остались впрочемъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и огромное большинство польскаго интелигентнаго общества оказалось на сторонѣ традиціонныхъ идеаловъ, иллюстрированныхъ г. Сенькевичемъ.

Собравъ разбросанныя въ повѣсти разсужденія, высказываемыя то отъ имени дѣйствующихъ лицъ, то очень часто лично отъ имени

автора, и пополнивъ ихъ картинными изображеніями всѣхъ слоевъ общества, описываемаго въ повѣсти, мы постараемся возстановить вкратцѣ основныя публицистическія положенія автора, которыми онъ и подкупилъ въ свою пользу гораздо больше, чѣмъ художественными достоинствами своего произведенія, безграничную симпатію польской публики, затѣмъ оцѣнимъ степень вѣрности или невѣрности этихъ положеній по отношенію къ исторической истинѣ и укажемъ нѣкоторые пріемы артистическаго творчества автора, исключительно лишь съ точки зрѣнія ихъ правдивости исторической и этнографической.

Историко-философскій взглядъ г. Сенькевича на описываемую имъ эпоху сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: въ половинѣ XVII столѣтія Польша представляла могущественное государство, опиравшееся на многочисленное, вполнѣ сознательное, исполненное энергіи и гражданскихъ доблестей шляхетское сословіе; сословное преобладаніе шляхты въ государствѣ было признакомъ высшей культуры, на уровнѣ которой стояла тогда Польша. Государство это преслѣдовало великую культурную миссію; оно призвано было цивилизовать, т. е. претворить по своему образцу обширныя русскія области, входившія въ предѣлы Рѣчи-Посполитой. Миссію эту оно исполняло весьма энергично и цѣлесообразно, но наткнулось на неожиданное препятствіе—на врожденную дикость и непригодность къ культурѣ русскаго племени, которое неспособно было по природѣ усвоить себѣ какую-бы то ни было гражданственность и цивилизацію; всѣ попытки поляковъ къ насажденію культурныхъ идей разжигали въ русскомъ населеніи лишь ненависть и дикіе необузданные порывы, проявленія того непонятнаго для поляковъ настроенія, которое шляхтичи XVII столѣтія называли весьма мѣтко «хлопскою innata malitia». Въ борьбѣ съ этою врожденною дикостью польская шляхта напрасно истощала свои доблестныя геройскія качества, она не могла осилить враждебной стихійной силы. Впрочемъ нѣкоторыя ошибки замѣчаются и въ дѣйствіяхъ польскаго государства; важнѣйшая изъ нихъ состоитъ въ томъ, что въ средѣ правящихъ польскихъ классовъ существовала вліятельная партія, которая относилась слишкомъ гуманно къ враждебному элементу, предлагала дѣлать русскимъ нѣкоторыя уступки, заставляла воздерживаться отъ слишкомъ крутыхъ мѣръ, даже намекала по временамъ на

какія-то частныя злоупотребленія, будто-бы подававшія поводъ къ козацкимъ возстаніямъ. Эта партія ослабила энергическія мѣры, которыя стремились осуществить лучшіе представители тогдашней Польши, считавшіе необходимымъ потопить козацкій бунтъ въ цѣломъ морѣ крови, хотя-бы пришлось для этого истребить поголовно все русское народонаселеніе края. По мнѣнію г. Сенькевича, достоинство польскаго государства требовало не только казнить смертью всѣхъ участниковъ возстанія, но и примѣнять къ нимъ всевозможныя жестокости, пока они не смирятся и не станутъ такимъ образомъ достойными вкусить плодовъ шляхетской культуры, которая послѣ расправы готова была облагодѣтельствовать строптивыхъ, но покаявшихся, ополяченіемъ, іезуитскою школою и прежде всего панщиною. Козаки, какъ представители русскаго населенія, не только не умѣли понять этихъ высшихъ культурныхъ стремленій шляхетства, но, благодаря своей дикости и врожденной злости, усумнились въ пригодности для своего народа того государства, которое навязывало имъ свои общественныя, не совсѣмъ выгодныя бытовыя формы, и дерзнули послѣ долгихъ безплодныхъ просьбъ и заявленій прибѣгнуть къ бунту; конечно, какъ бунтовщики, они обрекли себя на казнь и истребленіе, которое, къ несчастью, поляки не съумѣли примѣнить съ нужною энергіею и тѣмъ нанесли чувствительный ударъ своему государству. Полагаемъ, что это изложеніе мнѣній г. Сенькевича нисколько нами не утрировано, и постараемся оправдать нашу резюмировку при подробномъ разсмотрѣніи отдѣльныхъ положеній автора.

Въ положеніяхъ г. Сенькевича есть, конечно, и нѣкоторая доля справедливости и нѣкоторые признаки развившагося въ польскомъ обществѣ въ послѣднее время прогресса, только мы полагаемъ, что такого рода положенія высказаны слишкомъ страстно и доведены вслѣдствіе этого до абсурда. Такимъ положеніемъ мы считаемъ особое благоговѣніе, высказанное г. Сенькевичемъ передъ государственной идеею. Конечно государство представляетъ одну изъ высшихъ формъ человѣческаго общежитія, и идея государства тѣмъ дороже для всякаго развитаго человѣка, чѣмъ болѣе сознательно онъ къ ней относится; мы привыкли въ современныхъ намъ европейскихъ государствахъ видѣть учрежденія, гарантирующія и матеріальную безопасность и благосостояніе обществъ и удовлетвореніе

ихъ высшихъ нравственныхъ потребностей: свободу совѣсти, возможность умственнаго развитія и т. д. Мы привыкли смотрѣть на государственную власть, какъ на выраженіе возможной въ данномъ обществѣ суммы справедливости и безпристрастія по отношенію ко всѣмъ своимъ подданнымъ, безъ различія ихъ сословной группировки, національнаго типа, личнаго положенія въ обществѣ, и потому считаемъ идею государства равно дорогою для всѣхъ лицъ, входящихъ въ составъ его. Г. Сенькевичъ смотритъ на дѣло нѣсколько иначе. По его мнѣнію, Польша XVII столѣтія представляла образцовое государство потому именно, что отрицала лучшія стороны государственной дѣятельности, потому, что не признавала равноправности своихъ гражданъ и преслѣдовала свою «миссію», невозможную по антропологическимъ законамъ природы—претвореніе одного народнаго типа въ другой и несправедливую въ общественномъ отношеніи—абсолютное подчиненіе всего народа привилегированному классу. Наткнувшись на сопротивленіе національное и сословное, польское государство не обязано было, по мнѣнію г. Сенькевича, сознать и исправить ошибочное направленіе своей внутренней политики, напротивъ того, идея государства требовала отъ него другого образа дѣйствія, который онъ слишкомъ, можетъ быть, краснорѣчиво высказываетъ, возстановляя мысли, слова и дѣянія самаго, по его мнѣнію, даровитаго государственнаго человѣка того времени, князя Іереміи Вишневецкаго: князь Вишневецкій сознавалъ обязанность «наказывать безъ мѣры и милосердія», онъ полагалъ, что «достоинство Рѣчи-Посполитой» возлагаетъ на него обязанность истреблять козаковъ и хлоповъ «безъ остатка» («co do nogi»—излюбленное выраженіе автора), сажать на колъ и рубить головы посламъ козацкимъ; онъ даетъ клятву въ томъ, «что потопитъ въ крови хлопскіе бунты»; размышляя въ рѣшительную минуту о предстоящей ему роли руководителя государственныхъ стремленій Польши, онъ такимъ образомъ очерчиваетъ свою дѣятельность: «растоптать Запорожье, пролить океанъ крови, сломить, уничтожить, раздавить, а потомъ только отмѣнить злоупотребленія», «пожрать бунтъ и вскормиться его тѣломъ»—ему грезится поле, на которомъ распростерты «сотни тысячъ труповъ» и т. д. Читая всѣ эти страстные каннибальскіе возгласы, невольно образованный читатель нашего времени приходитъ въ недоумѣніе, какимъ образомъ въ

головѣ писателя XIX вѣка зародились эти кровавые порывы, болѣе приличные клевретамъ Нерона или сподвижникамъ Чингизхана, чѣмъ мыслителю или художнику нашего времени; между тѣмъ всѣ эти кровавыя пожеланія являются въ повѣсти не результатомъ объективнаго воспроизведенія настроенія эпохи, но продуктомъ политическихъ воззрѣній самаго автора. Князь Вишневецкій изображенъ идеаломъ государственной мудрости, гражданскихъ добродѣтелей и поборникомъ правды и справедливости; авторъ до того увлекается своимъ героемъ, что доходитъ въ отзывахъ о немъ до кощунства; такъ всякій неуважительный отзывъ о Вишневецкомъ г. Сенькевичъ называетъ «богохульствомъ» (sic! «bluznierstwo», т. II, стр. 231; т. III, стр. 132), онъ одаряетъ князя какою-то сверхъестественною силою, дарованною ему свыше, вслѣдствіе которой цѣлыя тысячи козаковъ, населенія цѣлыхъ округовъ бѣгутъ, объятыя паническимъ страхомъ, при одномъ имени «Яремы». Во время приступа козаковъ къ Збаражу на валахъ крѣпости появляется среди знаменъ и факеловъ князь Вишневецкій и козаки дрожатъ и выпускаютъ оружіе при его видѣ; можетъ быть ошибаемся, но намъ кажется, что краски для этой эфектвой картины заимствованы г. Сенькевичемъ изъ VI книги потеряннаго рая Мильтона... Вотъ до какихъ геркулесовыхъ столбовъ договаривается авторъ, исходя отъ мысли совершенно вѣрной—уваженія къ государству и установленному порядку. Утрировку въ развитіи этой мысли и неточное пониманіе авторомъ и сочувствующимъ его произведенію обществомъ значенія государственной идеи мы можемъ себѣ объяснить только однимъ мотивомъ, свидѣтельствующимъ впрочемъ о поворотѣ къ лучшему убѣжденій польской интелигенціи. Польское общество съ конца XVIII столѣтія постоянно протестовало противъ тѣхъ государственныхъ организмовъ, среди которыхъ оно размѣщено было историческою судьбою, протестовало оно упорно и мыслью, и словомъ, и 4 или 5 разъ въ теченіи столѣтія дѣломъ; наконецъ, оно убѣдилось вѣроятно въ неосновательности и незаконности своихъ протестовъ, въ убѣжденіи произошелъ крутой поворотъ и ненавистная до того времени мысль о святости государственныхъ учрежденій и о преступности всякаго бунта заняла почетное мѣсто въ кругу общественныхъ принциповъ польскаго общества и высказалась въ слишкомъ, можетъ быть, рѣзкихъ и необдуманныхъ чертахъ подъ

перомъ излюбленнаго беллетриста. Что-жъ, и слава Богу, только на первыхъ порахъ неофиты зашли слишкомъ далеко и попали въ другую крайность—прійдется лишь сказать «trop de zèle».

Но если въ развитіи государственной мысли у автора «Огнемъ и мечемъ» мы готовы признать, при всей утрировкѣ въ частностяхъ, вѣрную исходную точку, то другое основное положеніе автора,—что Польша въ XVII вѣкѣ была символомъ цивилизаціи, а Русь представителемъ дикости—кажется намъ совершенно ложною и въ основаніяхъ и въ развитіи. Конечно обѣ народности, укладывались въ силу и естественныхъ этнографическихъ особенностей, и историческаго воспитанія въ разные типы культуры, весьма часто не сходные другъ съ другомъ или даже противуположные; можетъ быть въ данный историческій моментъ доля цивилизаціи была нѣсколько больше на одной сторонѣ, чѣмъ на другой, но все это не даетъ права утверждать, что борьба, вспыхнувшая въ XVII столѣтіи, характеризируется исключительно культуртрегерствомъ съ одной стороны и абсолютною дикостью съ другой. Здѣсь не мѣсто излагать исторію параллельнаго развитія культуръ русской и польской—это задача обширныхъ историческихъ трудовъ и изслѣдованій. Мы остановимся лишь на моментѣ, изображенномъ г. Сенькевичемъ и подвергнемъ краткому анализу приводимыя имъ самимъ данныя.

Если-бы г. Сенькевичъ прилагалъ одну и туже мѣрку къ описываемымъ имъ событіямъ и лицамъ, то, даже по весьма пристрастно сгруппированнымъ имъ-же самимъ фактамъ, онъ убѣдился бы, что ни особенной дикости съ одной стороны, ни особой гражданственности и цивилизаціи съ другой въ фактахъ этихъ не замѣтно; ёще труднѣе замѣтить ихъ, если устранить всѣ произвольныя характеристики и субъективныя разсужденія, исходящія не изъ фактовъ, а исключительно изъ личнаго взгляда автора и провѣрить передаваемыя имъ событія свидѣтельствомъ современныхъ источниковъ. Увлекаемый побужденіями художественнаго творчества, г. Сенькевичъ не замѣтилъ противурѣчія, существующаго между его положеніями и имъ-же описываемыми сценами, но за то широко воспользовался своимъ правомъ артиста для того, чтобы эпитетами, голословными утвержденіями, апріористическими сужденіями наложить тѣни и пролить свѣтъ въ желательномъ для него, хотя исторически невѣрномъ смыслѣ. Разъ задавшись мыслью, что южно-рус-

скіе козаки и хлопы дикари, онъ при каждомъ случаѣ поддерживаетъ это мнѣніе всевозможными стилистическими пріемами, иногда даже выходящими за границы литературнаго приличія. Козаки въ его произведеніи не говорятъ, не возражаютъ, не кричатъ, не поютъ, но всегда верещатъ, ревутъ, рычатъ и воютъ. Лишь только дѣло идетъ о недворянскомъ населеніи Украйны, оно всегда упоминается съ эпитетами: «хлопство дикое и разнузданное», «народъ дикій, разбойничій», «разбойничья сволочь», «народъ дикій по природѣ», «народъ дикій, стремящійся къ дикой свободѣ», «дичь сорвавшаяся съ цѣпи», «чернь жаждущая крови и убійства»; если въ описаніи сраженія ему нужно сказать, что шляхтичъ нанесъ ударъ козаку, то онъ выражается такъ: «треснулъ ватажка саблею въ морду» (II, 181) и т. д. Такихъ стилистическихъ цвѣтковъ можно набрать въ повѣсти цѣлые ворохи, но мы ограничимся немногими приведенными примѣрами для того, чтобы указать, какими пріемами авторъ пользуется для того, чтобы подготовить читателя къ воспріятію своей мысли о дикости народа; затѣмъ уже слѣдуютъ картины и разсужденія, развивающія эту мысль.

Конечно, козаки и хлопы по мнѣнію г. Сенькевича лишены всякаго инстинкта гражданственности и тѣни всякаго общественнаго убѣжденія, они стремятся лишь къ «дикой свободѣ и безсознательно разрушаютъ плоды вѣковаго труда шляхтичей»(I, 132); «дикій народъ, преобразованный шляхтичами изъ разбойниковъ въ земледѣльцевъ, тяготился существованіемъ права, строгостью управленія и существованіемъ порядка» (II, 88), вслѣдствіе этого онъ мечталъ о такомъ ненормальномъ строѣ, при которомъ «вся земля принадлежала-бы не князьямъ и панамъ, а свободнымъ земледѣльцамъ козакамъ» (II, 77). Религіозныя побужденія въ козацкихъ возстаніяхъ отсутствовали, Хмельницкій только искуственно прикрылъ инстинкты разбойническіе мнимымъ заступничествомъ за вѣру и постарался разжечь религіозный фанатизмъ (II, 268), до того-же времени запорожцы грабили православныя церкви и награбленными церковными предметами торговали на базарѣ въ Сѣчи; «все то, что разсказываютъ о религіозномъ настроеніи запорожцевъ—выдумка» (I 169). Запорожцы—это сбродъ людей, «покрытыхъ лохмотьями, полунагихъ, полудикихъ, окоптѣлыхъ дымомъ, черныхъ, вымазанныхъ грязью и кровью, сочившеюся изъ язвъ и т. д.» (ibid).

Въ Сѣчи, собираясь на раду, они выкачивали бочки водки и совѣщались кое какъ только потому, что асаулы водворяли нѣкоторый порядокъ палочными ударами, весьма щедро расточаемыми, и пистолетными выстрѣлами; они заподозрѣнныхъ товарищей предавали казни на радѣ, терзая ихъ тутъ-же на части, и т. д. (I, 170, 180).

Конечно, изъ приведенныхъ цитатъ легко убѣдиться не только въ тенденціозности г. Сенькевича, но и въ умышленномъ извращеніи имъ общественныхъ историческихъ фактовъ. По его мнѣнію, народонаселеніе Украйны до появленія шляхты занималось исключительно разбоемъ и не помышляло о земледѣліи, хотя и желало, чтобы земля принадлежала земледѣльцамъ. Помимо яснаго противурѣчія въ самомъ положеніи, оно составляетъ очевидную историческую неправду. Всѣ историческія свидѣтельства со временъ Геродота и до конца XVI столѣтія, когда шляхта польская появилась въ южной Руси, указываютъ на занятіе земледѣліемъ, какъ на главный промыселъ жителей этого края. Вспомнимъ, напримѣръ, земледѣльческія орудія и зерна хлѣба, находимыя въ курганахъ языческой эпохи въ землѣ сѣверянъ или древлянъ; вспомнимъ характеристику смерда и его занятій, записанную лѣтописью со словъ Владиміра Мономаха подъ 1103 годомъ, вспомнимъ цѣлые округи, которые обязались давать монголамъ дань пшеницею въ XIII столѣтіи, транспорты хлѣба, которыми южно-русскій край снабжалъ Константинополь въ XV столѣтіи при посредствѣ хаджибейской гавани (нынѣшняя Одесса), многочисленныя данныя о земледѣліи, занесенныя въ люстраціи украинныхъ замковъ въ половинѣ XVI столѣтія, т. е. до люблинской уніи, и убѣдимся, что разговоры г. Сенькевича объ отсутствіи земледѣлія и разбойническомъ бытѣ народонаселенія не болѣе, какъ его тенденціозная выдумка. Отсутствіе религіознаго побужденія въ козацкихъ возстаніяхъ до Хмельницкаго такая-же историческая фальшь; можно-бы процитировать до 20 документовъ: прошеній, подававшихся козаками въ сеймы и королямъ, проектовъ договорныхъ условій и т. п., въ которыхъ «войско запорожское», предъявляя свои желанія, на первомъ мѣстѣ предлагаетъ статьи о свободѣ православной церкви и вѣротерпимости. Довольно, полагаемъ, указать на то, что Запорожье выдвинуло за 30 лѣтъ до Хмельницкаго Сагайдачнаго, который возстановленіемъ православной іерархіи на долго устранилъ враждебный для народонаселенія напоръ уніатской

интриги,—для того чтобы убѣдиться, что религіозные мотивы глубоко проникли въ сознаніе низоваго братства и вовсе не принадлежатъ къ области «выдумок».—Мы не знаемъ, откуда заимствовалъ авторъ черты непривлекательной наружности запорожцевъ, но убѣждены, что рады не происходили въ видѣ пьяныхъ оргій и что на нихъ никого не терзали на части и т. п. Подобныхъ подробностей нѣтъ у авторовъ, цитируемыхъ г. Сенькевичемъ (Лясоты, Боплана) и онѣ конечно составляютъ принадлежность его собственной фантазіи, настроенной на слишкомъ тенденціозный ладъ.

Не лучше Запорожья у г. Сенькевича изображено и остальное народонаселеніе Украйны. Авторъ пытается описать составъ этого населенія и мы не знаемъ, чему болѣе удивляться въ его попыткѣ: его тенденціозности или незнанію. Вотъ по его словамъ группы, на которыя распадался малороссійскій народъ въ XVII столѣтіи: чумаки, степные и лѣсные пасѣчники, воскобои, смоляры, конюхи, хуторники, охотники, сиромахи, рыбаки, чабаны и просто хлопы (I, 32, IV, 14).—По мнѣнію автора, перечисленныя категоріи возникли не только вслѣдствіе занятія извѣстными промыслами, это какія-то касты и даже какъ-бы отдѣльныя племена, изъ которыхъ каждое отличается оригинальными чертами дикости. Соберемъ напримѣръ черты, которыми авторъ характеризуетъ чабановъ, почему то особенно ему ненавистныхъ. «Чабаны, это пастухи, проводящіе всю жизнь въ степи и пустыняхъ; они совершенно дики и не исповѣдуютъ никакой религіи; они вмѣсто пѣсни издаютъ мрачный вой; примкнувъ къ возстанію Хмельницкаго, они не умѣли даже отличить козацкой старшины и признавали власть лишь за тѣмъ, кто ихъ билъ или убивалъ; они конечно не имѣли никакого понятія о международномъ правѣ (sic), но за то сгарали жаждою крови и грабежа; это дикое племя встрѣчалось въ лѣсахъ около Чернигова, но по преимуществу обитало на территоріи полтавскаго полка; послѣднее обстоятельство явствуетъ изъ того, что дикій полтавскій полковникъ Пушкаренко предводительствовалъ исключительно чабанами» (I, 32, 36; II, 132, 155; III, 222; IV, 15). Читая эту белиберду, недоумѣваешь, заимствована-ли она авторомъ изъ записокъ какого-нибудь легкомысленнаго путешественника по Австраліи или центральной Африкѣ, или нарочито, хотя не особенно остроумно сочинена самымъ беллетристомъ. Если уже чабаны особенно за-

интересовали г. Сенькевича, то ему не мѣшало-бы справиться о значенiи этого слова—онъ нашелъ-бы весьма обстоятельныя данныя въ описанiи херсонской губернiи Шмидта, въ очеркѣ южно-русскихъ артелей Щербины и т. п.; изъ справокъ этихъ онъ узналъ-бы, что чабаны вовсе не особенное дикое племя, а тѣ-же южно-русскiе крестьяне, составляющiе артели для занятiя овцеводствомъ; онъ убѣдился-бы, что артели эти состоятъ вовсе не изъ дикарей, а изъ людей успѣвшихъ выработать весьма правильную форму рабочаго товарищества, съ выборнымъ атаманомъ, съ точнымъ разпредѣленiемъ разныхъ отраслей труда между членами артели, съ правильнымъ, впередъ условленнымъ, распредѣленiемъ прибылей и т. п.; Не менѣе чабановъ достается въ повѣсти г. Сенькевича и рыболовамъ: «это люди дикiе, нравы ихъ грубы, они пребываютъ въ камышахъ на берегу Днѣстра» и т. д.; еще оригинальнѣе характеристика «сиромахъ»: въ одномъ мѣстѣ повѣсти слово это означаетъ волка, въ другомъ категорiю народонаселенiя, которая опредѣляется слѣдующимъ образомъ: «сиромахи—это Богъ вѣсть какiе люди, бродяги, пришедшiе изъ конца свѣта» (sic) (I, 32). Полагаю, что достаточно приведенныхъ примѣровъ для того, чтобы дать понятiе о прiемахъ исторической этнографiи г. Сенькевича.

Но, не ограничиваясь характеристикою отдѣльныхъ группъ, авторъ утверждаетъ, что и все народонаселенiе Украйны носило тѣ-же черты непреодолимой, врожденной дикости, которою отличалось отъ другихъ народовъ, даже такихъ, которые стояли на одномъ съ нимъ уровнѣ просвѣщенiя и въ одинаковыхъ общественныхъ условiяхъ. Приведемъ для примѣра параллель крестьянъ польскихъ и южно-русскихъ словами самаго г. Сенькевича: «Дикiй по природѣ народъ шелъ охотно къ Хмельницкому; въ то время, когда хлопъ въ Мазовiи и великой Польшѣ безъ ропота несъ бремя гнета, тяготѣвшее во всей Европѣ надъ потомками Хама [1]), украинецъ

[1]) Относительно положенiя «потомковъ Хама» во всей Европѣ въ XVII ст. г. Сенькевичъ повторяетъ легкомысленно общее излюбленное мѣсто польскихъ публицистовъ, которые стараются тяжелое положенiе крѣпостныхъ людей въ Польшѣ объяснить такъ называемымъ «духомъ времени», т. е. указанiемъ на то обстоятельство, будто во всей Европѣ въ то время крѣпостные находились въ столь-же тяжеломъ положенiи, какъ и въ польскомъ государствѣ. Мы не знаемъ, на чемъ основано это голословное утвержденiе польскихъ публицистовъ; но если обратимся

вмѣстѣ съ воздухомъ степей вдыхалъ любовь къ свободѣ, столь-же безграничной и дикой, какъ самая степь... конечно онъ предпочиталъ буянить и рѣзать пановъ вмѣстѣ съ Хмельницкимъ, нежели сгибать гордую спину подъ ударами подстаросты» (III, 237). Этотъ дикій инстинктъ украинцевъ, заставлявшій ихъ не любить нагайки подстаросты, былъ настолько свойственнымъ ихъ дикой природѣ, что все народонаселеніе увлеклось имъ; «всѣ ушли къ Хмельницкому, даже женщины; остались въ селахъ однѣ старухи и дѣти» (IV, 14); въ началѣ возстанія вообще хлопы, изъ страха передъ Вишневецкимъ, колебались, но болѣе вредныя личности—«гультяи и резуны» дали починъ и увлекли остальныхъ. Поднявшись, хлопы стали жечь всѣ города и села, хлѣбъ, лѣса и сады, стали грабить и убивать всѣхъ, сами-же кормились древесною корою и т. п. (I, 242; II, 166, 172, 266; III, 201, 238).—Картины эти, къ которымъ г. Сенькевичъ возвращается безпрестанно въ своей повѣсти, совершенно не понятны: всѣ крестьяне возстали и ушли къ Хмельницкому, села

къ любой исторія крестьянскаго сословія въ Европѣ, то не найдемъ подтверждающихъ это утвержденіе историческихъ фактовъ. Вотъ въ доказательство нѣсколько ссылокъ, заимствованныхъ нами изъ сочиненія Зугенгейма (Sugenheim — Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa — 1861).

Въ Англіи многочисленное сословіе мелкихъ собственниковъ земледѣльцевъ (liberi homines) существуетъ уже въ XI столѣтіи; другая еще болѣе численная група (Ceorls) даетъ только чиншъ дворянамъ, но лично свободна; въ XIII в. Генрихъ III замѣняетъ повсемѣстно панщину взносомъ десятины или оброка. Въ XIV столѣтіи при Эдуардѣ III крѣпостныхъ въ Англіи нѣтъ уже вовсе и все земледѣльческое населеніе состоитъ изъ свободныхъ работниковъ (стр. 273, 274, 289, 291).

Во Франціи правительство постоянно стремится къ облегченію крѣпостныхъ и доставляетъ имъ цѣлый рядъ гарантій отъ насилія дворянъ. Въ 1407 году Карлъ VI уничтожаетъ подати, произвольно налагавшіяся дворянами (droit de prise). Въ 1479 г. Людовикъ XI отмѣняетъ повинность «сторожи». Въ XV—XVII ст. короли поручаютъ парламентамъ заботу о защитѣ крестьянъ и назначаютъ спеціальныя коммиссіи для преслѣдованія помѣщичьихъ злоупотребленій (Grands jours d'Auvergne). Коммисіи эти ведутъ дѣло очень энергично и издаютъ въ одну сессію 53 смертныхъ приговора на дворянъ за злоупотребленіе ими помѣщичьей власти (стр. 116, 140—141, 145).

Въ Италіи, по почину Флоренціи и другихъ городскихъ республикъ, отмѣна крѣпостнаго права началась еще съ XII столѣтія и вскорѣ охватила всю Италію (стр. 188—191).

запустѣли: не знаемъ, кого-же возставшіе убивали и грабили, не понимаемъ, зачѣмъ они жгли села и города, то есть свои собственныя жилища, почему они истребляли хлѣбъ, для того, чтобы питаться древесною корою. Словомъ, что ни слово, то необъяснимая загадка, можетъ быть нужная автору для эффектныхъ картинъ, но вполнѣ затемняющая ихъ смыслъ. Такъ, напримѣръ, со словъ г. Сенькевича не возможно понять, кто и зачѣмъ сжегъ Корсунъ въ то время, когда происходила въ окрестности этого города извѣстная битва Хмельницкаго съ поляками; по его мнѣнію не всѣ хлопы ушли въ битву, часть ихъ осталась въ Корсунѣ для того, чтобы разрушить этотъ городъ, уже занятый козаками. Мы-бы и не догадались, съ какою цѣлью совершено было это разореніе, еслибы не знали изъ современныхъ источниковъ, что Корсунъ, равно какъ и Черкассы, Стеблевъ и окрестныя села, были сожжены вовсе не чернью и не хлопами, а отступавшимъ польскимъ войскомъ, по приказанію гетмана Потоцкаго (Ерличъ, 64) [1]). Такимъ образомъ г. Сенькевичъ переноситъ обвиненіе въ разореніи края съ больной головы на здоровую и приводитъ, какъ доказательство неукратимой дикости хлоповъ, фактъ совершенный тѣми, кто по его мнѣнію былъ представителемъ культуры.

Убѣдивши достодолжно читателя въ дикости русскаго народа, г. Сенькевичъ съ увлеченіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, рисуетъ

Въ Германіи въ XV столѣтіи большинство крестьянъ составляло классъ чиншевиковъ или наслѣдственныхъ, свободныхъ лично арендаторовъ, въ Голландіи-же и Бельгіи въ XV столѣтіи не оставалось никакого слѣда крѣпостнаго права (стр. 351—358, 539).

Въ Швеціи рабство было отмѣнено декретомъ короля Магнуса Эриксона въ 1335 году; въ Норвегіи всякіе слѣды крѣпостнаго права исчезли въ XIII и XIV столѣтіяхъ (стр. 502, 539) и т. д.

Подобныхъ фактовъ можно-бы набрать десятки изъ исторіи крѣпостнаго права въ Европѣ; возможно-ли послѣ этого говорить, что гнетъ, тяготѣвшій надъ «потомками Хама» въ Польшѣ XVII столѣтія былъ результатомъ духа времени, господствовавшаго во всей Европѣ и что отвращеніе народонаселенія къ крѣпостному праву, введенному въ южной Руси польскими порядками послѣ люблинской уніи (1569), было лишь результатомъ его дикости и отсутствія европейской культуры?

[1]) Въ польскомъ дневникѣ современника читаемъ: «24 мая гетманъ выдалъ Корсунь на разграбленіе жолнерамъ, дабы городъ этотъ не достался врагамъ; онъ былъ совершенно уничтоженъ и разграбленъ». Jakób Michałowski. Xięga Pamiętnicza, стр. 21.

картины тѣхъ жестокостей, какія совершали возставшіе хлопы; весь запасъ своей богатой фантазіи беллетристъ истощаетъ для того, чтобы создать отвратительнѣйшія сцены. Всѣ, дѣйствительно бывшіе факты крутой расправы среди ожесточенной борьбы, всѣ ужасные слухи, созданные паникою и озлобленіемъ побѣжденныхъ шляхтичей, служатъ только канвою, на которой авторъ выводитъ узоры собственнаго измышленія, заимствуя краски изъ описанія варварскихъ поступковъ всѣхъ временъ и народовъ. По его словамъ, козаки, подобно монгольскимъ завоевателямъ, укладывали пирамиды изъ отсѣченныхъ головъ, подобно Нерону зажигали живыхъ людей вмѣсто факеловъ, подобно ацтекамъ таскали внутренности убитыхъ жертвъ и т. п. Для того, чтобы сличить картины дикой жестокости, изображенныя г. Сенькевичемъ, съ дѣйствительными историческими фактами, возьмемъ для примѣра любой конкретный фактъ. Вотъ, напримѣръ, извѣстія современныхъ источниковъ о смерти Барабаша: комендантъ кудацкой крѣпости, Гродзицкій, сообщалъ въ рапортѣ гетману Потоцкому слѣдующее: замѣтивъ возмущеніе реестровыхъ, «асаулъ... схватилъ было ружье, но его тотчасъ стали бить кистенями, арестовали вмѣстѣ съ другими старшинами и того же дня, по приговору рады, всѣхъ казнили» (Памятники кіевской коммисіи, I, III, 24). Другой полякъ современникъ сообщаетъ: «козаки реестровые... перешли къ Хмельницкому, умертвивъ своихъ полковниковъ: Ильяша и Барабаша, отличавшихся вѣрностью къ Рѣчи Посполитой» (Michałowski. Xięga pamiętnicza, 33). Пользуясь этими данными, г. Сенькевичъ изображаетъ слѣдующую картину: «Барабашъ предпочелъ погибнуть, чѣмъ измѣнить своему знамени... онъ отвѣтилъ выстрѣлами на предложеніе сдаться... съ булавою въ рукахъ, съ развивающимися сѣдыми волосами онъ давалъ приказанія громовымъ голосомъ, исполненнымъ юношеской силы. Судно его окружили со всѣхъ сторонъ... вскорѣ вѣрные его козаки, исколотые, изрубленные или *изорванные руками на части* легли на палубѣ; но старикъ продолжалъ защищаться съ саблею въ рукахъ... къ несчастью онъ поскользнулся въ крови и упалъ... тотчасъ многія лезвія пронзили его... лежавшій трупъ продолжали рубить, *разсѣкли на части, отрѣзанную голову бросали отъ одного байдака къ другому, играясь ею, какъ мячемъ,* пока наконецъ она случайно не попала въ воду».

(I. 218—219). Подобные параллели можно бы привести во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ авторъ желаетъ картинно изобразить варварство и жестокость козаковъ; конечно, употребляя такіе пріемы, можно въ любомъ военномъ столкновеніи преобразить одну сторону въ доблестныхъ рыцарей, другую въ канибаловъ, лишь только авторъ пожелаетъ пожертвовать исторической истиною для предвзятой мысли.

Кромѣ жестокости, наклонности къ грабежу и разбою дикость козаковъ проявлялась, по мнѣнію г. Сенькевича, повальнымъ пристрастіемъ къ пьянству. Сюжетъ этотъ, излюбленный публицистами извѣстнаго пошиба, г. Сенькевичъ эксплоатировалъ съ излишнимъ рвеніемъ. Взявъ въ основаніе картину Боплана, расказывающаго о томъ, какъ помѣщики южной Руси спаивали крестьянъ въ XVII столѣтіи, онъ перенесъ ее въ Сѣчь, украсилъ плодами собственный фантазіи и возвращается къ ней много разъ въ теченіи повѣсти. По его словамъ, весь народъ пьетъ поголовно «въ смерть» (I, 115); всякое готовившееся среди народа волненіе старосты и паны предугадывали потому, что за долго до него все населеніе оставляло обычныя занятія и пьянствовало въ шинкахъ безъ просыпу. Начальство строго воспрещало козакамъ пьянствовать во время похода и наказывало этотъ порокъ смертью, утверждаетъ въ одномъ мѣстѣ повѣсти г. Сенькевичъ (I, 169); но потомъ, забывъ о сказанномъ, разсказываетъ, какъ Богунъ спаиваетъ козаковъ, собираясь въ опасный походъ (III, 62) и какъ козаки идутъ храбро на приступъ потому только, что ихъ напоили водкою (IV, 95). Пьянство это, замѣчаетъ не безъ повода г. Сенькевичъ, было особенно отвратительно потому, что козаки употребляли водку не очищенную, издававшую кислый запахъ (I, 169).

Вотъ черты, которыя г. Сенькевичъ замѣтилъ и изобразилъ въ бытѣ южнорусскаго народа. Перейдемъ теперь къ обратной сторонѣ медали и соберемъ тѣ черты, которыми авторъ обрисовалъ польское дворянство, представлявшее, по его мнѣнію, антитезу русской дикости: дворяне принесли съ собою и старались упрочить въ южной Руси гражданственность; правда, они начали съ того, что всю поземельную собственность взяли себѣ и заставили свободный до того времени народъ отбывать въ свою пользу барщину, но за то они облагодѣтельствовали край, доставивъ ему безопас-

ность отъ татаръ, водворивъ порядокъ и населивъ нѣкоторыя области.—Мы сильно сомнѣваемся въ этихъ заслугахъ, вмѣняемыхъ польскому дворянству XVII столѣтія и полагаемъ, что это лишь пустыя общія фразы, покрывающія далеко не благодѣтельную для края реальную дѣйствительность, которая обнаружится, лишь только обратимся къ историческимъ фактамъ. Безопасность отъ татаръ была доставлена краю гораздо раньше появленія въ немъ польской шляхты усиліями зародившагося въ концѣ XV столѣтія козачества и его предводителей литовско-русскихъ старостъ; довольно вспомнить военные подвиги Евстафія Дашковича, Дмитрія Вишневецкаго, князя Константина Ивановича Острожскаго, чтобы убѣдиться что южная Русь собственными силами могла отражать татарскіе набѣги. Порядокъ въ краѣ былъ водворенъ весьма прочно еще со времени Витовта; онъ выражался точнымъ опредѣленіемъ правъ и обязанностей жителей, правильно организованнымъ судомъ, обезпеченіемъ личности и имущества жителей, старостинскою администраціею и т. д. Правда, это былъ порядокъ не шляхетскій, но мы полагаемъ, что шляхта, ниспровергнувшая его послѣ люблинской уніи, наложившая руку на всю поземельную собственность, на свободу «похожихъ» людей, на религіозныя и національныя стремленія народа, именно и принесла съ собою зародыши безпорядка и вызвала междоусобныя войны. Намъ потому кажется, что шляхетскій строй, насаждаемый въ южно-русскомъ краѣ, былъ не символомъ культуры и порядка, а скорѣе симптомомъ отсталости и культурной аберраціи самаго польскаго общества.

Что касается заслугъ шляхты относительно колонизаціи края, мы не знаемъ точно, не смотря на всѣ увѣренія польскихъ писателей, въ чемъ состояли эти заслуги. Конечно, мы готовы были бы признать заслугу колонизаціи въ такомъ случаѣ, если бы польскіе поселенцы заняли незаселенную до того времени область и превратили пустыню въ производительную страну; но этого въ южной Руси не случилось. Если въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія и заселяются вновь обширныя пространства между Днѣпромъ и Дономъ, то заселяются они не польскими выходцами, а тѣмъ-же южно-русскимъ народомъ; если шляхетство играетъ въ этомъ дѣлѣ какую-бы то ни было роль, то конечно скорѣе отрицательную, чѣмъ активную: закрѣпостивъ народъ, имѣвшій право свободнаго

перехода до люблинской уніи, оно заставило крестьянъ бѣжать въ ненаселенную пустыню, чтобы спастись отъ рабства; но за бѣглыми крестьянами на лѣвый берегъ Днѣпра послѣдовали шляхтичи, вооружившись жалованными грамотами на земли, безъ ихъ почина заселившіяся; тогда народонаселеніе поднялось вновь: часть его вступила въ отчаянную борьбу съ преслѣдовавшимъ ее сословіемъ, другая перешагнула рубежъ Рѣчи Посполитой и нашла, наконецъ, въ Слободской Украйнѣ пріютъ, куда не могли достичь до бѣглецовъ ни паны съ жалованными грамотами на земли, ни ихъ подстаросты съ нагайками. Если прослѣдить возникновеніе многочисленныхъ и многолюдныхъ поселеній, основанныхъ въ XVII столѣтіи на территоріи нынѣшнихъ губерній: харьковской, курской и воронежской, населенныхъ выходцами изъ польской Украйны, то во всякомъ случаѣ мы должны признать, что присутствіе шляхтичей не было необходимымъ условіемъ развитія колонизаціи. Поселенія эти, принятыя радушно правительствомъ царей московскихъ, не нуждались ни въ панщинѣ, ни въ нагайкѣ подстаросты, ни въ строгости Вишневецкаго для того, чтобы заняться производительнымъ земледѣльческимъ трудомъ; народонаселеніе ихъ безъ всякой регулировки, но съ разрѣшенія правительства, уложилось въ правильныя формы быта, изъ собственной среды выдвинуло выборную военную, гражданскую и судебную администрацію (полковниковъ, сотниковъ, атамановъ, судій и т. д.), съумѣло новыя свои земли защитить отъ татарскихъ набѣговъ, не менѣе грозныхъ въ бассейнѣ Дона, чѣмъ въ бассейнѣ Днѣпра и Буга, и, не встрѣтивъ насилія со стороны новаго правительства, не только не проявило инстинктивнаго стремленія къ бунту, но, напротивъ того, отличалось всегда вѣрностью и преданностью государству и въ значительной мѣрѣ вспомоществовало огражденію его южныхъ границъ отъ нападеній крымской орды. Такимъ образомъ одинъ и тотъ-же народъ, въ одно и тоже время и при одномъ уровнѣ развитія, заселялъ двѣ смежныя области; въ одной изъ нихъ колонизація двигалась при участіи польской шляхты и привела къ кровавому столкновенію, стоившему безконечныхъ жертвъ и напряженій, въ другой, при отсутствіи шляхты, сразу установились правильныя формы гражданской жизни и, развиваясь безъ всякихъ потрясеній, полтора столѣтія спустя привели къ открытію перваго на югѣ Россіи уни-

верситета. Если остановиться на историческомъ значеніи этихъ двухъ параллельныхъ типовъ южно-русской колонизаціи, то выводы конечно не выскажутся въ пользу шляхетскаго колонизаціоннаго типа, и польскимъ публицистамъ можно бы посовѣтовать менѣе усердно выставлять на видъ колонизаторскія способности и заслуги шляхтичей XVII столѣтія.

Впрочемъ только въ общихъ фразахъ г. Сенькевича, высказанныхъ отъ его собственнаго лица, упоминаются заслуги шляхетскаго сословія, состоявшія будто въ защитѣ края, въ надѣленіи его гражданственностью и въ колонизаторской предпріимчивости; въ картинахъ, изображенныхъ беллетристомъ, дѣятельность эта не проявляется, за то съ особенною любовью и, можетъ быть, съ излишествомъ изображена одна сторона польской гражданственности—военная организація и военная храбрость. Странно, что, желая особенно восхвалить свое прошедшее съ точки зрѣнія военной дисциплины, стратегіи и тактики, г. Сенькевичъ выбралъ именно такое время, когда польскія арміи терпѣли самыя крупныя пораженія; неудачный выборъ момента ставитъ очевидно романиста въ затруднительное положеніе, изъ котораго онъ долженъ выворачиваться, пользуясь лишь всею свободою, предоставленною беллетристу. Разсказывая ходъ военныхъ дѣйствій по впечатлѣніямъ одного изъ фиктивныхъ героевъ своей повѣсти, онъ благоразумно заставляетъ его тяжело болѣть во время битвы у Желтыхъ Водъ, удерживаетъ его въ плѣну, далеко въ тылу дѣйствующей арміи, во время корсунскаго сраженія и удаляетъ благоразумно въ далекую рекогносцировку во время пилявецкаго погрома; за то ничтожныя стычки у Махновки, у Росоловецъ, онъ раздуваетъ до размѣровъ первостепенныхъ битвъ и старается украсить ихъ безконечнымъ количествомъ эпизодовъ и единоборствъ, заимствуя довольно безцеремонно для этихъ описаній пріемы изъ Иліады. Воображеніе его до того разгорается, что въ одной изъ этихъ передовыхъ стычекъ (у Росоловецъ) онъ истребляетъ 14 козацкихъ полковниковъ (II, 243), когда всѣхъ полковъ у Хмельницкаго было 20. Въ этихъ-то стычкахъ или въ экскурсіяхъ, придуманныхъ самимъ авторомъ, созданные имъ герои совершаютъ чудеса храбрости; они являются до того непобѣдимыми рыцарями, что читатель остается въ недоумѣніи, почему собственно князь Вишневецкій и 4 героя, создан-

ные фантазіею г. Сенькевича, не истребили не только всего козацкаго войска и всей орды, но и всего населенія Украйны и Крыма. Герои г. Сенькевича лица не обыкновенныя: они изображены съ такою долею шаржа и съ такимъ видимымъ подражаніемъ полубогамъ Гомера, что, какъ намъ кажется, даютъ не лестное свидѣтельство объ артистическихъ пріемахъ автора: всѣ они обладаютъ необыкновенною тѣлесною силою; одинъ изъ нихъ (Аяксъ—Подбипята) камнями разбиваетъ башни, другой (Діомидъ—Володіевскій) побѣждаетъ всякаго противника въ единоборствѣ, третій (хитроумный Одиссей—Фальстафъ—Заглоба) владѣетъ безграничнымъ запасомъ наивныхъ военныхъ хитростей и т. д. Правда, при существованіи огнестрѣльнаго оружія физическая сила отдѣльныхъ героевъ потеряла гомеровское значеніе, но г. Сенькевичъ успѣлъ устранить и это препятствіе: враги его героевъ настолько дики и глупы, что, нападая на нихъ, догадываются выстрѣлить или пустить стрѣлу не раньше, чѣмъ герои эти искромсать нѣсколько сотъ противниковъ въ рукопашномъ бою.

Но допустимъ, что шляхтичи XVII столѣтія были дѣйствительно неимовѣрно сильны, что польскія арміи были прекрасно вооружены и дисциплинированы, хотя нѣсколько странно настаивать на этомъ качествѣ въ виду пилявецкой паники, допустимъ, что поляки были очень храбры и прекрасно знали военное дѣло—все это, по нашему мнѣнію, нисколько не свидѣтельствуетъ о высокой степени ихъ гражданственности и культуры. Храбрость военная свойственна не въ меньшей мѣрѣ, если не въ большей, дикимъ народамъ, чѣмъ образованнымъ. Это прекрасно сознаетъ самъ г. Сенькевичъ, изобразившій козаковъ и хлоповъ представителями дикости; въ его-же собственныхъ картинахъ козаки весьма храбры—они цѣлыми десятками и сотнями тысячъ гибнутъ подъ ударами его героевъ и не обращаются въ бѣгство. Военная выправка, хорошее вооруженіе и т. п.—обстоятельства случайныя, вовсе не свидѣтельствующія о культурномъ превосходствѣ; качества эти встрѣчаются иногда развитыми въ большей степени у народовъ менѣе цивилизованныхъ—вспомнимъ для примѣра исторію нашествія варваровъ на римскую имперію или монголовъ на восточную Европу въ XIII столѣтіи. Намъ кажется, что, освѣщая военныя доблести польской арміи въ XVII вѣкѣ, какъ признакъ культуры, г. Сенькевичъ исходитъ изъ

ложнаго понятія о значеніи военнаго дѣла у культурныхъ народовъ. Военная храбрость конечно качество весьма почтенное, но оно пріобрѣтаетъ значеніе культурнаго двигателя только въ такомъ случаѣ, если проявляется у лицъ или группъ, глубоко сознавшихъ правоту своего дѣла и гражданскій долгъ храбро стоять въ защиту его въ случаѣ, если ему угрожаетъ посторонняя военная сила; съ этой точки зрѣнія конечно мы признаемъ культурное значеніе за военными подвигами весьма многихъ военныхъ людей, отъ Эпаминонда до Жижки и Вашингтона. Но сама по себѣ военная храбрость, безъ сознанія правоты дѣла и гражданскаго долга, не только не составляетъ признака культуры, но нерѣдко служитъ враждебнымъ противъ нея орудіемъ, какъ-бы сильны и воинственны ни были одаренныя ею лица. Вѣдь въ храбрости и умѣніи руководить военными дѣйствіями нельзя отказать ни Аттилѣ, ни Чингизхану, ни множеству другихъ крупныхъ и мелкихъ грабителей. Потому мы полагаемъ, что военныя доблести не служатъ указателемъ культурнаго развитія даннаго народа, а напротивъ того по степени развитія этого народа и по степени справедливости преслѣдуемыхъ имъ цѣлей опредѣляется польза или вредъ для человѣчества его военныхъ подвиговъ. Приложивъ такого рода мѣрку къ стратегической части труда г. Сенькевича, мы полагаемъ, что чѣмъ сильнѣе и воинственнѣе были его реальные и вымышленные герои, тѣмъ вреднѣе они были въ данномъ случаѣ, потому что преслѣдовали несправедливую цѣль—желаніе лишить южно-русскій народъ его народности, религіи, личной свободы и благосостоянія и, съ другой стороны, сколько-бы г. Сенькевичъ ни приписывалъ храбрость Хмельницкаго и его сподвижниковъ вліянію водки и дикости, мы не можемъ не признать, что храбрость эта была благотворна для ихъ народа, потому что стремилась къ защитѣ духовнаго и матеріальнаго благосостоянія этого народа, угрожаемаго вооруженнымъ насиліемъ со стороны воинственной шляхты.

Но посмотримъ на дальнѣйшее развитіе антитезы у г. Сенькевича: выше было указано, что козаки, вслѣдствіе врожденной дикости, отличались страшною жестокостью; слѣдуетъ ожидать, что представители культуры оказались гораздо гуманнѣе и мягче и если были принуждены къ употребленію репрессивныхъ мѣръ, то употребляли ихъ только по приговору надлежащаго суда, совершенно

безстрастно и, во всякомъ случаѣ, не измышляли истязаній, не указанныхъ въ уголовномъ кодексѣ. Г. Сенькевичъ чувствуетъ повидимому необходимость этого контраста и по временамъ заявляетъ, въ весьма впрочемъ неясныхъ фразахъ, что «Рѣчь Посполитая проявляла по отношенію къ козакамъ милосердіе безъ границъ и мѣры» (I, 254), но въ провѣренномъ имъ историческомъ матеріалѣ онъ не нашелъ фактовъ для подкрѣпленія этого положенія и сослался лишь на то, будто Наливайку предложено было прощеніе (sic). За то фактовъ, противурѣчащихъ мнимому милосердію, оказалось слишкомъ много, до того много, что увлеченный артизмомъ авторъ не могъ удержаться отъ ихъ воспроизведенія. Польскіе жолнеры, по словамъ г. Сенькевича, всегда истребляютъ козаковъ поголовно, даже тогда, когда они бросаютъ оружіе и просятъ помилованія (II, 182, 241). По пути князя Вишневецкаго, усмирявшаго бунты, «исчезаютъ села, слободы, хутора и мѣстечка и вмѣсто нихъ торчатъ окровавленные колы и висѣлицы (I, 257). Князь этотъ бралъ приступомъ Погребище и истребилъ поголовно все народонаселеніе: «700 плѣнниковъ повѣсили, 300 посадили на колъ», причемъ князь даетъ жолнерамъ приказъ: «казните ихъ такъ, чтобы они чувствовали, что умираютъ» (II, 152), на пути черезъ лѣса «онъ украшалъ сосны, вѣшая на нихъ плѣнныхъ» (II, 133) и т. д. Герои г. Сенькевича неутомимо и нѣсколько дней сряду «жгутъ села и рубятъ головы» до изнеможенія (II, 255); взявъ въ плѣнъ въ битвѣ полковника Кречевскаго, изнемогавшаго отъ ранъ, они сажаютъ его на колъ (III, 214). Вообще плѣнныхъ они подвергаютъ пыткѣ и жгутъ огнемъ (II, 130) даже и въ такомъ случаѣ, если эти плѣнные покрыты ранами (II, 246). Они хладнокровно, прикидываясь друзьями, снискиваютъ довѣріе женщины и убиваютъ ее вмѣстѣ съ калѣкою слугою, на томъ основаніи, что признаютъ ее вѣдьмою (III, 316) и т. д. Словомъ какъ ни старается авторъ стушевать подобнаго рода данныя и сохранить въ этомъ отношеніи слишкомъ велерѣчивые источники, факты эти все таки выступаютъ наружу. Конечно, жестокость и отсутствіе гуманнаго чувства, вѣра въ существованіе вѣдьмъ и т. п. могутъ быть въ данное время если не оправданы, то по крайней мѣрѣ объяснены ожесточеніемъ борьбы и недостаткомъ гуманнаго развитія въ обществѣ, но во всякомъ случаѣ не приходится особенно настаивать на высокой культурѣ общества, совершавшаго

подобные поступки и одареннаго руководившими ими чувствами. Если обѣ враждовавшія стороны допускали среди борьбы проявленія безчеловѣчной жестокости, то приходится лишь сожалѣть о слабой степени развитія обѣихъ сторонъ, но не возможно совершенно тождественныхъ фактовъ вмѣнять въ укоръ одной изъ нихъ и въ заслугу другой.

То-же самое можно сказать и о другомъ порокѣ—о пьянствѣ; г. Сенькевичъ крайне возмущается пьянствомъ козаковъ, между тѣмъ излюбленные его герои почти никогда не ведутъ бесѣды безъ кувшина напитка; одинъ изъ нихъ даже попадаетъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ цѣлымъ отрядомъ, находившимся подъ его начальствомъ, вслѣдствіе того, что напивается до безчувствія. Все отличіе культурнаго пьянства отъ дикаго состоитъ развѣ въ томъ, что шляхтичи пьютъ вино, медъ, наливку и водку очищенную, хлопы-же должны удовлетворяться только водкою, притомъ неочищенною и издающею кислый запахъ. Разница, конечно, въ гастрономическомъ отношеніи серьезная, но не знаемъ, насколько она важна въ отношеніи культурномъ.

Такимъ образомъ, сличая бытовыя черты культурной шляхты и дикихъ хлоповъ, мы находимъ разницу лишь въ произвольныхъ эпитетахъ, даваемыхъ авторомъ обѣимъ группамъ, но не можемъ ее усмотрѣть въ поступкахъ и дѣяніяхъ, изображаемыхъ самимъ г. Сенькевичемъ; изъ положеній его на лицо остается лишь одно—это его глубокая вѣра въ врожденную добродѣтель однихъ и врожденную злость другихъ; къ положенію этому, весьма на нашъ взглядъ сомнительному, онъ возвращается довольно часто, какъ къ непоколебимой твердынѣ. Такъ, одинъ изъ его героевъ, повстрѣчавъ незнакомаго ему до того времени Хмельницкаго и замѣтивъ въ выраженіи его лица большую рѣшимость, недоумѣваетъ, откуда такое выраженіе явилось на лицѣ человѣка неизвѣстнаго происхожденія. Правда, оно напомнило ему выраженіе лица князя Вишневецкаго, «но у князя оно являлось естественнымъ даромъ природы, свойственнымъ знатному происхожденію» (I, 14). Героиня романа одарена, конечно, небывалою красотою и энергіею «въ силу княжеской крови Курцевичей» (III, 17), за то ея тетка, княгиня Курцевичева груба въ обращеніи, нахальна и своекорыстна, потому что она родомъ «изъ семьи сомнительнаго происхожденія» (I, 63). Полковникъ Богунъ, украшенный авторомъ большою силою и храбро-

стію, для того, чтобы его герои имѣли возможность проявить на его счетъ свое непобѣдимое геройство, является обладателемъ этихъ качествъ только потому, что мать его заподозрѣваютъ въ незаконныхъ связяхъ съ шляхтичемъ (III, 177), но за то качества эти совершенно изуродованы дикостію, наслѣдованною отъ матери, до того свирѣпою, что у полковника этого ночью глаза блестятъ, какъ у волка и т. д. Конечно, эту теорію «бѣлой кости» мы только констатируемъ въ кругу убѣжденій г. Сенькевича, оспаривать-же ее считаемъ излишнимъ.

Характеристика пріемовъ г. Сенькевича была-бы далеко не полна, если-бы мы не обратили вниманія на тѣ черты, которыми онъ обрисовываетъ личность Хмельницкаго. Романистъ сосредоточиваетъ на немъ всю массу ненависти и злобы, какая накипѣла въ сердцахъ шляхтичей XVII столѣтія, и не только не смягчаетъ этой злобы сколько-нибудь объективнымъ взглядомъ на давно минувшія историческія событія, не только не старается посмотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія современныхъ намъ требованій общественнаго развитія и гражданскихъ идеаловъ, но относится къ покойному гетману съ страшною личною ненавистью, указывающею на то, что какъ самъ авторъ, такъ и восхищающаяся его произведеніемъ публика, ни на волосъ не подвинулись по пути европейскаго прогресса въ теченіи 2½ столѣтій и продолжаютъ по прежнему приносить жертвы религіознымъ, сословнымъ и національнымъ кумирамъ, стоявшимъ на алтарѣ Рѣчи Посполитой въ XVII столѣтіи.

Конечно на первомъ мѣстѣ у г. Сенькевича стоитъ излюбленное польскими историками и публицистами, хотя странное и съ исторической точки зрѣнія невозможное положеніе, будто Хмельницкій произвелъ все возстаніе исключительно изъ-за личной мести, за причиненныя ему Чаплинскимъ обиды. Къ темѣ этой авторъ возвращается безпрестанно, полагая вѣроятно, что отъ частаго повторенія она сдѣлается болѣе правдоподобною. Начавъ съ появленія Хмельницкаго въ Сѣчи, г. Сенькевичъ рекомендуетъ его такъ: «этотъ кровавый гетманъ, исполинъ, собирался личную обиду выместить на милліонахъ людей» (I, 172). Затѣмъ одинъ изъ героевъ повѣсти очень патетически упрекаетъ Хмельницкаго въ томъ, что онъ «изъ-за личной обиды и частной ссоры» поднимаетъ страшную сумятицу «потому только, что Чаплинскій отнялъ у него хуторъ и выругалъ его

въ нетрезвомъ видѣ» (I, 192). Самъ Хмельницкій, по мнѣнію г. Сенькевича, настолько убѣжденъ въ справедливости этого упрека, что не находитъ возраженія и въ отвѣтъ выпиваетъ лишь стаканъ водки и т. д. Мы невольно приходимъ въ недоумѣніе, какимъ образомъ образованный писатель нашего времени, сочиняя историческую повѣсть, можетъ прибѣгать къ такимъ мизернымъ пріемамъ въ обрисовкѣ историческихъ дѣятелей. Мы, конечно, не отрицаемъ, что Хмельницкій былъ лично обиженъ, тѣмъ болѣе, что намъ извѣстно, что Чаплинскій не только отнялъ у него хуторъ и ругалъ его спьяна, но похитилъ у него жену, засѣкъ до смерти его сына [1]) и подготовилъ ему самому смертный приговоръ, отъ котораго Богданъ едва спасся бѣгствомъ. Но если-бы эти обиды носили исключительный, личный характеръ, если-бы онѣ не были выраженіемъ общаго гнета, распространявшагося на все южно-русское населеніе края, если-бы другіе жители не подвергались такимъ-же точно, если не большимъ обидамъ, то конечно въ такомъ случаѣ возстаніе не могло-бы произойти, ибо съ одной стороны Хмельницкій нашелъ-бы защиту и удовлетвореніе въ администраціи и судѣ, съ другой народонаселеніе не поднялось-бы изъ-за личной обиды одного человѣка. Только общій гнетъ и общее насиліе вызываютъ общую реакцію и личная месть безсильна поднять народныя массы. Въ чемъ-же въ сущности заключается упрекъ Хмельницкому и по какой логикѣ въ общественной реакціи не имѣютъ права принимать участія лица, потерпѣвшія отъ безобразнаго строя общественной жизни? Если-бы это требованіе имѣло какія-либо основанія этическія или юридическія, то мы-бы имѣли лучшій рецептъ для предотвращенія всякаго протеста противъ любого общественнаго насилія. Тѣмъ, кто производитъ насиліе, слѣдовало-бы лишь настолько щедро расточать обиды, чтобы надѣлить ими всѣхъ жителей страны и лишить ихъ такимъ образомъ права на протестъ. Вообще росказни о личной мести Хмельницкаго напоминаютъ намъ анекдотъ изъ судейской практики былыхъ временъ: нѣкій буянъ затѣялъ ссору на улицѣ и ударилъ своего противника; обиженный

---

[1]) «Чаплинскій, разсердившись на Хмельницкаго за то, что онъ подалъ жалобу въ судъ на его насилія, сына его, десятилѣтняго мальчика, приказалъ своимъ слугамъ высѣчь нагайками среди рынка такъ сильно, что вскорѣ послѣ того онъ умеръ». Michałowski. Xięga pamiętnicza, стр. 5.

обратился къ четыремъ случайно проходившимъ лицамъ и просилъ ихъ быть свидѣтелями случившагося; но буянъ нисколько не смутился, онъ всѣмъ четыремъ прохожимъ далъ по пощечинѣ и объявилъ, что они, какъ «причастные къ дѣлу», не могутъ быть свидѣтелями. Такъ, по мнѣнію г. Сенькевич et consortium, и Хмельницкій является «причастнымъ къ дѣлу» и потому участіе его въ возстаніи считается дѣломъ грѣховнымъ. Интересно, такую-ли мѣрку прилагаетъ г. Сенькевичъ и къ Вильгельму Телю за его столкновеніе съ Гесслеромъ и къ Ріенця за то, что римскіе бароны убили его брата. Другіе художники, по нашему мнѣнію, далеко не уступающіе г. Сенькевичу въ силѣ артизма, но съ нѣсколько болѣе развитымъ этическимъ чувствомъ—Шиллеръ и Бульверъ, высказали по этому поводу взглядъ, противуположный его мнѣнію.

За исключеніемъ мотива личной мести, г. Сенькевичъ не замѣчаетъ въ личности Хмельницкаго никакихъ другихъ побужденій къ возстанію; по его мнѣнію, въ головѣ гетмана происходитъ страшный хаосъ, среди котораго можно замѣтить лишь проблески самаго грубаго эгоизма. Вотъ какими словами авторъ характеризуетъ внутренній складъ мыслей Богдана: «По мѣрѣ того, какъ росли силы Хмельницкаго, возрасталъ и его безсознательный эгоизмъ, равнаго которому не найдемъ въ исторіи. Понятія о добрѣ и злѣ, о преступленіи и добродѣтели, о насиліи и справедливости слились въ душѣ Хмельницкаго въ одно цѣлое съ воспоминаніями личной обиды и съ представленіемъ о личной выгодѣ. Онъ считалъ честнымъ лишь того, кто ему помогалъ, и преступникомъ всякаго, кто ему противудѣйствовалъ. Онъ готовъ былъ укорять солнце въ пристрастіи и нанесеніи ему личной обиды, если-бы оно не свѣтило согласно его желанію (?). Людей, событія и цѣлый міръ онъ измѣрялъ лишь по мѣркѣ собственнаго интереса. Однако, не смотря на всю хитрость и притворство гетмана, въ его міровоззрѣніи была какая-то искренняя вѣра (?)... Весь край превращался въ пустыню, въ развалины, въ одну великую рану, залѣчить которую было невозможно въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, гетманъ-же этого не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть, ибо кромѣ себя онъ ни на что не обращалъ вниманія;—въ силу чудовищнаго самолюбія онъ питался кровью и огнемъ и топилъ свой собственный край и свой собственный народъ» (I, 253—254, III, 238). Предоставляемъ философамъ оцѣнить, на-

сколько изображенная картина возможна психологически; съ исторической точки зрѣнія замѣтимъ, что она совсѣмъ невѣрна; какъ-бы мало ни была развита народная масса, она не можетъ единодушно и по собственной инціативѣ подчиняться руководству лица, преслѣдующаго исключительно эгоистическія цѣли, да притомъ лица безсознательнаго, не умѣющаго ни намѣтить цѣли своихъ дѣйствій, ни оцѣнить окружающія явленія. Южно-русскій народъ въ свое время иначе отнесся къ Хмельницкому, оказавъ ему дружную поддержку и признавъ его такимъ образомъ выразителемъ своихъ общенародныхъ интересовъ. Самъ авторъ знаетъ прекрасно, каково было отношеніе народа къ Хмельницкому; словами источниковъ онъ описываетъ въѣздъ гетмана въ Кіевъ послѣ возврата изъ-подъ Замостья и встрѣчу его духовенствомъ и народомъ съ крестнымъ ходомъ, съ хоругвями и съ рѣчью депутатовъ кіевской академіи, въ которой Хмельницкій провозглашенъ былъ «Богомъ даннымъ охранителемъ, спасителемъ и освободителемъ народа отъ ляцкой неволи» (III, 236). Г. Сенькевичъ, не ограничиваясь собственною общею характеристикою Хмельницкаго, пытается выразить его общественныя убѣжденія и политическій кругозоръ отъ его собственнаго лица и производитъ этотъ опытъ въ разговорѣ одного изъ своихъ фиктивныхъ героевъ съ Хмельницкимъ въ Сѣчи. Герой повѣсти, или скорѣе г. Сенькевичъ его устами читаетъ гетману строгую нотацію, мотивы которой заимствованы исключительно изъ шляхетскаго политическаго и государственнаго кругозора, но весьма не убѣдительны для лица, стоявшаго на точкѣ зрѣнія народной и общечеловѣческой; тѣмъ не менѣе въ повѣсти г. Сенькевича мотивы эти пріобрѣтаютъ значеніе непреодолимыхъ аргументовъ; бѣдный Хмельницкій не находитъ возраженій и, сраженный афоризмами своего собесѣдника, то хватается за ножъ, то выпиваетъ стаканъ водки. Онъ пытается, правда, поставить на видъ, въ весьма впрочемъ неясныхъ выраженіяхъ, гнетъ, претерпѣваемый крестьянами и всѣмъ южно-русскимъ народомъ отъ шляхты. Но намекъ этотъ г. Сенькевичъ отражаетъ побѣдоносно слѣдующею аргументаціею: «Если допустимъ, что это правда, то кто тебѣ, гетманъ, поручилъ судъ и расправу. Ты увлекаешься гордостью и жестокостью. Судъ и наказаніе ты долженъ предоставить Богу... Если-бы даже всѣ шляхтичи и князья были изверги, что впрочемъ не правда, то судить ихъ можетъ лишь Гос-

подь на небесѣхъ и сеймы на землѣ, но не ты, гетманъ». «Хмельницкій опять выпилъ стаканъ водки» и т. д. (I, 194—196). Пріемъ въ спорѣ несомнѣнно весьма оригинальный и неожиданно поразившій Хмельницкаго, который не догадался даже обратить высказанный аргументъ въ противуположную сторону и предложить польскимъ гетманамъ распустить армію и предоставить рѣшеніе дѣла на судъ Божій. Но этого онъ не могъ сдѣлать потому, что, по мнѣнію беллетриста, дѣло возстанія противъ шляхетскихъ порядковъ настолько грѣховно, что конечно Хмельницкій не могъ ожидать помилованія отъ небеснаго суда. Вѣроятно, при такой постановкѣ вопроса г. Сенькевичъ такъ и остался въ недоумѣніи, почему Провидѣнію угодно было даровать цѣлый рядъ побѣдъ гетману, предпринявшему дѣло столь грѣховное. Конечно, если-бы писатель былъ менѣе субъективенъ, то, можетъ быть, за предѣлами шляхетской морали XVII вѣка онъ предъугадалъ-бы стремленія и идеалы нѣсколько болѣе широкіе и гуманные и, во всякомъ случаѣ, вовсе не обреченные на гнѣвъ Господень. Но г. Сенькевичъ и восхищающаяся имъ публика не умѣютъ, кажется, въ общественныхъ вопросахъ выйти на путь мышленія, проложенный европейскимъ прогрессомъ, и продолжаютъ вращаться въ тѣсномъ кругу воззрѣній, въ которомъ заколдовали ихъ езуиты въ XVII столѣтіи. Они подходятъ къ старому вопросу съ старыми предвзятыми сужденіями и невольно напоминают замѣчательные по наивному субъективизму старинные духовные стихи, въ которыхъ «салтанъ турецкій» обращается къ св. Георгію съ слѣдующею приблизительно рѣчью:

«Ой ты гой еси, святой Георгій Побѣдоносецъ!
Брось *свою* вѣру правую, святую, христіанскую,
Прими *мою* вѣру нечистую, поганую, бусурманскую» и т. д.

Читая всю повѣсть г. Сенькевича и особенно принципіальный разговоръ, изъ котораго мы привели отрывокъ, намъ постоянно казалось, что передъ нами разыгривается мистерія, сочиненная на тему разговора Салтана съ св. Георгіемъ, въ которой роль Салтана принялъ обязательно на себя г. Сенькевичъ, предоставивъ великодушно Хмельницкому роль св. Георгія Побѣдоносца.

Остается намъ въ заключеніе сказать нѣсколько словъ объ одномъ изъ пріемовъ артистическаго творчества г. Сенькевича. Уступая художественнымъ требованіямъ современнаго искусства, белле-

тристъ счелъ необходимымъ сообщить своимъ образамъ реальный колоритъ; вслѣдствіе этого онъ вводитъ подробности этнографическія и даже старается вложить въ уста дѣйствующихъ лицъ слова, а иногда цѣлыя рѣчи на мѣстномъ языкѣ. Этотъ couleur locale, можетъ быть и кажущійся польской публикѣ весьма типическимъ, преисполненъ самыхъ грубыхъ ошибокъ и извращеній этнографическихъ и лингвистическихъ, которыя ежеминутно заслоняютъ художественныя достоинства повѣсти для всякаго читателя, сколько нибудь знакомаго съ историческою этнографіею и народною рѣчью южной Руси. Укажемъ нѣсколько примѣровъ: козаки Хмельницкаго называются по временамъ «гайдамаками» (I, 94), т. е. терминомъ возникшимъ въ XVIII столѣтіи и раньше неизвѣстнымъ въ южной Руси; козаки панскихъ надворныхъ милицій носятъ постоянно названіе «Семеновъ», а терминомъ этимъ, насколько намъ извѣстно, турки называли тѣхъ козаковъ, которые поселились въ Бессарабіи въ концѣ XVII столѣтія. Запорожцы изображаются разъ какъ полунагая голь, другой разъ оказываются одѣтыми въ мундиры, по которымъ можно отличить одинъ курень отъ другаго (I, 250). Въ полкахъ козацкихъ кромѣ полковниковъ встрѣчаются постоянно никогда не существовавшіе подполковники (I, 267). Хмельницкій, возвращаясь изъ корсунской битвы, куда то заѣзжалъ, вѣроятно, перемѣнятѣ костюмъ, потому что въѣзжаетъ въ Корсунъ въ парадномъ театральномъ облаченіи, весь въ пурпурѣ. (I, 251). Запорожцы будто заставляли народъ называть себя «шляхетно урожеными козаками» (sic! I, 245). Описывая княжескій православный домъ Курцевичей, будто совершенно одичавшій въ степномъ селѣ, члены котораго учились однако у кіево-братскаго монаха, авторъ заставляетъ дѣвицу Курцевичеву писать интимныя письма на польскомъ языкѣ (I, 108), съ явнымъ подражаніемъ стилю XVII столѣтія; это неожиданное ополяченіе княжны, которой всѣ родственники говорили по русски и воспитывались подъ руководствомъ русскаго монаха, вѣроятно можно себѣ объяснить лишь теоріею г. Сенькевича о врожденномъ благородствѣ, тождественномъ, по его мнѣнію, съ польскими національными формами. Церковь Николая Добраго въ Кіевѣ передѣлана въ женскій монастырь, исключительно изъ за того, чтобы козаки могли передавить въ немъ монахинь (?) и укрывшихся въ монастырѣ «ляшекъ» (III, 266). Разныя лица по-

вѣсти поютъ по временамъ народныя пѣсни изъ репертуара, невозможнаго въ XVII столѣтіи. Такъ въ ихъ распоряженіи находятся пѣсня о Серпягѣ, никогда не бывшая народною и сочиненная нарочито псевдо-этнографами для Запорожской Старины Срезневскаго, пѣсня о Бондаривнѣ, воспѣвающая дѣянія старосты Каневскаго съ второй половинѣ XVIII столѣтія (II, 65), о Дорошенкѣ, ставшемъ гетманомъ 20 лѣтъ спустя послѣ описываемымъ событій (II, 73) и наконецъ книжныя силлабическія вирши, выписанныя изъ лѣтописи Ерлича, которыя никогда не пѣлись и пѣть которыя едва ли возможно (II, 198). Для козаковъ г. Сенькевичъ придумалъ небывалый, особый, боевой окликъ: «коли! коли!»; который они произносили будто бы не только во время схватки (I, 161), но и на радѣ, когда желали выразить готовность къ походу, хотя собственно колоть никого и не предстояло въ данную минуту (II, 164) и т. п.

Имена лицъ и мѣстъ подверглись значительнымъ передѣлкамъ для усиленія того же мѣстнаго колорита; такъ обозный генеральный Гарасимъ Чернота перекрещенъ въ «Эразма» (II, 159), полковникъ Иванъ Богунъ въ «Юрка» (III, 61), полковникъ Половьянъ въ Пулъ-Яна; какой то сотникъ Овсій въ Овсивуя; затѣмъ появляются лица съ такими фамиліями, которыхъ и возстановить невозможно, какъ полковники: Пулксенжицъ (II, 206), Наоколопалецъ (I, 267) и т. п.

Еще страннѣе передѣлки именъ географическихъ, которыя коверкаются авторомъ на польскій ладъ. Мы привыкли каждое географическое названіе произносить и писать такъ, какъ произносятъ и пишутъ туземцы; полагаемъ, что и г. Сенькевичъ не станетъ называть Ліона Люгдуномъ, Аахена Аквисграномъ, Львова Лембергомъ и т. д.; мы даже увѣрены, что онъ возмущается, когда встрѣчаетъ въ нѣмецкой печати: Позенъ, Грауденцъ, Тешенъ, Неймарктъ, вмѣсто: Познань, Грудзіондзъ, Цѣшинъ, Новы Таргъ; а между тѣмъ это общее логическое правило онъ считаетъ излишнимъ примѣнять къ названіямъ рѣкъ и городовъ южно-русскаго края. Такъ у него мы встрѣчаемъ названія: Пшола, Оржелъ, Лубнѣ, Пржылука, Мантовъ (II, 100), Брагимъ, Бучачъ (на Днѣпрѣ, II, 100) вмѣсто: Псёлъ, Орель, Лубны, Прилука, Домонтовъ, Брагинъ, Бу-

чакъ. Остерскій полкъ[1]) названъ остренскимъ (ostręski), да введенъ какой то миѳическій полкъ карвовскій (?) съ столь же миѳическимъ полковникомъ Кулакомъ (IV, 63) и т. д. Вообще географическая картина края сильно утрирована авторомъ съ цѣлью произвести возможный эффектъ. Такъ низовья Днѣпра покрыты, по словамъ г. Сенькевича, густыми лѣсами вишень, до того сплошными, что проѣзжающимъ по Днѣпру во время цвѣтенія деревьевъ кажется, что всѣ берега покрыты снѣгомъ (I, 144). Въ степяхъ нынѣшней Полтавщины произрастала будто бы столь высокая трава, что всадники исчезали въ ней совершенно (II, 46). Берега Сулы, Псла и ихъ притоковъ покрыты были огромными дѣвственными лѣсами, въ которыхъ обитали «бесчисленныя стада бородатыхъ туровъ» (I, 37) и т. д. Мы удивляемся, зачѣмъ авторъ счелъ нужнымъ разсказывать всѣ эти небылицы. Если онъ, какъ художникъ, желалъ представить наглядно пейзажи описываемыхъ имъ мѣстностей, то проще было бы познакомиться съ ними или совершивъ путешествіе въ описываемую область, или прочитавъ любой географическій очеркъ страны, вмѣсто того, чтобы рисовать фантастическія картины въ Майнридовскомъ стилѣ, въ которыхъ конечно житель южной Руси не можетъ узнать физіономіи роднаго края.

Еще безцеремоннѣе поступаетъ авторъ съ народною южнорусскою рѣчью: онъ постоянно влагаетъ въ уста южно-руссовъ слова и выраженія, будто бы заимствованныя изъ ихъ собственнаго разговорнаго языка, но по большей части выходятъ изъ этихъ попытокъ самыя странныя ошибки, а иногда весьма комическія qui pro quo. Оказывается, что слова и рѣченія, приводимыя г. Сенькевичемъ, или вовсе не существуютъ въ южно-русской рѣчи, или употреблены имъ въ совершенно превратномъ значеніи, или подверглись слишкомъ усердной передѣлкѣ на польскій ладъ, даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ эта передѣлка не требуется фонетикою и польскаго языка. Приведемъ нѣсколько болѣе выдающихся примѣровъ. Послѣ опасности, которой подвергся въ степи Хмельницкій, его окружаютъ козаки, которымъ онъ разсказываетъ, какъ злоу-

[1]) Остерскій полкъ вовсе несуществовалъ, онъ помѣщенъ ошибочно въ спискѣ Каховскаго, вмѣсто полка прилуцкаго (Собраніе сочиненій Максимовича, т. I, стр. 666).

мышленники чуть было не задавили его арканомъ. Козаки желаютъ выразить удивленіе, ужасъ и сочувствіе и вслѣдствіе этого дружно произносятъ: «спасыби! спасыби!» (спасибо! I, 13). Читатель конечно недоумѣваетъ, кого и за что они благодарятъ. Слѣпой аскетъ, обращается къ присутствующимъ съ мрачнымъ предсказаніемъ и хочетъ сказать имъ: ‹горе вамъ братія›, но вмѣсто того говоритъ: ‹горже вамъ браця›. Конечно это не по южнорусски, но кажется и не по польски, потому, что по польски эта фраза означаетъ: «горитъ у васъ братія» (I, 72). Предчувствуя опасность, запорожцы выражаютъ свои опасенія фразою: ‹сохрани Бигъ», вмѣсто ‹бороны Боже!› (I, 166, 167). Слово царь (по польски *car* по южно-русски *царъ*) звучитъ въ устахъ южно-руссовъ г. Сенькевича ‹царжъ› (I, 225). На вопросъ шляхтича, гдѣ находится село Сыровата, спрошенный крестьянинъ отвѣчаетъ: «нѣ знаемъ никакій (ниякои) Сыроватей› (II, 53). Слово *мажа* (чумацкій возъ) передѣлано въ мазь (unguentum). Сердце преобразовано въ «сердцѣ». Криныця (въ западно южно-рускомъ говорѣ керныця) преобразована въ крыница и означаетъ не колодезь, но ручей (III, 10). Проѣзжій въѣзжаетъ въ село и, желая удостовѣриться о его названіи, спрашиваетъ у крестьянъ: ‹скажыте, дитки, вже йе Деміянувка?› (вмѣсто ‹чи се Демьянивка?›). Конечно крестьяне въ приведенной формѣ или вовсе не поняли бы вопроса, или поняли бы его въ томъ смыслѣ: ‹основано ли уже село Демьяновка›? Въ другомъ мѣстѣ, описывая наружность шляхтича, крестьянинъ такъ выражается: ‹кгрубы якъ пѣцъ, а проклинавъ какъ дідко› (вмѣсто ‹грубый якъ пичъ, а клявъ, якъ дидько). Козакъ, привезшій письмо къ полякамъ, слѣдующими словами выражаетъ свое желаніе возвратиться назадъ: ‹я письмо виддавъ, такъ и *пуйдсн*› (т. е. пиду), и т. д.—до безконечности.

Но, не ограничиваясь отдѣльными словами и фразами, г. Сенькевичъ рискуетъ сочинять цѣлыя рѣчи на языкѣ ему незнакомомъ. Конечно эта излишняя храбрость порождаетъ рѣчи, написанныя на невозможномъ, иногда совсѣмъ непонятномъ жаргонѣ, въ которомъ фонетическія и грамматическія черты нѣсколькихъ славянскихъ языковъ механически перемѣшаны и рѣчь теряетъ не только характеръ живаго организма, но и всякій смыслъ. Мы для наслажденія филологовъ славистовъ приведемъ нѣсколько образчиковъ этой за-

мѣчательной тарабарщины, которую г. Сенькевичъ выдаетъ своимъ читателямъ за живую рѣчь украинцевъ XVII столѣтія.

Вотъ напримѣръ отрывокъ изъ рѣчи полковника Максима Кривоноса, въ которой онъ излагаетъ военному совѣту свою готовность къ походу: «разъ маты родыла! Война мнѣ мацъ и сьостра. Висьньовецки режетъ—и я буду; онъ вишаетъ и я буду... Такъ и пуйден(ę) замківъ будуваты (sic), быты, ризаты, вишаты! На погыбель имъ, бялоручкимъ!» (II, 164).

А вотъ образчики мнимой элоквенціи Хмельницкаго: «Згрешы князь—урезаць му шыйен(ę); згрешы козакъ—урезаць му шыйен. Кгрозицѣ ми шведами, але и они ми не здержо(ą)» (II, 251), или въ другомъ мѣстѣ онъ такъ сообщаетъ о судьбѣ Богуна: «Мени король пысавъ, же онъ въ пойедынку усѣчонъ» (II, 260) и т. д.

Такихъ и тому подобныхъ тирадъ можно-бы процитировать весьма много, но ограничимся выше приведенными. Ни одинъ славистъ не будетъ никогда въ состояніи опредѣлить, на какомъ языкѣ сказаны эти слова; многіе поляки подозрѣваютъ вѣроятно, что это по малорусски; люди, знающіе рѣчь южно-русскую, полагаютъ, что отрывки эти написаны на архаическомъ польскомъ языкѣ. Русскіе журналы, переводящіе повѣсть г. Сенькевича, вѣроятно воспроизведутъ эти перлы краснорѣчія, гадая на двое, что если они написаны не по польски, то вѣроятно по малорусски. Между тѣмъ это только общеславянская тарабарщина, придуманная г. Сенькевичемъ въ качествѣ couleur locale, при чемъ онъ не потрудился справиться ни съ фонетикою, ни съ грамматикою, ни съ лексикографіею, и, положившись слишкомъ на свои силы, возмечталъ, что талантливый писатель можетъ исключительно силою своей творческой фантазіи не только возсоздать эффектныя историческія картины, но также и правильно воспроизвести незнакомый ему языкъ.

Этими, далеко не исчерпывающими предмета, замѣтками мы и покончимъ обозрѣніе повѣсти г. Сенькевича и постараемся кратко резюмировать главныя положенія общественнаго и національнаго міровоззрѣнія автора и той многочисленной публики, которая приняла его произведеніе съ безграничнымъ восторгомъ.

Г. Сенькевичъ и его почитатели стоятъ пока еще на той низкой степени развитія патріотическаго чувства, на которой люди

полагаютъ, что все свое непремѣнно хорошо, потому только, что оно свое. Въ силу этого ложнаго патріотическаго чувства, они считаютъ долгомъ отрицать всякую попытку критическаго отношенія къ своему прошедшему и стремятся, путемъ отрицанія или извращенія несомнѣнныхъ фактовъ, путемъ всевозможныхъ натяжекъ, оправдать и возвеличить всякое безобразное явленіе въ исторической жизни своего народа. Писатель, руководящійся такимъ чувствомъ, особенно если онъ писатель талантливый и вліятельный въ своемъ обществѣ, оказываетъ этому обществу плохую услугу. Онъ способствуетъ затемнѣнію народнаго самопознанія, стремится къ увѣковѣченію ошибокъ прошедшаго, способствуетъ застою и косности и затрудняетъ прогрессъ своего народа.

Увлекаясь указанною ложно-патріотическою исходною точкою зрѣнія, г. Сенькевичъ старается освятить поэтическимъ воспроизведеніемъ, невѣрными толкованіями и громкими фразами о культурѣ и цивилизаціи всѣ тѣ историческіе недуги, которые были причиною политическаго, общественнаго и культурнаго паденія Польши: эксклюзивность національную и сословную, необузданность дворянскаго сословія, презрѣніе къ земледѣльческому классу народа и наклонность къ жестокости при сопротивленіи насилію правящаго сословія.

О государствѣ и государственной власти у автора совершенно превратныя понятія: власть эта должна, по его мнѣнію, не удовлетворять потребностямъ управляемыхъ, но навязывать имъ свои предвзятыя цѣли и, въ случаѣ протеста, обязана охранять свое достоинство жестокими казнями и даже поголовнымъ истребленіемъ народонаселенія, оказывающаго сопротивленіе.

По отношенію къ южно-русскому народу г. Сенькевичъ старается возбудить въ своихъ единоземцахъ презрѣніе, мотивированное мнимою дикостью этого народа и непригодностью его къ культурѣ; онъ разжигаетъ чувства нехорошія и несправедливыя: международную ненависть и народную гордость; онъ не умѣетъ отнестись къ противникамъ не только объективно, но даже сколько нибудь прилично; краски, которыми онъ изобразилъ южно-русскій народъ, не только исторически невѣрны, но до того пристрастны, что являются скорѣе злостнымъ пасквилемъ, чѣмъ невѣрно нарисованною характеристикою.

Не думаемъ, чтобы всѣ указанныя стороны тенденціи г. Сенькевича, какъ-бы онѣ ни льстили національному чувству, какъ-бы обаятельно ни дѣйствовали на его публику, были полезны для будущаго развитія этой публики или для удовлетворенія насущныхъ ея интересовъ. Самомнѣніе, упорное отстаиваніе своихъ ошибокъ, ненависть и отрицаніе примиренія, на основахъ болѣе широкаго и всесторонняго человѣческаго развитія, врядъ-ли могутъ послужить основаніями для лучшей умственной, нравственной и практической жизни какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ группъ человѣческихъ.

Мы должны съ прискорбіемъ констатировать, что огромное большинство польской интеллигенціи, судя по пріему оказанному повѣсти г. Сенькевича, раздѣляетъ его взгляды и убѣжденія—явленіе, какъ намъ кажется, весьма печальное и не предвѣщающее скораго поворота къ лучшему какъ нравственнаго и умственнаго развитія, такъ и тѣсно съ нимъ связанной реальной судьбы польской интеллигенціи.

Впрочемъ съ отраднымъ чувствомъ мы можемъ указать и симптомы прогресса. Среди польской-же интеллигенціи нашлось, правда малочисленное, меньшинство, которое опротестовало мысли и сужденія, высказанныя въ повѣсти «Огнемъ и мечемъ», и имѣло достаточно гражданскаго мужества для того, чтобы на столбцахъ четырехъ періодическихъ изданій высказать въ сдержанной, но вполнѣ ясной формѣ несогласіе съ порывами шовинизма и ретрограднаго направленія, выдвинутыми г. Сенькевичемъ. Протестъ этотъ, основанный на болѣе широкихъ гуманныхъ взглядахъ, появился въ то именно время, когда увлеченіе произведеніемъ г. Сенькевича находилось въ полномъ разгарѣ и когда пришлось плыть противъ порывистаго теченія почти всего польскаго общества. Мы полагаемъ, что дальнѣйшее интеллектуальное развитіе польскаго общества или прекратится совсѣмъ, или пойдетъ по пути, намѣченному этимъ меньшинствомъ, чего конечно мы искренно желаемъ въ интересахъ человѣческаго прогресса, который равно дорогъ всякому мыслящему человѣку, въ какой-бы онъ средѣ не проявлялся.

В. Антоновичъ.

„ПРОРОКЪ"—МНОГОВѢРЪ
и судъ надъ нимъ въ Кіевѣ.
(1825—1833 гг.).

Въ числѣ старыхъ дѣлъ, недавно переданныхъ изъ бывшихъ кіевскихъ судовъ въ центральный архивъ при кіевскомъ университетѣ, находится въ отдѣльной связкѣ небольшое «дѣло объ именующемся шляхтичемъ Аѳанасіи Марцинкевичѣ, судившемся за неимѣніе письменнаго вида, бродяжество и внушеніе противныхъ христіанской религіи словъ по губерніямъ: минской, волынской, кіевской, полтавской, екатеринославской, таврической и херсонской людямъ простаго состоянія» и пр. Дѣло это прошло черезъ всѣ тогдашнія судебно-уголовныя инстанціи г. Кіева: нижній земскій судъ, повѣтовый судъ, 1-й департаментъ кіевскаго главнаго суда, и тянулось цѣлыхъ восемь лѣтъ. Къ сожалѣнію, тогдашній судъ занялся исключительно почти безпаспортностью Марцинкевича и если производилъ о немъ кое-какія справки и дознанія, то единственно съ цѣлью удостовѣренія его личности; что-же касается «внушенія Марцинкевичемъ противныхъ христіанской религіи словъ людямъ простаго состоянія», то эта сторона дѣла осталась совершенно не обслѣдованною, становится извѣстною намъ единственно по показаніямъ подсудимаго, да по особой, составленной имъ въ тюрьмѣ запискѣ о предметахъ своего вѣроученія и призваніи его Богомъ на дѣло проповѣди, и въ качествѣ обвинительнаго пункта выступаетъ, и то совершенно случайно, лишь подъ конецъ судебнаго о немъ процесса. И показанія и записка Марцинкевича даютъ намъ

какую-то странную смѣсь повидимому противоположныхъ другъ другу вѣрованій и положеній не то жидовствующаго, не то раціоналистическаго характера, съ оттѣнкомъ крайняго, почти болѣзненнаго мистицизма,—смѣсь, въ которой разобрать трудно, что откуда; во всемъ «дѣлѣ» о подсудимомъ также нѣтъ и намековъ на то, откуда онъ позаимствовалъ свои «лжеумствованія» и подъ вліяніемъ какихъ причинъ въ его религіозныхъ убѣжденіяхъ совершился рѣзкій переломъ, приведшій его къ рѣшительному извращенію христіанства въ самыхъ его основахъ. Но совокупляя всѣ мелкія данныя, разбросанныя въ дѣлѣ о Марцинкевичѣ и анализируя его показанія и записку, нельзя не видѣть въ немъ фанатика религіозной доктрины, хотя крайне неопредѣленной: это не оригинальный религіозный новаторъ даннаго времени, скорѣе это человѣкъ, подавленный встрѣчавшимся на жизненномъ его пути разновѣріемъ,—*многовѣръ*, какъ есть старовѣры, какъ бываютъ нововѣры, но съ такимъ пламеннымъ религіознымъ одушевленіемъ, съ такимъ непоколебимымъ убѣжденіемъ въ истинности своихъ вѣрованій, которыя зародили въ немъ мысль, что онъ есть «слуга и пророкъ Божій». Дойдя до сознанія своего высшаго призванія, Марцинкевичъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ревностно пропагандируетъ свое ученіе, безпрепятственно обходитъ съ проповѣдью почти всю южную Россію—отъ Минска до Николаева и отъ Дона до Житоміра, безпрестанно подвергается всевозможнымъ преслѣдованіямъ и оскорбленіямъ, не разъ изнемогаетъ подъ бременемъ своего подвига и, подобно библейскому пророку Іонѣ, рѣшается однажды оставить родину и бѣжать «отъ гласа Божія» въ Турещину, но удерживается высшею волею и, наконецъ, попадаетъ подъ судъ, восемь лѣтъ томится то въ тюрьмѣ, то въ домѣ умалишенныхъ, и умираетъ, не дождавшись окончательнаго рѣшенія судомъ начатаго о немъ дѣла. Личность Марцинкевича очень интересна, не столько быть можетъ сама по себѣ, сколько по своей оригинальной судьбѣ, и благодаря сохранившемуся о немъ «дѣлу» и многоглаголанію судебныхъ бумагъ того времени, мы можемъ воспроизвести разсказъ объ немъ и о судѣ надъ нимъ, способный перенести насъ въ недалекое наше прошлое, въ среду бѣднаго вѣрующаго люда, и отчасти очертить намъ старые судебные порядки въ Кіевѣ.

Четырнадцатаго апрѣля 1825 г. выдался необыкновенно теплый, весенній день. По случаю наступившей страстной седмицы, члены кіевскаго нижняго земскаго суда хотя и явились въ присутствіе, но видимо тяготились своими обычными занятіями и давно готовы были-бы дать стречка изъ засѣданія, если-бы не удерживалъ ихъ на мѣстахъ угрюмый видъ первоприсутствующаго засѣдателя Калиновскаго, неподвижно возсѣдавшаго на своемъ креслѣ и разсѣянно прислушивавшагося къ веселому чириканью воробьевъ за окномъ. Собственно говоря, онъ и самъ предпочелъ-бы предаться этому занятію не здѣсь, а дома, снявъ съ себя лишнія одежды и съ трубкою въ рукахъ; но его удерживала мысль о той невообразимой кутерьмѣ, какая (онъ навѣрное это зналъ) поднята была дома его достопочтенною Степанидою Кононовною по случаю предпраздничныхъ приготовленій. Поэтому онъ рѣшилъ высидѣть въ присутствіи все узаконенное время, т. е. до вечерняго благовѣста въ братскомъ монастырѣ. Это рѣшеніе болѣе всего огорчало судейскаго секретаря Снѣжка, который, въ качествѣ молодаго человѣка, никакъ не могъ примириться съ мыслью, что въ это самое время избранная кіево-подольская публика прогуливается въ Царскомъ саду и любуется зрѣлищемъ разлива днѣпровскаго, до каковаго зрѣлища и самъ онъ, секретарь нижняго земскаго суда, былъ большой охотникъ. Ктому-же, не далѣе какъ вчера лучшій подольскій портной, самъ цехмистеръ «кравецкого цеха» прислалъ ему сшитый къ празднику новый сюртукъ изъ аглицкаго сукна, цвѣта верблюжьей шерсти, съ бархатнымъ зеленымъ воротникомъ и «лацканами»,—вотъ-бы хорошо теперь щегольнуть обновкой въ Царскомъ саду передъ подольскими «панночками!» Нѣтъ, онъ рѣшительно не станетъ оставаться въ судѣ до конца присутствія и придумаетъ какой-нибудь благовидный предлогъ, чтобы испросить у первоприсутствующаго позволеніе уйти раньше срока. Онъ уже привелъ въ порядокъ лежавшія предъ нимъ бумаги и поднялся съ мѣста, чтобы исполнить задуманное намѣреніе, когда въ сѣняхъ послышались чьи-то голоса, а вошедшій сторожъ доложилъ, что пришли крестьяне изъ с. Копачева [1]) и привели какого-то арестанта «при бумагѣ отъ экономіи».

---

[1]) Кіевской губерніи и уѣзда.

— Отъ прынесла ихъ нечиста!—проворчалъ Снѣжко. «Де-жъ та бумага? Неси іи сюда!»

Бумага была отобрана и вручена засѣдателю. Тотъ не спѣша надѣлъ очки, разрѣзалъ пакетъ изъ грубой синей бумаги, запечатанный плохимъ сюргучемъ, вынулъ оттуда испещренный блѣдными каракулями поллистъ такой-же синей бумаги и прочелъ въ этихъ каракуляхъ слѣдующее:

В ъ к і е в с к і й н и ж н і й з е м с к і й с у д ъ

Копаческой економія

Рапортъ.

Въ слѣдствіе данно свидѣтельства изъ кіевского губерскаго правленія для свободного пропуска въ повѣтовой городъ Чигиринъ, въ коемъ пояснено: не проживать ему нигдѣ и не держать никому; которой занимаясь пророчествомъ повсемѣстнымъ и проповѣдуетъ разнія неприличнія пророчества, котораго сія економія запечатавъ, при семъ честь имѣетъ оному суду препроводить. Апрѣля 13 дня, 1825 года.

Економъ *Шемпинскій.*

— Хочъ мене вбыйте, ничого не второпаю, що тутъ накрутивъ премудрый економъ! проговорилъ засѣдатель, передавая бумагу секретарю. «На, лишъ, прочитай, може ты молодшій краще розберешъ».

Секретарь пробѣжалъ глазами бумагу и видимо тоже ничего въ ней не понялъ. Наконецъ, онъ догадался осмотрѣть конвертъ и вынулъ оттуда еще одну бумагу, которая и разъяснила, въ чемъ дѣло: то было проходное свидѣтельство, выданное изъ кіевскаго губернскаго правленія «именующемуся отставнымъ товарищемъ татарскаго уланскаго полка Аѳанасію Марцинкевичу» для слѣдованія въ повѣтовый городъ Чигиринъ и обратно, въ каковомъ свидѣтельствѣ предъявителю дѣйствительно вмѣнялось въ обязанность «въ слѣдованіи на пути нигдѣ напрасно не проживать». Очевидно стало, что объ этомъ-то свидѣтельствѣ, отобранномъ у какого-то Марцинкевича, копачевскій экономъ и упоминаетъ въ своемъ рапортѣ и что при рапортѣ долженъ находиться этотъ самый Марцинкевичъ.

Дѣйствительно въ слѣдъ за симъ, по распоряженію засѣдателя, введенъ былъ въ присутствіе и самый арестантъ, въ сопровожденіи конвойныхъ, трехъ человѣкъ копачевскихъ крестьянъ. То былъ

худощавый, малорослый, довольно уже пожилой человѣкъ, съ длинными, темнорусыми волосами и морщинистымъ, земельнаго цвѣта лицемъ. На немъ былъ полукрестьянскій, полушляхетскій костюмъ, сильно засаленный и оборванный, и вся его тощая фигура имѣла крайне жалкій видъ. Онъ спокойно и толково отвѣчалъ на обращенные къ нему со стороны засѣдателя вопросы о его имени, званіи, лѣтахъ, но затѣмъ, выступивъ впередъ, скороговоркой, на смѣшанномъ польско-бѣлорусско-малорусскомъ нарѣчіи, заговорилъ что-то такое о томъ, что онъ человѣкъ слабый «а подойшлый», не имѣетъ силъ «заробить на кавалекъ хлѣба», и чтобы не отправляли его пѣшкомъ обратно въ Чигиринъ, а пожалѣли-бы его старыя ноги. Неожиданно-одушевленный тонъ его рѣчи и странный выговоръ нѣкоторыхъ словъ вызвали улыбку па лицахъ присутствующихъ. Это сразу взорвало его: «нехъ панове не смиваютъ се зе мнѣ, бо они певне не знаютъ, зъ кого смиваютъ!» выпалилъ онъ въ упоръ смѣявшимся, и его сѣрые, слезившіеся глаза метнули искрами. Ему приказали удалиться, а присутствіе нижняго земскаго суда, по выслушаніи рапорта копачевской экономіи, составило надлежащій журналъ, въ коемъ «приказали: представленнаго при семъ человѣка допросить и, что покажетъ, доложить, а между тѣмъ содержать его подъ стражей».

На другой день состоялся допросъ арестанта. Его біографія оказалась настоящей Одиссеей. Зовутъ его и прозываютъ Аѳанасій Тадеушъ Марцинкевичъ; отъ роду ему 47 лѣтъ, исповѣданія римско-католическаго, въ каковомъ пребывалъ до 1822 года, а съ того года и по сіе время въ ономъ по своей волѣ не пребываетъ (почему—объ этомъ скажется ниже); грамоты россійской и польской читать и писать умѣетъ. Родился онъ въ минской губерніи, игуменскаго повѣта, въ м. Березенѣ, отъ родителей шляхтичей Ильи и Марины Марцинкевичей, уже умершихъ, гдѣ и по ревизіи былъ записанъ и гдѣ проживаютъ его братья, сохраняя у себя древнія привиллегіи, пожалованныя нѣкогда польскимъ королемъ Сигизмундомъ III предку ихъ, маіору Марцинкевичу, на земельныя владѣнія и гербъ бѣлаго лебедя. Выросши при родителяхъ, Аѳанасій на 30 году своей жизни поступилъ въ 1808 г. добровольно на военную службу въ татарскій уланскій полкъ и черезъ годъ произведенъ былъ въ званіе «товарища» (нѣчто въ родѣ офицера). Въ этомъ званіи онъ участвовалъ

въ отечественной войнѣ, былъ въ сраженіяхъ противъ французовъ подъ Брестомъ-Литовскимъ, Пружанами, Турійскомъ, Любомлемъ и наконецъ подъ Межиричемъ (послѣднія три мѣстности—на Волыни), гдѣ былъ взятъ въ плѣнъ непріятелями и отправленъ въ Варшаву (въ ноябрѣ 1812 г.). Когда французы бѣжали изъ Россіи, а русская армія предприняла походъ за-границу, Марцинкевичъ снова присоединился къ своему полку, но въ дорогѣ заболѣлъ и былъ оставленъ для излѣченія въ м. Скрипѣвичахъ. Черезъ шесть недѣль онъ выздоровѣлъ, и такъ какъ полкъ его ушелъ уже далеко, то его зачислили въ 12-й пѣхотный вольтижерскій корпусъ, съ которымъ онъ и отправился за границу. Полгода спустя, Марцинкевичъ снова былъ взятъ въ плѣнъ венгерскими гусарами въ сраженіи подъ г. Дрезденомъ и отправленъ въ маркграфство моравское, въ г. Ольмюцъ. Здѣсь его завербовали въ австрійскую службу и послали въ католинскій региментъ, гдѣ онъ пробылъ около двухъ лѣтъ; но въ августѣ 1816 г. бѣжалъ оттуда, шатался нѣкоторое время по разнымъ мѣстамъ въ Германіи и Пруссіи и, прибывъ въ Кенигсбергъ, явился къ находившемуся тамъ россійскому генеральному консулу фонъ-Рету (Reth), который и выдалъ ему проходное свидѣтельство для возвращенія въ Россію. Прибывъ на родину, Марцинкевичъ видимо затруднялся вопросомъ, что ему дѣлать здѣсь и къ чему пристроиться. Узнавъ, что на его родинѣ (въ игуменскомъ уѣздѣ) квартировалъ тогда его прежній татарскій уланскій полкъ, онъ явился къ полковнику и выразилъ желаніе продолжать службу подъ его командой. Его, однако, не приняли въ службу, но охотно выдали ему увольнительное свидѣтельство, въ которомъ прописали, что служившій въ означенномъ полку «товарищемъ» Аѳанасій Марцинкевичъ «у штрафахъ по суду и безъ суда не бывалъ и велъ себя честно и допропорядочно, нынѣ-же за выслуженіемъ лѣтъ, по слабости здоровья и по неспособности далѣе продолжать кавалерійскую службу, уволенъ отъ полка». Пришлось Марцинкевичу просить пріюта у своихъ братьевъ. Но братья были сами люди бѣдные, жили на чужой землѣ и съ нуждой перебивались съ своими семьями. Надо было искать частныхъ заработковъ. И вотъ отставной «товарищъ» нанимается въ услуженіе къ одному купцу и съ открытіемъ навигаціи 1817 г. отправляется на его плотахъ по Днѣпру внизъ до Кременчуга, а зимою служитъ у бобруйскаго купца Терлецкаго,

который теряетъ его паспортъ, вслѣдствіе чего Марцинкевичъ подвергается полицейскому задержанію и попадаетъ подъ судъ за проживательство безъ письменнаго вида. Черезъ годъ бобруйскій нижній земскій судъ, по наведеніи надлежащихъ справокъ, удостовѣряется въ личности Марцинкевича и освобождаетъ его, съ выдачей проходнаго свидѣтельства для слѣдованія въ игуменскій уѣздъ минской губорніи. Но Марцинкевичу нечего было дѣлать на родинѣ и онъ не захотѣлъ возвращаться туда, а проживалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ по разнымъ мѣстамъ минской и могилевской губерніи, занимаясь обученіемъ грамотѣ дѣтей мелкихъ шляхтичей. Подъ конецъ этого времени онъ гдѣ-то затерялъ свой документъ (указъ объ отставкѣ) и это обстоятельство скоро и существенно ухудшило его скитальческую жизнь: никто не хотѣлъ принимать его къ себѣ въ домъ, опасаясь подвергнуться отвѣтственности за передержательство безпаспортнаго. Худо пришлось тогда Марцинкевичу! Зашелъ онъ какъ-то въ одинъ католическій кляшторъ и сталъ проситься, чтобы его приняли на службу,—ему отказали; обратился онъ съ такою-же просьбою въ православный (дятеловскій, пинскаго уѣзда) монастырь, но и тамъ получилъ отказъ. Пошелъ огорченный Марцинкевичъ, куда глаза глядятъ. Наступила ночь, и онъ, идя лѣсомъ, пѣлъ по польски псаломъ: «Услыши, Боже, гласъ мой!» а, помолившись, легъ подъ деревомъ и уснулъ. Въ полночь, по словамъ Марцинкевича, было ему видѣніе: въ чудномъ сіяніи предъ нимъ спустился съ неба кто-то, въ комъ онъ предположилъ самаго Бога; явившійся предрекъ скорую гибель христіанскимъ народамъ за то, что они утѣснили народъ Божій—іудеевъ; онъ-же объявилъ ему, что Христосъ не есть Сынъ Божій, а посланъ былъ на землю для временнаго наказанія Израиля. Обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ Марцинкевичу повелѣно было открыто возвѣщать людямъ и располагать ихъ къ покаянію; это-же повелѣніе, спустя нѣкоторое время, повторено было ему еще два раза въ сонномъ видѣніи.

Такъ повѣствовалъ о себѣ на судѣ Марцинкевичъ. Нѣтъ сомнѣнія, что разсказанному имъ видѣнію предшествовалъ какой-то продолжительный и сложный процессъ переработки религіозныхъ его вѣрованій, начавшійся, вѣроятно, еще во время заграничныхъ его скитаній, подъ вліяніемъ встрѣчъ съ тогдашними нѣмецкими піэти-

тистами и мистиками; къ сожалѣнію, въ «дѣлѣ» нѣтъ никакихъ на это указаній. Ниже мы болѣе подробно познакомимъ читателя съ религіозными воззрѣніями Марцинкевича, какъ они сформировались у него впослѣдствіи, а пока продолжимъ исторію его дальнѣйшихъ скитаній.

Получивъ вторичное напоминаніе о неукоснительномъ исполненіи возложенныхъ на него свыше «пророческихъ» обязанностей, Марцинкевичъ не посмѣлъ болѣе противиться волѣ Божіей. Но онъ горькимъ опытомъ извѣдалъ уже, какъ существенно отличны условія его времени отъ тѣхъ древнихъ временъ, когда пророки Божіи, повинуясь лишь силѣ призвавшаго ихъ духа и не нуждаясь ни въ какихъ паспортахъ, обходили грады и веси, проходили царства и языки и преплавали моря. Поэтому онъ рѣшился сперва отправиться на родину, чтобы добыть надлежащій документъ на мѣсто утраченнаго имъ свидѣтельства объ отставкѣ. Дошелъ онъ благополучно до предѣловъ роднаго уѣзда, но здѣсь въ первомъ-же селеніи мѣстный ключь-войтъ арестовалъ его за неимѣніе паспорта и подъ стражей препроводилъ въ г. Игуменъ. Пока игуменскій нижній земскій судъ собиралъ нужныя справки, Марцинкевичъ 8 мѣсяцевъ просидѣлъ въ заключеніи, а затѣмъ, въ виду открывшейся прежней судимости его за безпаспортность-же въ г. Бобруйскѣ, дѣло о немъ поступило «для дослѣдованія» въ бобруйскую полицію, самъ-же подсудимый этапнымъ порядкомъ переведенъ былъ въ бобруйскую тюрьму, гдѣ опять пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ. Отсюда его подъ карауломъ препроводили въ м. Несвижъ (слуцкаго уѣзда, минской губерніи), гдѣ въ то время квартировалъ татарскій уланскій полкъ, для удостовѣренія, точно-ли подсудимый служилъ прежде въ этомъ полку и не бѣжалъ-ли онъ со службы. Здѣсь личность Марцинкевича была окончательно удостовѣрена и ему выдали изъ полка вторичное свидѣтельство объ отставкѣ, вмѣстѣ съ которымъ онъ получилъ, наконецъ, и свободу. Это случилось въ маѣ 1823 г. Тогда-то Марцинкевичъ, слѣдуя примѣру апостольскому и памятуя слово: «нѣсть пророкъ во отечествіи своемъ», отряхнулъ прахъ родины отъ ногъ своихъ и направился для проповѣди въ тотъ благодатный край, который пришелся ему по душѣ еще въ то время, когда онъ гонялъ плоты по волнамъ днѣпровскимъ, т. е. въ Малороссію. Изъ минской губерніи, онъ спустился въ волынскую, далѣе въ кіевскую,

полтавскую, екатеринославскую, заходилъ и на берега тихаго Дона, оттуда—въ таврическую и херсонскую губерніи. Два года провелъ онъ въ такихъ странствованіяхъ, обращаясь съ проповѣдью преимущественно къ людямъ простаго званія и внушая имъ, чтобы они иконамъ не кланялись, священниковъ не слушали, Іисуса Христа за Спасителя не почитали и Ему не молились. Можно полагать, что въ таврической губерніи Марцинкевичъ встрѣчался въ жившими тамъ сектантами, духоборцами и, вѣроятно, этому обстоятельству надо приписать нѣкоторое сходство его ученія съ воззрѣніями этой секты. Изъ Николаева черезъ Одессу Марцинкевичъ возвратился въ кіевскую губернію и собирался уже отсюда направиться въ подольскіе края; но тутъ съ нимъ случилось непріятное приключеніе.

Шелъ онъ въ м. Камянку (чигиринскаго уѣзда) и остановился для отдыха въ Ребидайловской корчмѣ, гдѣ встрѣтилъ какого то проѣзжаго унтеръ-офицера. Вступивъ съ нимъ въ разговоръ, Марцинкевичъ задумалъ обратить его въ свою вѣру и конфиденціально открылся предъ нимъ въ своемъ званіи «пророка Божья». Въ отвѣтъ на это признаніе унтеръ-офицеръ позвалъ бывшихъ въ корчмѣ крестьянъ и приказалъ имъ связать Марцинкевича и представить по начальству. Строгій унтеръ-офицеръ поѣхалъ далѣе, а пьянствовавшіе крестьяне на другой день дали узнику свободу, но сочли себя въ правѣ воспользоваться его убогимъ багажемъ, гдѣ, вмѣстѣ съ платьемъ, хранилось и его свидѣтельство объ отставкѣ. Зная по неоднократному горькому опыту, какъ трудно жить на свѣтѣ безъ документа, Марцинкевичъ отправился въ чигиринскій нижній земскій судъ и заявилъ жалобу о грабежѣ, а чрезъ мѣсяцъ ходилъ лично жаловаться о томъ же къ кіевскому губернатору, по распоряженію котораго и было выдано ему изъ кіевскаго губернскаго правленія проходное свидѣтельство для слѣдованія въ г. Чигиринъ, куда вмѣстѣ съ тѣмъ было послано какое то предписаніе по его жалобѣ. Въ Чигиринѣ Марцинкевичу сказали, что его дѣло уже отослано въ Кіевъ, и велѣли возвратиться и самому туда же; но въ виду наступившей осени и по неимѣнію теплаго платья, онъ провелъ зиму въ чигиринскомъ повѣтѣ, ходя по разнымъ селамъ для испрошенія милостыни и для проповѣди, въ началѣ же апрѣля отправился въ Кіевъ съ намѣреніемъ явиться въ губернское правленіе и узнать о своемъ дѣлѣ; но при проходѣ

черезъ м. Копачевъ, по распоряженію эконома, былъ взятъ подъ караулъ и при рапортѣ доставленъ въ кіевскій нижній земскій судъ, гдѣ мы и встрѣчаемъ его теперь.

Въ дополненіе къ этому показанію, спустя нѣсколько дней отъ Марцинкевича изъ тюрьмы поступило въ судъ любопытное заявленіе, написанное имъ своеручно, на польскомъ языкѣ, съ надписью вверху: *Całemu sądu kijowskiemu czytać, jeden drugiemu podawając.* Эта записка Марцинкевича содержитъ себѣ отчасти повтореніе того, что высказано имъ при изустномъ допросѣ и записано секретаремъ суда, отчасти же новыя подробности относительно призванія его на проповѣдь, равно изложеніе его своеобразнаго вѣроученія, за распространеніе котораго ему пришлось угодить подъ судъ. Приведемъ изъ нея въ переводѣ на русскій языкъ болѣе важное и существенное, опуская извѣстное уже изъ его словеснаго показанія.

«Я, слуга Божій,—начинаетъ Марцинкевичъ свое посланіе изъ тюрьмы,—подаю ко всеобщему свѣдѣнію то, что Всевышній благоволилъ открыть мнѣ, человѣку грѣшному, и о чемъ Онъ повелѣлъ объявлять всѣмъ и каждому. Откровеніе это послѣдовало въ 1822 г. такимъ образомъ. Ночью, когда одолѣлъ меня сонъ въ лѣсу, услышалъ я шумъ и, открывъ глаза, увидѣлъ на воздухѣ какъ бы простой столъ, поддерживаемый четырьмя человѣками, также на воздухѣ парившими, а на томъ столѣ стоялъ какъ бы еврей, въ бѣломъ одѣяніи, который, назвавъ меня по имени, сказалъ: «я баде-рей-оры, бадей, говорящій нынѣ съ тобою!» и такъ какъ я неоднократно читалъ библію, то тотчасъ уразумѣлъ, что оныя слова означаютъ имя Божіе. Въ страхѣ я палъ на колѣни, сложилъ на груди руки и началъ пѣть молитву: «Царю небесный, утѣшителю». Явившійся мнѣ слушалъ внимательно, стоя въ воздухѣ, а я, окончивъ пѣніе, воскликнулъ: «о всевышній Творецъ неба и земли: теперь мы, бѣдные люди, погибли»! на что Онъ отвѣтилъ: «такъ, вы погибнете! не дамъ вамъ ничего, ибо вы мой народъ утѣснили, и я васъ скоро разсѣю, опущу на васъ мою руку и погублю васъ». Тогда я спросилъ: «Господи! прикажешь ли славить Сына твоего единороднаго, посланнаго Тобою Іисуса Христа, или нѣтъ»? и получилъ отвѣтъ: «какъ себѣ хочешь: я его не знаю». И съ этими словами явившійся быстро поднялся къ

облакамъ, какъ пуля, пущенная изъ ружья, и только видно было четыре какъ бы птицы съ крыльями, а подъ облаками сдѣлалось бѣло, какъ бы простыня была протянута, а потомъ и то сошло и невидимо стало. Долго я лежалъ на томъ мѣстѣ, какъ полумертвый, и плакалъ горько, ибо доселѣ возлагалъ на Христа надежду спасенія души своей, а теперь утратилъ эту надежду. Когда я снова уснулъ, приходитъ ко мнѣ какой-то человѣкъ и говоритъ: „встань и не бойся! я повѣдаю тебѣ, чей есть сынъ Іисусъ Христосъ, которому вы покланяетесь: Онъ сынъ Юпитера и былъ посланъ въ наказаніе Израилю за грѣхи, надъ которымъ онъ и далъ власть господствовать вашимъ народамъ. Читай псалмы Давида и они все это объяснятъ тебѣ. А ты долженъ будешь проповѣдывать тѣ слова людямъ и увидишь чудеса Всевышнаго». Переночевавъ на томъ мѣстѣ, я всталъ и пошелъ далѣе, а по пути читалъ псалмы Давида, ибо имѣлъ ихъ въ переводѣ съ русскаго на польскій языкъ. Вникнувъ въ смыслъ псалмовъ, я тотчасъ убѣдился въ истинѣ, но не смѣлъ еще объявлять о ней людямъ. Вскорѣ я нашелъ себѣ мѣсто: сталъ у одного писаря за «директора» (т. е. учителя) и прожилъ у него три недѣли, обучая дѣтей его грамотѣ; а далѣе стало твориться со мной что-то странное: бывало, лишь только усну, ко мнѣ приходитъ какая-то дѣвушка (dziwka), беретъ меня за горло и начинаетъ душить; но въ ту минуту являлся какой-то старичекъ и спасалъ меня отъ рукъ той дѣвушки. Я просыпался, молился Богу, снова ложился спать; но едва только засыпалъ, какъ приходила таже дѣвушка и снова душила меня за горло, а старичекъ защищалъ меня. Одинъ разъ она душила меня съ такою силою и такъ долго, что я совсѣмъ уже началъ умирать; какъ вдругъ приходитъ тотъ, который объяснилъ мнѣ, чей сынъ Христосъ, и, освободивъ меня изъ рукъ той дѣвушки, говоритъ мнѣ: «иди и проповѣдуй всѣмъ трехдневное покаяніе». А въ то время было утеряно мною свидѣтельство о моей отставкѣ и я ходилъ лишь съ тѣми аттестатами, какіе имѣлъ отъ разныхъ пановъ, у которыхъ служилъ». Далѣе Марцинкевичъ передаетъ извѣстную уже намъ изъ его показанія исторію ареста и суда надъ нимъ въ г.г. Игуменѣ и Бобруйскѣ, до той поры, когда ему выдано было изъ полка вторичное свидѣтельство, и онъ, получивъ свободу, отправился на проповѣдь. «Прошелъ я (пишетъ онъ далѣе) часть грод-

ненской и минской губерніи и вступилъ въ предѣлы житомирской (т. е. волынской), былъ и въ г. Житомирѣ; затѣмъ ходилъ по губерніямъ: кіевской, полтавской, екатеринославской, заходилъ и на Донъ, и въ таврическую губернію, и всюду, гдѣ ни проповѣдывалъ я тѣ слова, что были открыты мнѣ свыше, вездѣ меня бранили, а въ иныхъ мѣстахъ и въ «холодную» сажали. И помыслилъ я въ сердцѣ своемъ: «Господи! развѣ-жъ можно отъ меня требовать больше, чѣмъ отъ другихъ людей? Пойду въ Одессу, сяду тамъ на корабль и поѣду въ Турецкую землю: авось тамъ буду жить въ покоѣ»! Пришелъ я въ г. Николаевъ, къ лиману, и сѣлъ на катеръ, чтобы ѣхать въ Одессу. Когда катеръ вышелъ въ море, поднялась страшная буря и продолжалась все время, пока мы прибыли въ Одессу. Я сильно испугался и, выйдя на берегъ, болѣе трехъ часовъ лежалъ въ забытьи. А во снѣ приходитъ тотъ, который послалъ меня на проповѣдь, и говоритъ: «возвращайся назадъ, ибо въ Турецкую землю тебѣ не за чѣмъ ѣздить». Я долженъ былъ повиноваться и на обратномъ пути повсюду проповѣдывалъ простымъ людямъ. Изъ Чигирина думалъ я направиться въ подольскую губернію, но прослышалъ, что въ м. Смѣлой проживаетъ одинъ мужъ Божій, обладающій великими знаніями. Я направился къ нему; но въ Ребидайловской корчмѣ, лишь только началъ я объявлять тѣ слова, что мнѣ открыты были, меня связали хлопы изъ с. Давыдовки и отобрали мой «клунокъ» съ платьемъ и паспортомъ». Далѣе слѣдуетъ извѣстная намъ исторія ареста Марцинкевича копачевскимъ экономомъ и препровожденія его въ Кіевъ. Разсказавъ объ этомъ, онъ обращается къ судьямъ съ такою рѣчью: «вы, господа судьи, насмѣхались надо мною, хотя сами не знали, надъ кѣмъ насмѣхались. Теперь имѣете сіе писаніе мое и знаете, кто я. Покажите это писаніе губернатору и митрополиту, пошлите и высшему начальству, ибо я человѣкъ слабый и ходить дальше не могу. Нѣтъ у меня также силъ заработать себѣ хлѣба, и потому вы должны давать мнѣ пропитаніе, пока держать здѣсь будете; ибо я такой же человѣкъ, какъ и другіе, подлежу болѣзнямъ и нуждаюсь въ питаніи».

Во второй половинѣ своего посланія Марцинкевичъ «объявляетъ вѣрнымъ народамъ Божіимъ слѣдующіе пункты, которые ему повелѣно гласить отъ высочайшей и страшной руки Божіей:

1) скоро наступитъ голодъ, моръ и казнь Божія; 2) молитвъ и поклоновъ нашихъ не благоволитъ принимать Всевышній; 3) Богъ скоро разсѣетъ насъ за утѣсненіе Его народа израиля, спуститъ на насъ руку свою всемогущую и страшную и погубитъ всѣхъ насъ, христіанъ; 4) Всевышній ничего не благоволитъ знать о Христѣ, и если кто хочетъ чтить Христа, пусть чтитъ Его до конца своей жизни; Всевышній не возбраняетъ этого; 5) кто хочетъ сдѣлаться подобнымъ израилю, пусть удалится въ безлюдное мѣсто, выкопаетъ для себя яму глубиною въ поясъ и въ теченіе трехъ дней и ночей пусть взываетъ съ плачемъ: «Всевышній Творче неба и земли, единый Боже! смилуйся надо мною!» Къ этому Марцинкевичъ прибавляетъ и догматическія какъ бы основанія высказанныхъ имъ аподиктически положеній: «наши архіереи, іереи и книжники утверждаютъ, будто Іисусъ есть сынъ Бога Авраама и Исаака; а мнѣ во время молитвы открыто, что Іисусъ есть сынъ Юпитера. И вотъ теперь наступаетъ часъ, когда Юпитеръ будетъ низвергнутъ съ неба на землю; та же участь ожидаетъ, вѣроятно, и нашего Христа, какъ о томъ написано въ евангеліи: прійдетъ день, когда звѣзды упадутъ на землю и силы небесныя подвигнутся. Туда слетятся орлы, ибо отецъ Іисуса возсѣдаетъ на орлѣ. Тогда упразднится и христіанство, а на его мѣстѣ воцарится на землѣ правда Божія. Въ то время будетъ возстановленъ новый Іерусалимъ и Господь Богъ снова станетъ принимать жертвы всесожженія, какъ о томъ у Давида пророка въ 50-мъ псалмѣ написано: «яко аще бы восхотѣлъ еси жертвы»... (цитата до конца псалма). Хотя наши архіереи, іереи и книжники выводятъ, будто церковь или костелъ есть тотъ новый Іерусалимъ, о которомъ говорится у пророка Давида, но вы сами видите, что это сказка; и какъ нѣтъ правды въ нашихъ богахъ и костелахъ, такъ нѣтъ ея и въ цѣломъ народѣ христіанскомъ: повсюду одно ругательство, воровство, прелюбодѣйство, убійства. А отъ чего все это происходитъ? Отъ того, что Іисусъ упразднилъ законъ Божій, а себя и отца своего Юпитера чтить приказалъ. Посмотрите, какой теперь законъ и какая правда царствуютъ въ мірѣ? Левъ пануетъ, тигръ за нимъ, лисица лукавитъ, волкъ чужое стадо пожираетъ, а оселъ погибъ. Такое же точно право и законъ установилъ и Христосъ въ евангеліи: «кто имѣетъ много, тому еще дано будетъ, а кто имѣетъ мало, у того и послѣднее отнимется». Отсюда

каждый легко увидитъ и уразумѣетъ, что настало въ мірѣ безъ Бога. И самой малой мухи никто, кромѣ Бога, создать не можетъ; а наши христіане доскамъ и земнымъ богамъ покланяются, и за то Господь всевышній прогнѣвался на всѣхъ христіанъ и хочетъ вскорѣ погубить ихъ! Поэтому всѣ спѣшите покаяться тѣмъ способомъ, какъ выше показано, ибо я одинъ не могу заступиться за васъ всѣхъ. Видите сами, какіе теперь люди ненасытные; еще большій прожора—духъ нечистый. Для него недостаточно, что онъ пожралъ милліоны милліоновъ душъ: онъ и теперь, гоняясь за мной, еще проситъ ихъ у меня, и я долженъ буду дать безъ отговорки. Посему вы какъ можно скорѣе кайтеся; старшіе начните первыми. Знаете-ли, что кого я отдамъ ему, того онъ заживо сожретъ, и только съ великимъ стенаніемъ проситъ моего на то позволенія. Но вы спѣшите принести покаяніе и исповѣдайте единаго Бога, который простеръ Себя съ неба до земли и отъ края до края и трудится для васъ, заботясь о вашемъ пропитаніи. А дурныхъ и порочныхъ людей (hultajów), если имѣете въ рукахъ, карайте смертью, ибо вскорѣ будетъ присланъ бѣсъ, который откроетъ отъ вѣковъ скрытыя въ землѣ сокровища, и всѣ «гультяи» пойдутъ за нимъ. Вы ихъ щадите теперь, а они вамъ въ тотъ часъ не дадутъ пощады. Не разбирайте «гультяевъ» по родамъ: если окажется только, что бездѣльникъ, то и смерть ему!

Обо всемъ этомъ объявляетъ вамъ слуга Божій и пророкъ Марцинкевичъ».

Можно съ увѣренностью сказать, что болѣе сумбурной доктрины нельзя найти ни въ одной изъ христіанскихъ сектъ. Трудно и представить себѣ, чтобы въ головѣ здравомыслящаго человѣка могли одновременно вмѣститься такіе разнородные элементы, какъ: ветхозавѣтное іудейство, но безъ предписанія ветхозавѣтной обрядности; провозглашеніе Христа сыномъ Юпитера и упразднителемъ Божія закона, и дозволеніе по прежнему почитать Его и покланяться Ему; раціоналистическое отрицаніе священства, иконопочитанія и всей церковности, и болѣзненно-мистическія представленія о Юпитерѣ, о прожорѣ-діаволѣ, вымаливающемъ у пророка добычу въ видѣ человѣческихъ душъ, о покаяніи, обязательно совершаемомъ въ ямѣ глубиною въ поясъ, и т. под.; протестъ противъ насилія и неправды, царствующихъ въ мірѣ, явное сочувствіе пророка къ

судьбѣ бѣдныхъ, слабыхъ и обиженныхъ, и безсердечная жестокость по отношенію къ людямъ порочнымъ и преступникамъ, между которыми всегда значительное большинство именно и оказывается людьми глубоко несчастными. Не удивительно, что когда кіевскій нижній земскій судъ разсмотрѣлъ «писаніе» Марцинкевича, то первымъ дѣломъ распорядился произвести медицинское освидѣтельствованіе состоянія умственныхъ его способностей. На бѣду, тогдашній кіевскій повѣтовый лѣкарь Рихтеръ ничего не слыхалъ о современной психопатіи и 22 апрѣля того-же 1825 года донесъ суду, что совмѣстно съ земскимъ исправникомъ (тоже экспертъ!) свидѣтельствовалъ-де онъ находящагося подъ судомъ Аѳанасія Марцинкевича и нашелъ, что «дѣйствительнаго сумашествія оный не имѣетъ, но одержимъ лишь меланхоліей».

На обязанности тогдашнихъ нижнихъ земскихъ судовъ въ уголовныхъ дѣлахъ лежало лишь производство предварительнаго слѣдствія, и потому кіевскій нижній судъ, получивъ отъ бобруйской полиціи, отъ игуменскаго и чигиринскаго судовъ и отъ другихъ мѣстъ удовлетворительныя справки о личности подсудимаго, во всемъ согласныя съ его показаніями [1]), въ августѣ того-же года представилъ дѣло о Марцинкевичѣ «для разсмотрѣнія и рѣшенія по законамъ» въ кіевскій повѣтовый земскій судъ, вмѣстѣ съ собственноручною роспискою подсудимаго въ томъ, что при снятіи съ него допросовъ онъ «стращаемъ и истязываемъ не былъ».

Кіевскій повѣтовый судъ также прежде всего обратилъ вниманіе на вопросъ о состояніи умственныхъ способностей Марцинкевича, и независимо отъ даннаго уже лѣкаремъ Рихтеромъ заключенія, постановилъ: «вытребовавъ подсудимаго изъ тюремнаго замка, препроводить въ здѣшнюю врачебную управу съ тѣмъ, чтобы оная благоволила освидѣтельствовать по своимъ испытаніямъ, дѣйствительно-ли онъ одержимъ меланхоліеческою болѣзнію, или нѣтъ». Врачебная управа оказалась еще менѣе, нежели повѣтовый

---

[1]) Вышла было маленькая зацѣпка съ татарскимъ уланскимъ полкомъ: первая полученная оттуда справка гласила, что Аѳ. Марцинкевичъ дѣйствительно состоялъ въ семъ полку на службѣ съ 1808 г., но въ спискахъ значится убитымъ въ сраженіи 2 мая 1813 г. По настоянію подсудимаго вытребована была изъ полка вторичная справка, вполнѣ подтвердившая показанія Марцинкевича.

лѣкарь, компетентною въ распознаваніи психическихъ болѣзней и дала заключеніе, что «никакихъ признаковъ меланхоліи или сумасшествія въ подсудимомъ не примѣчено». Повѣтовому суду не оставалось ничего болѣе, какъ осудить Марцинкевича «по силѣ законовъ». И вотъ въ сентябрѣ 1825 г. послѣдовалъ тако рода судебный декретъ: «подсудимаго Аѳанасія Марцинкевича за бродяжество и за внушеніе простымъ народамъ по разнымъ губерніямъ противныхъ христіанской религіи словъ, именованіе себя слугою Божіимъ и пророкомъ, по силѣ воинскихъ статей 3 и 6 артикуловъ и Устава Благочинія ст. 241, 242, 237 и 254, выдержать въ смирительномъ домѣ; для принесенія-же покаянія во лжѣ противу имени Божію и религіи, равно чтобы изглажена была изъ памяти его мысль безразсудная, а обращена на путь праваго христіанина, отдать его на церковное покаяніе, со внушеніемъ ему тамо таковаго заблужденія».

Къ счастью для Марцинкевича, рѣшеніе повѣтоваго суда не было окончательнымъ: по тогдашнимъ порядкамъ оно должно было еще поступить, съ приложеніемъ подлиннаго дѣла, на ревизію высшей судебной инстанціи—перваго департамента кіевскаго главнаго суда.

Главный судъ съ своей стороны остановилъ вниманіе на вопросѣ о здравомысліи подсудимаго и, усматривая противорѣчіе въ заключеніяхъ врачей, призналъ произведенную ими экспертизу недостаточною, тѣмъ болѣе что при личныхъ объясненіяхъ, данныхъ Марцинкевичемъ въ судебномъ присутствіи, онъ произвелъ впечатлѣніе человѣка, который «долженъ быть почитаемъ внѣ разума»; поэтому врачебной управѣ было предписано вторично освидѣтельствовать подсудимаго и представить суду подробное и мотивированное заключеніе. Управа, сообразивъ, что тутъ одной отпиской не отдѣлаешься и что къ ней предъявлено серьезное требованіе, пришла къ совершенно правильной мысли, что «для точнѣйшаго удостовѣренія въ положеніи ума помянутаго подсудимаго необходимо подвергнуть его продолжительному наблюденію», и возложила это дѣло на городоваго штабъ-лѣкаря Магазинера, который кстати состоялъ также врачемъ при кіевскомъ тюремномъ замкѣ. Это былъ, какъ видно по всему, добрый человѣкъ и добросовѣстный врачъ. Онъ помѣстилъ Марцинкевича въ больницу, внимательно производилъ

надъ нимъ наблюденія въ теченіе цѣлаго мѣсяца и далъ о немъ слѣдующее заключеніе: «хотя Марцинкевича наружность, тѣлесныя силы и видимыя отправленія организма кажутся съ перваго взгляда въ естественномъ положеніи, но при частомъ наблюденіи замѣтить можно, что цвѣтъ лица его желтой, глаза мутные, видъ смущенный и разстроенный. Иногда онъ жалуется на боль и тяжесть въ правой повздошной части, при тщательномъ выщупываніи коей примѣтны завалы во внутренностяхъ. Онъ рѣдко имѣетъ настоящій позывъ къ пищѣ, часто жалуется на безсоницу, во время коей говоритъ самъ съ собою неудобовразумительными словами. По временамъ, особливо-же послѣ безсонной ночи, или-же когда наканунѣ онъ не занятъ былъ тѣлесною работою, находитъ на него мрачность, тоска и задумчивость. Если кто въ такомъ положеніи его входитъ съ нимъ въ разговоръ, то онъ начинаетъ ссориться, бранится, при самомалѣйшихъ случаяхъ дѣлается вспыльчивымъ, а всего болѣе разговариваетъ и судитъ о вещахъ противныхъ догматамъ христіанской религіи, приводя въ доказательство софизмы изъ астрономіи и миѳологіи». Соображая все сказанное, врачъ Магазинеръ полагалъ, что Марцинкевичъ «страдаетъ болѣзнію въ печени или въ другихъ желчъ-отдѣляющихъ органахъ; что онъ одержимъ меланхоліею, имѣющею пароксизмы непостоянные, и наконецъ—помѣшательствомъ въ здравомъ разсудкѣ, а особливо въ отношеніи къ религіи».

Эта добросовѣстная и для того времени довольно тонкая экспертиза рѣшила судьбу Марцинкевича. Основываясь на ней, кіевскій главный судъ опредѣлилъ: «прежнее рѣшеніе кіевскаго повѣтоваго суда исправить и подсудимаго Марцинкевича, на основаніи высочайшаго о губерніяхъ учрежденія 389 ст., отослать въ домъ сумасшедшихъ», т. е. въ кіево-кирилловское богоугодное заведеніе. Рѣшеніе это послѣдовало въ памятный для всей Россіи день 14 декабря 1825 г., а спустя нѣкоторое время оно было утверждено кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ Ковалевскимъ и приведено въ исполненіе.

Съ тѣхъ поръ прошло около шести лѣтъ и казалось, что Марцинкевичу придется и вѣкъ свой окончить въ кирилловскомъ заведеніи. Его «помѣшательства», конечно, не излѣчили, но общее

состояніе здоровья нѣсколько поправили. Пользуясь относительнымъ обезпеченіемъ и находясь въ постоянномъ сообществѣ подобныхъ ему полу-больныхъ, полу-здоровыхъ людей, вѣчно праздныхъ и всегда резонирующихъ, Марцинкевичъ имѣлъ возможность по цѣлымъ днямъ дебатировать религіозные вопросы, гласно и открыто развивать и защищать свои убѣжденія. Врачи и начальство относились къ его разглагольствіямъ, какъ къ рѣчамъ безумнаго, и не думали останавливать ихъ; это развило въ немъ смѣлость и самоувѣренность, его рѣчи сдѣлались рѣзче и самая проповѣдь пріобрѣла болѣе смѣлый характеръ. Трудно сказать, какъ долго продолжалась-бы эта безмятежная жизнь «пророка» въ домѣ умалишенныхъ, если-бы не подоспѣло одно, чисто случайное обстоятельство, именно—перемѣна въ личномъ составѣ больничной администраціи.

Въ кирилловское заведеніе, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія тамъ Марцинкевича, поступилъ на службу нѣкій штабълѣкарь Рудиковскій, родомъ поповичъ, учившійся нѣкогда въ духовной семинаріи. Онъ былъ плохой психіатръ, но за то изрядный богословъ и большой охотникъ поразсуждать о божественномъ. Встрѣчаясь ежедневно съ Марцинкевичемъ, какъ своимъ паціентомъ, онъ имѣлъ неосторожность вступать съ нимъ въ догматическія препирательства, которыя, при горячности обоихъ споривишхъ, почти всегда приводили ихъ въ крайнее раздраженіе: нерѣдко эти дебаты оканчивались тѣмъ, что Рудиковскій съ кулаками бросался къ противнику и приказывалъ надѣвать на него смирительную рубашку. Скоро между врачемъ и паціентомъ установились самыя невозможныя отношенія, вслѣдствіе которыхъ они не могли терпѣть другъ-друга. Рудиковскій на каждомъ шагу притѣснялъ больного, не скрывавшаго своей злобы къ нему, и наконецъ задумалъ выжить его совсѣмъ изъ богоугоднаго заведенія: онъ послалъ въ кіевскій приказъ общественнаго призрѣнія рапортъ, въ которомъ прописывалъ, что Марцинкевичъ, по его наблюденіямъ, оказался «не имѣющимъ никакого поврежденія въ умѣ, но что онъ словами и собственноручными показаніями обнаруживаетъ себя уклоняющимся отъ христіанской вѣры въ жидовскую секту и твердо придерживается старинныхъ своихъ мнѣній, и потому подлежитъ исключенію изъ дома умалишенныхъ». Приказъ препроводилъ этотъ рапортъ губернскому правленію, которое съ своей стороны предписало вра-

чебной управѣ подвергнуть Марцинкевича медицинскому освидѣтельствованію. Больной былъ вытребованъ въ присутствіе управы, и послѣдняя нашла, что онъ находится въ здоровомъ состояніи: «никакого повреждения ума его не видно, а видно только, что онъ отклонился отъ христіанской вѣры и, толкуя превратно священное писаніе, приверженъ къ еврейской сектѣ». Можно подумать, что члены управы на это время забыли, что они—врачи, а возмнили себя богословами, экспертами отъ консисторіи. Тѣмъ не менѣе, основываясь на ихъ заключеніи, губернское правленіе согласилось, что Марцинкевичъ «дальнѣйшему содержанію въ домѣ умалишенныхъ не подлежитъ, а подлежитъ за таковое его отсутствіе отъ исповѣдуемой имъ римско-католической религіи и присоединеніе къ еврейской сектѣ сужденію духовнаго начальства по его религіи», и потому отнеслось въ могилевскую римско-католическую консисторію съ требованіемъ ея заключенія о томъ, какъ надлежитъ поступить далѣе съ Марцинкевичемъ. Консисторія, какъ и слѣдовало ожидать, постаралась всячески уклониться отъ хлопотливаго дѣла, ссылаясь на то, что въ дѣйствіяхъ Марцинкевича она усматриваетъ, между прочимъ, богохуленіе, «которое есть тяжкимъ уголовнымъ преступленіемъ, подлежащимъ постепенному разсмотрѣнію и рѣшенію гражданскихъ судебныхъ мѣсъ, тѣмъ паче, что и приговоръ кіевскаго главнаго суда, въ 1825 г. послѣдовавшій, не подвергалъ подсудимаго духовному сужденію». Въ концѣ концевъ консисторія предписала іеромонахамъ кіевскаго доминиканскаго кляштора (что нынѣ приходскій костелъ), чтобы они, «при гражданскихъ чиновникахъ и лѣкаряхъ, увѣщаніями старались вывести онаго Марцинкевича изъ душегубнаго заблужденія и чтобы о послѣдующемъ составленъ былъ актъ, каковой и передать судебному разсмотрѣнію».

Изъ дѣла не видно, исполняли-ли іеромонахи кіевскаго кляштора возложенное на нихъ порученіе, но то несомнѣнно, что наибольшую миссіонерскую ревность въ этомъ дѣлѣ оказалъ штабъ-лѣкарь Рудиковскій. Въ октябрѣ того-же 1832 г. онъ такимъ образомъ рапортовалъ о результатахъ своихъ усилій на новомъ поприщѣ: «Марцинкевичъ изъ греко-уніатскаго (sic!) христіанина впалъ въ іудейскую секту и сталъ такъ упоренъ въ своихъ лжемудрованіяхъ о истинной вѣрѣ, что никакими доводами и увѣщаніями, ему отъ него, Рудиковскаго дѣланными, обратиться къ истинѣ

не можетъ, такъ что нѣтъ никакой надежды на его обращеніе. Кромѣ предметовъ вѣры, онъ, Марцинкевичъ, криво толкуетъ о властяхъ и постановленіяхъ правительства, обнаруживая не разъ покушеніе сообщить ядъ лжеученія своего и другимъ; почему онъ сочтенъ быть долженъ принадлежащимъ къ сектѣ іудействующихъ и вмѣстѣ къ сектѣ духоборцевъ или молокановъ. А какъ онъ другаго поврежденія въ умѣ не имѣетъ, кромѣ сектаторскихъ лжемудрованій, простирающихся до фанатизма, что составляетъ произвольное дѣяніе, относящееся къ упорству развратной воли, то онъ лѣченію и содержанію въ домѣ умалишенныхъ вовся не подлежитъ, а требуетъ мѣръ исправительныхъ; почему и былъ имъ, штабъ-лѣкаремъ, представленъ къ переводу изъ дому умалишенныхъ, куда подобные ему подлежатъ. Но какъ объ немъ продолжается переписка и нѣтъ понынѣ никакого рѣшенія, онъ-же, Марцинкевичъ, можетъ во время прогулки и общаго стола находить случай разсѣвать свое ученіе другимъ приходящимъ, или даже самой прислугѣ, кои всѣ дали ему проименованіе «*пророка*», то онъ, Рудиковскій, представляетъ, что Марцинкевичъ хотя иногда и бываетъ боленъ ревматизмомъ и сыпью на лицѣ, впротчемъ тѣломъ здоровъ, работать можетъ и знаетъ портное мастерство, а въ домѣ умалишенныхъ остается въ праздности, безъ всякаго занятія, тогда какъ можетъ съ пользою быть употребленъ гдѣ-либо въ работу, или для исправленія переведенъ, по его штабъ-лѣкаря мнѣнію, въ исправительную роту, или, въ силу имѣющагося изданнаго о субботникахъ или іудействующихъ христіанахъ постановленія, на поселеніе».

Положительно, приходится признать, что этотъ штабъ-лѣкарь обладалъ самыми разносторонними талантами: кромѣ познаній въ богословіи, опытности въ миссіонерствѣ, онъ и въ обвинительномъ искусствѣ, какъ видимъ, былъ, что называется, дóкой и справедливо могъ возбуждать завпсть среди тогдашнихъ прокуроровъ. Неудивительно, что приказъ общественнаго призрѣнія сдался, наконецъ, предъ его краснорѣчіемъ и опредѣлилъ: «исключивъ Марцинкевича изъ дома умалишенныхъ, отослать онаго въ губернское правленіе для поступленія съ нимъ по законамъ»; а губернское правленіе въ свою очередь постановило: «предать его суду и впредь до учиненія объ немъ постановленія отослать его въ вѣдомство кіевской полиціи», которая и водворила его въ тюремный замокъ.

Такимъ образомъ въ ноябрѣ 1832 г. въ кіевскомъ уѣздномъ (недавно—повѣтовомъ) судѣ началось новое дѣло о Марцинкевичѣ по обвиненію его въ «отступленіи отъ христіанской религіи и въ протчемъ» — такъ оно озаглавлено въ канцелярскомъ реестрѣ. Въ указѣ губернскаго правленія относительно преданія Марцинкевича суду обвинительный актъ цѣликомъ построенъ на рапортѣ штабъ-лѣкаря Ѓудиковскаго; отсюда-же выбраны и вопросные пункты. Въ своихъ показаніяхъ Марцинкевичъ былъ нѣсколько сдержаннѣе, нежели во время перваго процесса, и видимо перезабылъ или перепуталъ многія подробности изъ своей скитальческой жизни, но на вопросъ о томъ, что побудило его отступить отъ христіанства, отвѣчалъ очень рѣзко: «христіанскую вѣру я потому бросилъ, что нѣтъ въ законѣ христіанскомъ никакой правды, но одно насильство и мученіе, а за обиду некому жаловаться, и своего собственнаго долженъ отректись бѣдный человѣкъ. Государь—христіанинъ и начальство—христіане, а привели народы въ робость, и лучше не родиться на сей свѣтъ бѣдному и правдою живущему человѣку! А спасеніе человѣка зависитъ отъ воли единаго Бога Творца, давшаго ему жизнь: кто далъ человѣку душу, тотъ и спасти ее можетъ; а на другихъ боговъ я не полагаю надежды спасенія, ибо и самъ Творецъ не можетъ спасти человѣка безъ его желанія. А Христосъ былъ человѣкъ и пророкъ, а не Богъ, и потому я кланяться Христу не хочу, а покланяюся единому Богу, Творцу своему, и привер-женъ къ Нему, и соблюдаю его десять заповѣдей, и въ началѣ Бога боюсь дѣлать худыя дѣла, но сколько силъ стараюсь дѣлать людямъ добро, а не зло. А еврейскихъ книгъ я не знаю и закона ихъ соблюсти не могу».

Нельзя не замѣтить, что характеръ этой рѣчи значительно разнится отъ всего того, что говорилъ и писалъ Марцинкевичъ о своихъ убѣжденіяхъ ранѣе семью годами, во время перваго процесса. Здѣсь выступаетъ предъ нами не столько «пророкъ», слѣпо убѣжденный въ своемъ высшемъ посланничествѣ и съ наивною самоувѣренностью мнящій преобразовать общество своею проповѣдью, сколько обыкновенный человѣкъ, путемъ критики наблюдаемыхъ имъ порядковъ и отношеній составившій себѣ (а не получившій по откровенію свыше) извѣстныя убѣжденія и не желающій ни передъ чѣмъ поступиться ими. Онъ уже признаетъ Христа

пророкомъ, а не сыномъ какого-то миѳическаго Юпитера, и вообще о прежнихъ болѣзненно-мистическихъ грезахъ и фантазіяхъ нѣтъ болѣе и помину. Теперь Марцинкевичъ довольно трезво сознаетъ свое положеніе, знаетъ, что его рѣзкія порицанія общественныхъ порядковъ могутъ лишь ухудшить его судьбу, и онъ старается смягчить впечатлѣніе своихъ показаній, предлагаетъ судьямъ нѣкоторый какъ-бы компромиссъ и на дополнительномъ допросѣ прибавляетъ слѣдующее: «когда бѣдному человѣку нѣтъ никакого вспомоществованія, то лучше ему пристать къ тѣмъ народамъ, кои наблюдаютъ законъ Божій. Я никогда не приставалъ къ евреямъ, а желаю опредѣлиться къ народамъ русскимъ, у которыхъ съ еврейскаго на русскій діалектъ переведены книги и сами они содержатъ законъ Божій и не даютъ другъ-друга въ обиду. Поэтому прошу, дабы меня оставить спокойно и опредѣлить въ таврическую губернію, въ орѣховскій уѣздъ, въ волость субботниковъ, на Молочныхъ-Водахъ, а я готовъ дать отъ себя присягу и подписку въ томъ, что больше христіанамъ противнаго говорить ничего не буду». Очевидно, во время своихъ прежнихъ скитаній по южной Россіи Марцинкевичъ бывалъ у этихъ субботниковъ на Молочныхъ-Водахъ и ему понравилась ихъ братская солидарность и взаимопомощь— черты, какъ извѣстно, свойственныя послѣдователямъ всякой новой и въ особенности гонимой вѣры.

Онъ заблуждался, однако, полагая, что можетъ поплатиться лишь выселеніемъ въ таврическую губернію: по понятіямъ новаго суда такое наказаніе было-бы равносильно вверженію виновной щуки въ море. Въ русскомъ правительствѣ господствовали теперь совершенно иные взгляды на дѣятельность новаторовъ, подобныхъ Марцинкевичу, далеко не столь благодушные, какъ въ прежнее царствованіе. При томъ-же, кромѣ отступленія отъ христіанства, Марцинкевичъ сверхъ того обвинялся еще и въ политическомъ проступкѣ: въ извѣстномъ доносѣ штабъ-лѣкаря Рудиковскаго, послужившемъ основою для обвинительнаго акта, именно значилось, что Марцинкевичъ «кромѣ предметовъ вѣры, криво толкуетъ о властяхъ и постановленіяхъ правительства», и мы видѣли, что своими отзывами на судѣ о правительствѣ, якобы «приведшемъ народы въ робость», онъ могъ дать нѣкоторое подтвержденіе этому обвиненію. Наконецъ, припомнимъ и то, что дѣло происходило

всего спустя годъ послѣ перваго польскаго мятежа, когда въ правительственныхъ сферахъ существовало извѣстное предубѣжденіе противъ поляковъ, въ число которыхъ засчитывали тогда огуломъ всякаго католика, хотя-бы онъ былъ, напримѣръ, подобно Марцинкевичу, чистой крови бѣлоруссомъ. Все это вмѣстѣ взятое мало добраго сулило подсудимому.

Но и положеніе судей было довольно затруднительно. Они сознавали, что отъ нихъ требуется строгій приговоръ, «дабы другимъ неповадно было», но не знали, чѣмъ руководствоваться при его опредѣленіи. Тогда еще не существовало нынѣшняго Свода Законовъ, старое-же мѣстное право, Литовскій Статутъ, было отмѣнено; оставались для руководства судьямъ: Уложеніе царя Алексѣя Михайловича и Воинскіе Артикулы Петра I. Отыскать въ этихъ, и для самой коренной Россіи давно уже отжившихъ свой вѣкъ, кодексахъ статьи, примѣнительныя къ проступкамъ Марцинкевича—составляло, дѣйствительно, не легкую задачу. Кіевскій уѣздный судъ разрѣшилъ эту задачу такъ, что, въ видѣ матеріала для составленія приговора, учинилъ слѣдующую «выписку изъ законовъ»:

«1) Уложенія глава 22, пунктъ 24: буде кто бусурманъ какими нибудь мѣрами, насильствомъ или обманомъ, русскаго человѣка къ своей бусурманской вѣрѣ принудитъ и по своей бусурманской вѣрѣ обрѣжетъ, а сыщется про то допряма: и того бусурмана по сыску казнить—сжечь огнемъ безъ милосердія; а кого онъ русскаго человѣка обусурманитъ, и того русскаго человѣка отослать къ патріарху, или ко иной власти, и велѣть ему учинити указъ по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ».

«2) Указа 1737 г., ноября 14: естли явятся притворныя кликуши, то таковыя суевѣрія стараться какъ найскорѣйше пресѣчь, искоренить и въ недопущеніи того съ крайнимъ прилѣжаніемъ смотрѣть и предостереженіе всегда имѣть».

«3) Воинскихъ Артыкуловъ пункта 3: кто имяни Божію хуленіе приноситъ и оное презираетъ, и службу Божію поноситъ и ругается слову Божію и св. таинствамъ, а весьма въ томъ обличенъ будетъ, хотя сіе въ пьянствѣ или трезвомъ умѣ учинитъ: тогда ему языкъ раскаленнымъ желѣзомъ прожженъ и потомъ отсѣчена глава да будетъ».

«и 4) Кто пресвятую Матерь Божію Дѣву Марію и святыхъ ругательными словами поноситъ, оный имѣетъ, по состоянію его особы и хуленія, тѣлеснымъ наказаніемъ отсѣченія сустава наказанъ, или живота лишенъ быть».

А кіевская уголовная палата (не задолго предъ тѣмъ преобразованная изъ бывшаго главнаго суда), на ревизію и окончательное рѣшеніе которой поступило въ декабрѣ 1832 г. дѣло о Марцинкевичѣ, усмотрѣвъ въ «выпискѣ» уѣзднаго суда отсутствіе статьи, примѣнительной къ политическому проступку подсудимаго, дополнила съ своей стороны эту выписку еще слѣдующимъ:

«5) Уложенія главы 2 пунктъ 1: буде кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслити на государское здоровье злое дѣло и про то его злое умышленіе сыщется допряма, что онъ на царское величество злое дѣло мыслилъ и дѣлать хотѣлъ: и такова по сыску казнити смертію».

Не трудно угадать, какой приговоръ могъ-бы послѣдовать на основаніи этихъ зловѣщихъ статей, хотя и не совсѣмъ кстати подобранныхъ; но пока онъ подготовлялся, судьба изрекла надъ Марцинкевичемъ свой приговоръ, предъ которымъ умолкаютъ самые грозные декреты земныхъ судовъ. 7-го марта 1833 г. въ уголовной палатѣ было получено отъ кіевской полиціи донесеніе о томъ, что «содержащійся въ тюремномъ замкѣ арестантъ Аѳанасій Марцинкевичъ сего числа волею Божіею помре».

На этомъ мы могли-бы и остановиться, такъ какъ извлекли изъ дѣла о Марцинкевичѣ все, что считали болѣе существеннымъ. Но не хотѣлось-бы намъ совсѣмъ обойти молчаніемъ одинъ, довольно важный вопросъ, отвѣта на который не находится въ судебномъ дѣлѣ, именно: считать-ли религіозное новаторство Марцинкевича самороднымъ явленіемъ, возникшимъ самостоятельно на почвѣ какихъ-либо мѣстныхъ условій, или-же оно должно быть признаваемо не болѣе, какъ слабымъ отголоскомъ идей, волновавшихъ иные умы и возникшихъ совсѣмъ при иныхъ условіяхъ? Какъ видитъ читатель, это тотъ самый вопросъ, который въ настоящее время усердно дебатируется (между прочимъ и на страницахъ «Кіевской Старины») примѣнительно къ малорусской штундѣ.

Гдѣ не достаетъ точныхъ фактическихъ указаній, тамъ дозволительны догадки и предположенія, степень вѣроятности которыхъ будетъ зависѣть отъ бо́льшаго или меньшаго ихъ согласія съ фактическими данными. Намъ лично исторія Марцинкевича представляется въ слѣдующемъ видѣ:

По національности онъ бѣлоруссъ, по вѣроисповѣданію первоначально греко-уніатъ, ибо не даромъ этотъ терминъ употребилъ относительно его докторъ Рудиковскій, такъ горячо споривщій съ нимъ о предметахъ вѣры; въ католичество обратился онъ наравнѣ съ массами совращаемыхъ тогда уніатовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усвоилъ себѣ и польскій языкъ; православіе было знакомо ему изъ дѣтства, хотя быть можетъ, подъ названіемъ схизмы; въ заграничномъ странствованіи и плѣну онъ могъ познакомиться не съ одною изъ тамошнихъ сектъ, а во время путешествія въ Крымъ просвѣтился ученіемъ духоборцевъ и молоканъ, которое положило на его вѣрованіяхъ слишкомъ замѣтную печать и дало поводъ причислять его къ сектѣ жидовствующихъ, что однако твердо отрицалъ самъ Марцинкевичъ. Затѣмъ это былъ человѣкъ, одаренный прежде всего большою впечатлительностью и склонный къ тому, что называютъ созерцательностью. Искренно набожный и вѣрующій, онъ прилѣплялся ко всякому новому исповѣданію, но, не обладая сильнымъ и научно-развитымъ умомъ, не могъ совладать съ массою встрѣчавшихся ему вѣроисповѣдныхъ отличій и составилъ себѣ ту религіозную амальгаму, съ которою знакомятъ насъ его показанія на судѣ и особая записка. Мы не знаемъ, гдѣ и чему учился Марцинкевичъ; но то несомнѣнно, что онъ обладалъ болѣе нежели простою грамотностью: вспомнимъ донесеніе одного изъ врачей-экспертовъ, что Марцинкевичъ, споря о предметахъ религіозныхъ, любилъ приводить «софизмы изъ *астрономіи и миѳологіи*». Эта полуобразованность, можетъ быть пріобрѣтенная и путемъ начитанности, дѣлала его способнымъ интересоваться тогдашними общественно-политическими событіями, которыя, по своей грандіозности, въ состояніи были глубоко потрясать и не такія исключительно-нервныя натуры, какою обладалъ Марцинкевичъ. Мало того, ему пришлось самому принять участіе въ колоссальнѣйшей борьбѣ, рѣшившей судьбу Европы: онъ сражается съ войсками Наполеона, попадаетъ въ плѣнъ, затѣмъ преслѣдуетъ остатки «великой арміи» послѣ бѣгства ея изъ Россіи,

переходитъ границу, подъ Дрезденомъ снова попадаетъ въ плѣнъ, насильно вербуется въ австрійскую военную службу, но затѣмъ бѣжитъ изъ нея и въ теченіе почти трехъ лѣтъ скитается по разнымъ мѣстамъ Германіи. Здѣсь онъ застаетъ всеобщее возбужденіе умовъ, степень напряженія котораго легко себѣ представить, если вспомнить, какое громадное значеніе въ судьбѣ германскихъ государствъ имѣли войны наполеоновскія. Возбужденіе это, между прочимъ, выразилось въ религіозномъ движеніи — мистическомъ *піэтизмѣ*, самымъ вліятельнымъ представителемъ котораго былъ въ то время Юнгъ-Штиллингъ, жившій въ Карлсруэ. Его вліяніе на умы современниковъ было громадно и далеко простиралось за предѣлы Германіи: извѣстно, что его удостоилъ однажды своимъ посѣщеніемъ русскій императоръ Александръ I и долго бесѣдовалъ съ нимъ о томъ, какая изъ христіанскихъ церквей всѣхъ болѣе согласуется съ истиннымъ, чистымъ ученіемъ Христа; а въ Россіи ревностнѣйшей послѣдовательницей его была извѣстная баронесса Крюднеръ. Ученіе піэтистовъ отличалось почти такою-же туманностью и неопредѣленностью, какая замѣчается и въ проповѣди Марцинкевича. Они проповѣдывали возстановленіе чистаго христіанства, призывали своихъ послѣдователей строить новый Іерусалимъ (о чемъ твердилъ и Марцинкевичъ) и основывать тысячелѣтнее царство Божіе. Самъ Штиллингъ, подобно нашему Марцинкевичу, считалъ себя избраннымъ орудіемъ Божіимъ и во всѣхъ приключеніяхъ своей жизни видѣлъ непосредственное божеское руководительство, а его сочиненія съ теченіемъ времени все болѣе принимали характеръ пророчествъ и духовидѣній. Любимою темою проповѣди піэтистовъ обыкновенно служили туманныя прорицанія о грядущихъ бѣдствіяхъ: «времена приходятъ и величайшія несчастія будутъ тяготѣть надъ землею!» многократно прорицала, напримѣръ, въ своихъ письмахъ рьяная послѣдовательница Юнга-Штиллинга, баронесса Крюднеръ. «Буря приближается, все будетъ ниспровергнуто: школы, человѣческія науки, государства и троны. Не будетъ больше священниковъ по образу людей: священство, пріятное Господу, будетъ возстановлено, и будетъ проповѣдываться служеніе

чистой любви, хотя князь тьмы дѣлаетъ все, что можетъ, чтобы воспрепятствовать сему» и т. под.[1]). Не правда-ли, это очень напоминаетъ мистическія прорицанія нашего «пророка!» Но сходство это простирается еще далѣе. Въ тѣ именно годы, когда Марцинкевичъ скитался въ Германіи, тамъ безпрестанно подвизались ученики Штиллинга, выступавшіе съ открытою проповѣдью піэтизма. Намъ болѣе извѣстны подвиги въ этомъ родѣ все той-же баронессы Крюднеръ, нѣкогда блестящей свѣтской женщины, тщеславной куртизанки и великой грѣшницы, старавшейся прельстить Наполеона, а въ то время экзальтированной піэтистки. Она ходила по деревнямъ, собирала вокругъ себя толпы крестьянъ и нищихъ и проповѣдывала имъ о необходимости вѣры, о настоящемъ ученіи Христа, очищенномъ отъ всего, что къ нему примѣшали люди, о покаяніи, о несчастіяхъ того времени и объ ожиданіи въ грядущемъ еще болѣе страшныхъ бѣдствій и т. под. Къ этимъ отвлеченностямъ она нерѣдко присоединяла рѣзкія выходки противъ собственности и противъ людей богатыхъ и предсказывала, что скоро наступитъ царство бѣдныхъ и неимущихъ. Бѣдные люди называли ее «пророчицею» и тысячами стекались со всѣхъ сторонъ, чтобы послушать ея проповѣдей и получить отъ нея милостыню. Правительство не долго терпѣло агитаціонную дѣятельность «пророчицы» и удалило ее изъ предѣловъ Базельскаго кантона, гдѣ она впервые поселилась; та-же участь постигла баронессу затѣмъ въ Баденѣ, Австріи, Виртембергѣ, Баваріи и Саксоніи. Все это очень напоминаетъ исторію скитаній и нашего русскаго «пророка» и его рѣчи о томъ, что правительства «привели въ робость» свои народы и что «лучше не родиться на свѣтъ бѣдному человѣку».

Безспорно, что мистицизмъ Марцинкевича представляется довольно грубымъ по сравненію съ нѣмецкимъ оригиналомъ; но эта разница болѣе всего обусловливается различіемъ культурнаго развитія нѣмецкихъ піэтистовъ и нашего «пророка». При томъ-же,

---

[1]) Русскій Архивъ, 1885 г., кн. 3, статья, «Баронеса Крюднеръ и ея переписка съ княземъ А. П. Голицынымъ».

мы и не считаемъ его послѣдователемъ Юнга-Штиллинга, который никогда не доходилъ до отрицанія самой основы христіанства. По нашему мнѣнію, нѣмецкій піэтизмъ могъ послужить лишь толчкомъ, или вѣрнѣе, отправнымъ пунктомъ, съ котораго началась переработка убѣжденій Марцинкевича, толкнувшая его на путь религіознаго новаторства; но что затѣмъ, свернувъ на этотъ скользкій путь, онъ могъ уже и самостоятельно дойти до нѣкоторыхъ положеній его странной доктрины, а иное и просто могъ заимствовать у духоборцевъ или другихъ имъ подобныхъ сектантовъ.

Ор. Левицкій.

НА ПАМЯТЬ ТЫСЯЧЕЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ СЛАВЯНСКИХЪ ПРОСВѢТИТЕЛЕЙ.

(Рѣчь проф. новорс. у-та Ѳ. М. Успенскаго въ одесскомъ славянскомъ благотворительномъ обществѣ 6 апрѣля 1885 г.).

Мм. гг. Я не могу не чувствовать нѣкотораго смущенія передъ задачей—истолковать передъ вами значеніе совершающагося нынѣ всеславянскаго торжества. Тысячелѣтній юбилей для насъ весьма непривычное слово, въ тысячелѣтнемъ періодѣ вся наша исторія. На нашей памяти исполнилось 1,000 лѣтъ отъ основанія русскаго государства, и только черезъ сто лѣтъ будетъ праздноваться тысячелѣтіе просвѣщенія Руси христіанствомъ. Между тѣмъ, нынѣ мы собрались почтить благодарною памятью несравненныя дѣянія, которыя подготовлялись въ тишинѣ монашеской кельи, но мировое значеніе которыхъ необъятно, ибо сто милліоновъ славянъ соединяютъ съ дѣломъ Кирилла и Меѳодія начало своей исторіи и національнаго самосознанія.

Чтобы оцѣнить заслуги Кирилла и Меѳодія, необходимо сосредоточиться вниманіемъ на слишкомъ отъ насъ отдаленныхъ событіяхъ и отношеніяхъ, на которыхъ лежитъ покровъ таинственности и интересъ къ которымъ у насъ еще не народился.

Припомнить судьбы славянства за тысячу лѣтъ, значитъ въ то-же время привести себѣ на память и начало русской исторіи. И въ этомъ особенное значеніе нынѣшняго торжества, что, будучи всеславянскимъ, онъ въ то-же время есть и національное русское торжество.

Позволяя себѣ сблизить съ дѣятельностью Кирилла и Меѳодія начало руской исторіи, я желаю и обозначить этимъ предметъ нашей бесѣды, и заранѣе снискать себѣ оправданіе, мм. гг., за неизбѣжныя мелочныя и, можетъ быть, скучныя подробности въ надеждѣ, что вы охотнѣй окажете къ нимъ вниманіе ради дорогихъ именъ, которыя выставляю впереди себя.

I.

Переносясь къ судьбамъ славянствъ въ IX вѣкѣ, нельзя пройти мимо византійской имперіи. Въ обстоятельствахъ жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія старая Византія имѣетъ блистательное доказательство своей всемірной культурной миссіи.

Носительница высшей культуры и христіанской вѣры, гордая сознаніемъ своихъ заслугъ—Византія имѣла для славянъ въ IX в. такое же значеніе, какое имѣетъ въ настоящее время Россія на востокѣ. Не столько силой оружія, какъ дипломатіей и превосходствомъ въ умственномъ и гражданскомъ отношеніи, Византійская имперія привлекала подъ свое вліяніе южныя и восточныя славянскія племена, находившіяся тогда въ періодѣ перехода отъ племенной къ государственной жизни. Сила разнообразныхъ вліяній, которыя неизбѣжно распространялись отъ Византіи къ славянамъ, не ограничивалась ближайшими племенами Ѳракіи и Македоніи, но шла при посредствѣ ихъ къ сербамъ, болгарамъ и моравамъ, а чрезъ Крымъ—и къ русскимъ. Было-бы весьма ошибочно измѣрять область византійскихъ вліяній на славянъ протяженіемъ имперіи въ IX в. Точно также нельзя думать о способѣ распространенія византійской образованности въ границахъ опредѣленнаго періода. Византизмъ дѣйствуетъ между славянами съ VI вѣка, постепенно приготовляя изъ нихъ культурные народы, предопредѣленные принять и развивать далѣе усвоенное отъ Византіи. Соприкосновенія между греками и славянами были разнообразны и не ограничивались извѣстнымъ мѣстомъ и временемъ.

Византія была тогда колыбелью европейской образованности, вкуса и изящества, которымъ учились у нея не только южные славяне, но и западно-европейцы. Что удивительнаго въ томъ, если моравскій князь Ростиславъ сознавалъ, что отъ грековъ «распространяется на всѣ страны

добрый законъ», когда не могли не чувствовать того-же и тогдашніе римскіе императоры германской націи. Замѣчательный идеалистъ между германскими императорами, сынъ нѣмца и гречанки Оттонъ III, писалъ, между прочимъ, слѣдующее къ ученому Герберту (впослѣдствіи папа Сильвестръ II): «Не откажитесь прибыть къ намъ и попытайтесь смягчить грубость нашей саксонской натуры и оживить—что въ насъ осталось отъ греческаго изящества. Можетъ быть, вамъ и удастся еще раздуть во мнѣ искорку любви къ греческой наукѣ и пробудить въ насъ мощь греческаго генія».

Можно-ли удивляться, что славяне, бывшіе далеко позади нѣмцевъ въ умственномъ и гражданскомъ развитіи, старались вполнѣ усвоить себѣ византійскіе образцы, перенося къ себѣ безъ разбора рядомъ съ хорошимъ и дурное.

Относительно общаго характера и силы византійскихъ вліяній на славянъ нужно однако сдѣлать одну оговорку. У насъ мало обращается вниманія на то обстоятельство, что, начиная съ VI вѣка, сама византійская имперія стала сильно проникаться славянскимъ элементомъ, который умными политиками и администраторами византійскими своевременно былъ включенъ въ составъ имперіи.

Ѳракія и Македонія, принявшія сильный наплывъ славянскаго населенія, остались византійскими провинціями, но новые поселенцы въ свою очередь выхлопотали себѣ разнаго рода изъятія, вступивъ въ договорныя отношенія къ имперіи. Нашедши въ славянахъ полезныхъ подданныхъ и по преимуществу хорошихъ солдатъ и матросовъ, имперія съ большой для себя выгодой примѣняла колонизаціонную политику и въ Малой Азіи. Въ VII, VIII и послѣдующихъ вѣкахъ тамъ поселены были такія массы славянъ, что съ нихъ однихъ Византія собирала до 50 тыс. войска. Типъ устройства славянъ въ областяхъ имперіи напоминаетъ собой первоначальный способъ отношеній козаковъ къ московскому государству.

Славяне, поступившіе въ подданство къ византійскому императору, составляли передовой постъ славянства и играли роль передаточнаго пункта по части тѣхъ «добрыхъ законовъ», которые исходили изъ Византіи. До IX вѣка македонскіе славяне сохраняли еще особенности своего внутренняго устройства, т. е. жили небольшими колѣнами въ общин-

номъ или задружномъ быту, подъ управленіемъ своихъ колѣнныхъ старшинъ, у грековъ называемыхъ друнгаріями. Правительство требовало отъ славянъ за уступленную имъ землю военной службы и податей и весьма осторожно и съ большой постепенностью дѣлало попытки къ подведенію ихъ подъ обычный въ Византіи административный строй. Прежде всего, конечно, правительство привлекало на свою сторону славянскихъ колѣнныхъ старшинъ, награждая ихъ землями и титулами, воспитывая дѣтей ихъ въ Константинополѣ и дѣлая славянъ полугреками. Въ IX и X в. мы знаемъ нѣсколькихъ славянскихъ князей, получившихъ греческое образованіе и старавшихся усвоить себѣ заимствованные изъ Византіи образцы этикета, роскоши, вкуса къ постройкамъ и стремленія къ измѣненію народнаго быта.

II.

Солунь, мѣсто рожденія св. Кирилла и Меѳодія, была окружена славянскими поселеніями. Не говоря о раннемъ періодѣ, отъ IX до XIV в. славяне жили здѣсь въ значительной массѣ, о которой можно составить себѣ понятіе на основаніи весьма достовѣрныхъ памятниковъ. Нельзя было-бы понять дѣятельность Кирилла и Меѳодія, если не считать ихъ по происхожденію славянами. Въ вѣкъ составленія нашихъ главныхъ источниковъ о жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія, написанныхъ первоначально на греческомъ языкѣ, а потомъ уже переведенныхъ на славянскій, вопросъ происхожденія знаменитыхъ миссіонеровъ не имѣлъ еще остраго характера, и въ паннонскихъ житіяхъ прямо не сказано, кто они были по рожденію: греки или славяне. Но есть рядъ косвенныхъ указаній, которыя кратко заключаются въ слѣдующемъ: 1) у византійскихъ писателей нѣтъ и помина о проповѣднической дѣятельности Кирилла и Меѳодія, чего нельзя объяснить иначе, какъ тѣмъ, что греки не могли усвоить себѣ этой дѣятельности; 2) они прямо называются сыновьями друнгарія, т. е. славянскаго старшины, и св. Меѳодій самъ нѣкоторое время былъ друнгаріемъ, управляя славянскимъ княженіемъ; 3) важнѣйшее дѣло ихъ—изобрѣтеніе славянской азбуки, переводъ священнаго писанія на славянскій языкъ и въ особенности безпримѣрный въ лѣтописяхъ христіанской миссіи успѣхъ служенія ихъ на пользу славянству — нельзя было-бы понять человѣ-

ческимъ умомъ, если-бы Кириллъ и Меѳодій не были сами славяне; 4) греки вообще не обнаружили склонности изучать варварскіе языки для миссіонерскихъ и политическихъ цѣлей.

Въ IX вѣкѣ славяне полагаютъ начало сосредоточенія своихъ силъ и образованія государствъ. Признакомъ того, что извѣстная группа колѣнъ выходила изъ состоянія розни и броженія и вступала въ число государствъ, было тогда просвѣщеніе христіанствомъ и церковная организація. Теперь новыя княжества, королевства и имперіи могутъ возникать посредствомъ дипломатическихъ переговоровъ и соглашеній; тогда первымъ условіемъ признанія извѣстнаго народа въ качествѣ европейскаго было требованіе, чтобы онъ принялъ христіанство. Христіанство было громадной политической и моральной силой въ рукахъ крещеннаго языческаго князя, ибо оно давало ему образецъ государственнаго устройства и вѣрныхъ слугъ, чтобы провести новую организацію. Изъ среды духовенства выходили тогда министры, канцлеры, государственные секретари, а на западѣ губернаторы и военачальники. Церковь давала направленіе всей политической жизни въ Европѣ. Оставаться въ язычествѣ народу, поселившемуся близъ границъ западной или восточной имперіи, было невозможно, какъ нельзя нынѣ, разорвавъ дипломатическія сношенія со всѣми государствами, не рисковать потерей всего.

Эпоха дѣятельности св. братьевъ, такимъ образомъ, была въ высшей степени знаменательной въ исторіи славянства. Отъ первыхъ шаговъ славянъ на новомъ политическомъ поприщѣ зависѣло многое, именно тогда ставился на очередь вопросъ: что могли противопоставить славяне греческимъ и латино-германскимъ вліяніямъ. Окажется-ли у нихъ какое живое народное начало, которое-бы легло въ основаніе ихъ національной жизни, или же подчиненность, подражательность и усвоеніе иностранныхъ образцовъ должно сдѣлаться ихъ вѣчнымъ удѣломъ? Ставился вопросъ какъ о политическомъ, такъ и о народномъ началѣ у славянъ. И этотъ вопросъ своевременно и весьма благопріятно для славянъ разрѣшенъ былъ чествуемыми нами св. братьями.

Прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что проповѣдь у славянъ Кирилла и Меѳодія не ограничивается мѣстомъ и племенемъ, въ которомъ лично подвизались св. братья. Какъ сказанія о ближайшихъ ученикахъ и апостолахъ Христовыхъ расширяютъ кругъ ихъ путе-

шествій и личной христіанской миссіи до отдаленныхъ странъ, такъ и просвѣтительная дѣятельность Кирилла и Меѳодія, по всей вѣроятности ограничивавшаяся южной Русью, Моравіей и Паннопіей, захватила своими послѣдствіями всѣ племена и мѣста, въ которыхъ раздавалась славянская рѣчь. Болгаре, сербы (лужицкіе), чехи, поляки и русскіе не только считаютъ для себя честью связать начало распространенія у себя христіанства съ именемъ Кирилла и Меѳодія, но и долго усвояли себѣ церковный чинъ, отличающій православіе отъ католичества. Чѣмъ больше обострялись отношенія между востокомъ и западомъ, чѣмъ больше разностей возникало въ вѣроученіи и въ церковной практикѣ между Римомъ и Константинополемъ, тѣмъ выше и выше поднимался авторитетъ св. братьевъ и тѣмъ тѣснѣе ихъ дѣло сросталось съ вопросомъ о славянскомъ національномъ самосознаніи и политической самобытности.

Область личной дѣятельности св. братьевъ несомнѣнно была тѣснѣй, чѣмъ можно о томъ судить по народнымъ преданіямъ, сохранившимся почти у каждаго славянскаго племени. Плоды проповѣднической дѣятельности не во всѣхъ славянскихъ земляхъ сохранились, ибо часть славянъ подверглась въ разное время другимъ вліяніямъ, пришедшимъ изъ Рима и разносимымъ латинскимъ духовенствомъ. Въ цѣлости сохранили оставленное Кирилломъ и Меѳодіемъ наслѣдіе русскіе, болгаре и сербы. Но другая сторона просвѣтительной дѣятельности славянскихъ первоучителей носитъ въ себѣ гораздо больше вѣковѣчности и до настоящаго времени остается внѣ измѣненій. Славянскій языкъ перевода священнаго писанія есть памятникъ всеславянскій. Посредствомъ христіанства славянскіе народы введены въ кругъ европейскихъ, при помощи литературнаго языка пріобрѣли средство усвоить себѣ плоды знаній, переданныхъ Византіей. Были весьма трудныя эпохи въ жизни славянства, когда ни одно почти племя не было самостоятельнымъ, находясь подъ чуждой и иновѣрной властью, когда еще не стала русская Москва третьимъ Римомъ,—въ эти эпохи почти единственнымъ дѣятельнымъ началомъ, оберегавшимъ славянъ, былъ богослужебный ихъ языкъ и литературныя преданія, связанныя съ языкомъ церкви и съ именами Кирилла и Меѳодія.

III.

Но изъ всѣхъ славянскихъ народовъ въ охраненіи великаго дѣла славянскихъ просвѣтителей безспорно первымъ долженъ считаться русскій народъ. Это одна изъ загадочныхъ сторонъ въ славянской исторіи, которая продолжаетъ изумлять всѣхъ изслѣдователей. Не русскіе кабинетные ученые и не русская славянофильская партія выдумала роль Россіи въ славянствѣ. Нѣтъ, едва-ли не въ первый разъ она указана была намъ изъ Рима и задолго до славяно-филовъ напомнена была нѣмцемъ Шлецеромъ, который говоритъ: «Кириллъ и Меѳодій и участь его единовѣрцевъ въ другихъ земляхъ неоспоримо принадлежатъ вѣдомству русскаго историка».

Неисповѣдимыми путями русская земля, постепенно воспринявъ дѣло св. братьевъ и усвоивъ себѣ наслѣдство, сохранившееся въ древне-славянской письменности, стала на стражѣ народной и политической самобытности славянъ.

Въ тысячелѣтней исторіи славянства менѣе знаменательна эпоха дѣятельности святыхъ братьевъ, какъ и судьбы преподаннаго ими просвѣщенія, переходившаго изъ страны въ страну.

Позже другихъ славянъ замѣченные исторіей, уступая имъ въ старшинствѣ и пользуясь отъ нихъ разными культурными пріобрѣтеніями—для IX вѣка мы должны еще доказывать свое существованіе. Съ рѣчью о заслугахъ Кирилла и Меѳодія мнѣ пришло на умъ соединить воспоминаніе о Руси IX вѣка, ибо мнѣ думается, мм. гг., что въ періодъ дѣятельности св. братьевъ мы не только причастны были христіанскому ученію, но даже непосредственно слышали его отъ чествуемыхъ нынѣ просвѣтителей.

Болѣе загадочные и менѣе распутанные факты изъ нашей древней жизни связываются съ исторіей Крыма вообще, Корсуня и Судака въ частности. Здѣсь были для восточной Европы IX и X в. окна въ Европу, черезъ Корсунь и Судакъ мы имѣли сношенія съ просвѣщенными народами; отсюда проникали къ намъ иноземныя вліянія. Сюда стремились торговые люди и отсюда открывались морскія сношенія. Русское господство по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей въ IX и X в. является не домысломъ, а необходимымъ объясненіемъ періода

русско-византійскихъ отношеній. Къ сожалѣнію наше научное сознаніе, за теоріей варяжскаго начала въ исторіи, успѣло забыть про ту силу, которая претворила варяговъ въ славянъ. Какъ будто варяги приготовили завоеваніе Кіева, дунайскіе и балканскіе походы, осаду Константинополя, завладѣніе Крымомъ—все это въ IX и X вѣкѣ!

Въ разсмотрѣніи нѣкоторыхъ частныхъ фактовъ я буду отправляться отъ обстоятельствъ жизни Кирилла и Меѳодія.

Около 861 года, т. е. за два года до начала проповѣднической дѣятельности въ Моравіи, св. братья были въ нашемъ Крыму. Поводомъ къ посѣщенію южной Россіи была миссія къ козарамъ, предпринятая по просьбѣ кагана и съ разрѣшенія царя. Въ связи съ козарской миссіей стоитъ рядъ фактовъ, имѣющихъ для насъ глубокое значеніе.

Но чтобы заставить говорить эти факты, нужно дать имъ объясненіе и историческое освѣщеніе, а для этого необходимо напомнить про Русь. Да какая-же Русь въ 860-хъ годахъ?

Между древними самое видное свидѣтельство о Руси какъ по авторитету лица, которому оно принадлежитъ, такъ и по обстоятельствамъ его происхожденія—есть безспорно бесѣды патріарха Фотія, учителя св. Кирилла. Эти бесѣды произнесены были въ 865 г. въ церкви св. Софіи по случаю нападенія на Константинополь Руси Аскольда и Дира (Бесѣды найдены были преосвященнымъ Порфиріемъ на Аѳонѣ въ 1858 г. и изданы въ 1864 г.) «Откуда упалъ на насъ этотъ иперборейскій ужасный ударъ громовый? Вышелъ съ сѣвера народъ, поднялись племена съ крайнихъ предѣловъ земли, въ одно и то-же время мы услышали объ нихъ и увидѣли и узнали. Это народъ неисчислимый, неизвѣстный, получившій имя отъ похода на насъ, ничтожный и бѣдный, но достигшій блестящей высоты и неизмѣримыхъ богатствъ, гдѣ-то въ дали отъ насъ живущій, варварскій, гордящійся своимъ оружіемъ, не имѣющій твердыхъ границъ, неизслѣдованный. Таковъ народъ, который во мгновеніе ока, подобно морской волнѣ, нахлынулъ на наши предѣлы!»

Годъ спустя тому-же патріарху Фотію случилось еще разъ упомянуть о Руси, именно въ окружномъ посланіи, гдѣ указываются заслуги константинопольской церкви по отношенію къ обращенію невѣрныхъ.

«Не только болгаре обращены къ христіанству, но также и тотъ пресловутый народъ, который превосходитъ другихъ грубостью и звѣрствомъ, т. е. такъ называемая Русь. Поработивъ сосѣдніе народы и чрезъ-то чрезмѣрно возгордившись, они подняли руку и на Ромэйскую имперію. Но теперь они перемѣнили безбожную вѣру на чистое христіанское ученіе, вошедши въ число преданныхъ намъ и друзей, хотя не задолго предъ тѣмъ грабили насъ и обнаруживали необузданную дерзость. Въ нихъ возгорѣлась такая жажда вѣры и ревность, что приняли епископа и пастыря и съ великимъ тщаніемъ исполняютъ христіанскіе обряды».

Итакъ, въ свидѣтельствѣ Фотія мы имѣемъ одно изъ древнѣйшихъ извѣстій о русскомъ народѣ. То обстоятельство, что Аскольдъ и Диръ напали на Константинополь въ 865 году, какъ ожесточенные враги, разрушили предмѣстья и пожгли много монастырей на Босфорѣ, конечно, не легко согласовать съ заявленіемъ патріарха Фотія въ 866 г., что тѣ-же русскіе приняли христіанскаго епископа и обнаружили ревность къ христіанскимъ обрядамъ. Совсѣмъ иначе представляется дѣло, если допустить, что въ окружномъ посланіи разумѣются другіе факты, чѣмъ въ бесѣдахъ. Въ первомъ должно видѣть не крещеніе Руси Аскольда и Дира въ Константинополѣ, а указаніе на успѣхъ христіанской миссіи, распространявшейся изъ Корсуня и Сурожа.

Роль этихъ епископскихъ каѳедръ въ дѣлѣ миссіи между славянами у насъ почти совсѣмъ оставляется безъ вниманія, а между тѣмъ прямыя и косвенныя указанія на мѣсто крещенія Руси, какъ извѣстно, одинаково ведутъ къ Корсуню. Нѣсколькими годами ранѣе того, чѣмъ преосвященный Порфирій ознакомилъ съ бесѣдами Фотія, другой ученый, протоіерей Горскій обратилъ вниманіе на два житія Георгія Амостридскаго и *Стефана Сурожскаго.* Въ настоящемъ случаѣ для насъ болѣе интереса представляетъ второе житіе. Любопытно, что память св. Стефана, грека по происхожденію, такъ сказать предвосхищена у грековъ русскими; она празднуется 15 декабря и только въ Россіи. Св. Стефанъ жилъ во второй половинѣ VIII в., онъ былъ патронъ города Судака; о Руси упоминается въ его житіи слѣдующее: «По смерти святаго мало лѣтъ минуло и пришла рать великая изъ Новгорода; князь со многою силою подошелъ къ Сурожу. На десятый день

онъ вломился въ городъ и вступилъ во храмъ св. Софіи, гдѣ были мощи св. Стефана; при этомъ были разграблены богатыя украшенія въ храмѣ и на гробѣ святаго. Но вотъ вдругъ князь разболѣлся, лицо его искривилось и онъ говоритъ приближеннымъ: великій человѣкъ покоится здѣсь, возвратите все назадъ и выведите войско изъ города. Все было исполнено, но князь не выздоравливалъ. Святой сказалъ: если ты не крестишься въ церкви моей, то не возвратишься домой. Тогда князь призвалъ священниковъ, и они крестили его во имя Отца и Сына и св. Духа».

Не можетъ быть сомнѣнія, что житіе Стефана первоначально было на греческомъ языкѣ. Но оно до сихъ поръ не издано. У меня списана копія съ греческаго житія, но это не есть полное житіе, а лишь сокращеніе; о чудесахъ въ немъ только замѣчено кратко, но они не разсказаны. Однако греческое житіе представляетъ и нѣчто любопытное для разъясненія миссіонерской дѣятельности крымскихъ епископскихъ каѳедръ.

О св. Стефанѣ сказано, что онъ былъ поставленъ на сурожской каѳедрѣ подобно свѣтильнику, да свѣтитъ всѣмъ не только *вѣрнымъ*, но и *невѣрнымъ*, не только *ближнимъ*, но и *дальнимъ*, освѣщая и согрѣвая ихъ подобно солнцу.

Заключительныя слова, гдѣ читается, что св. Стефанъ переселился къ Господу 15 декабря, совершивъ многія чудеса при жизни и продолжая совершать по смерти, показываютъ, что составитель краткаго греческаго сказанія имѣлъ уже подъ руками болѣе подробную повѣсть, въ которой могло заключаться и чудо надъ русскимъ княземъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ не открытомъ еще греческомъ оригиналѣ не могло быть рѣчи о новгородской рати, которая появилась вмѣсто козарской или русской подъ перомъ новгородскаго книжника. Для дальнѣйшихъ выводовъ о значеніи агіографической литературы въ вопросѣ о просвѣщеніи Руси христіанствомъ слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ греческомъ житіи Стефана выводится одна благочестивая жена, по имени Ирина, освободившая святаго отъ узъ темничныхъ.

Судакскіе или сурожскіе епископы, подобно корсунскимъ, принимали участіе въ христіанской миссіи между народами, жившими въ южной Россіи. Съ теченіемъ времени, судакская епископія возведена

была въ архіепископію и на оффиціальномъ языкѣ называлась Сугдео-Фулльскою (Σουγδαιοφούλλων, Σουγδοφούλλων), какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, разсмотрѣнная мною прошлымъ лѣтомъ халкинская рукопись, представляющая подобіе лѣтописи Судака. Объ ней можно составить понятіе по выдержкамъ, помѣщеннымъ въ V томѣ «Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей».

Житіе Стефана Сурожскаго давно привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Теперь, когда уже приблизительно опредѣленъ объемъ источниковъ, отъ изученія которыхъ можно ожидать разъясненія темныхъ фактовъ древней русской исторіи, возлагаемыя на агіографическую литературу надежды возрастаютъ больше и больше. Такимъ образомъ, изученіе житій въ особенности провинціальныхъ святыхъ, которыя греками продолжали составляться въ VIII и IX вѣкѣ, является настоятельной задачей нынѣшняго времени.

Останавливая ваше вниманіе на сурожскомъ житіи, я имѣлъ цѣлью сопоставить съ нимъ нѣкоторые факты, относящіеся до пребыванія Кирилла и Меѳодія въ южной Россіи.

Бесѣды патріарха Фотія и Сурожское житіе должны быть сопоставлены съ извѣстіями о пребываніи св. Кирилла и Меѳодія въ Крыму. Во-первыхъ, на это время падаетъ походъ козарскаго воеводы на Крымъ и осада одного изъ крымскихъ городовъ. Козарскій воевода обращенъ былъ къ христіанству проповѣдью Кирилла. Никакъ нельзя допустить, чтобы тотъ самый каганъ, который ожидалъ изъ Византіи ученыхъ мужей и находился съ царемъ въ дружбѣ, могъ въ то же самое время воевать въ Крыму. Если-бы это случилось, то мѣстный стратигъ или губернаторъ Корсуня конечно не позволилъ-бы святымъ братьямъ идти къ кагану. Что нибудь одно: или путешествіе было предпринято не къ козарамъ, или нападеніе на Крымъ сдѣлалъ не козарскій воевода. Обратите вниманіе, что въ IX вѣкѣ, передъ призваніемъ князей, русскіе славяне платили дань козарамъ и составляли часть козарскаго царства, что въ X и XI в. русскіе князья носили титулъ кагановъ, какъ показываетъ между прочимъ извѣстная похвала митрополита Иларіона кагану Владиміру. Этотъ титулъ усвоялся русскимъ князьямъ и за границей, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе историческаго сожительства Руси съ козарами и смѣшенія государственной области того и

другаго народа. Я не берусь утверждать, что св. братья были съ проповѣдью при дворѣ славянскаго кагана, но имѣю основаніе думать, что нападавшій на Крымъ и обращенный св. Кирилломъ воевода былъ не козаринъ, но славянинъ. Мимоходомъ замѣчу еще, что на сказаніе объ обращеніи в. князя Владиміра философомъ несомнѣнно вліяли: сказаніе объ обращеніи болгарскаго Бориса и сочиненіе о козарской миссіи Кирилла и Меѳодія. Во-вторыхъ, между народами, обращенными св. братьями въ христіанство во время козарской миссіи, упоминается загадочное *фулльское племя или кольно:* «бѣше-же въ фульстѣ языцѣ (въ фильстѣ, въ филицѣ, въ филистѣ и др. разночтенія) дубъ великъ и подъ нимъ требы дѣаху»... Св. Кириллъ пришелъ къ этому фулльскому колѣну и началъ проповѣдывать о тщетѣ служенія бездушной твари. Язычники отвѣчали ему: «Не нами это установлено, мы приняли этотъ обычай отъ отцевъ, которымъ дубъ всегда благодѣтельствовалъ и никогда не отказывалъ въ дождѣ, а безъ дождя намъ жить нельзя». Философъ доказалъ имъ ихъ заблужденіе; тогда старшина колѣна подошелъ и поцѣловалъ евангеліе, а за нимъ всѣ присутствующіе. Затѣмъ было срублено дерево, и по молитвѣ святаго ночью пролилъ обильный дождь. Занимавшіеся толкованіемъ этого мѣста изслѣдователи усвоили себѣ взглядъ, что здѣсь разумѣется подъ фулльскимъ колѣномъ населеніе города или области Фуллы. Правда, мѣстоположеніе этого города точно не опредѣлено, но изъ того обстоятельства, что епископъ сурожскій носилъ титулъ и фулльскаго, дѣлаютъ заключеніе къ мѣстонахожденію его въ южной части Крыма по близости отъ Судака (*Кеппенъ,* Крымскій Сборникъ, 177, 178; *Васильевскій,* Житіе Іоанна Готскаго въ Журн. мин. народ. просв. 1877 г., стр. 152).

Есть много обстоятельствъ, заставляющихъ сомнѣваться въ правильности толкованія мѣста о фулльскомъ колѣнѣ въ жизнеописаніи Кирилла. Прежде всего трудно допустить языческія требы въ епископскомъ греческомъ городѣ въ половинѣ IX в. Если-бы проповѣдью св. Кирилла обращены были жители города Фуллъ, это служило-бы не къ чести и архіепископа сугдеофулльскаго и духовенства. Далѣе, выраженіе фулльскій языкъ (γένος или ἔθνος τῶν Φούλλων) не примѣнимо къ населенію города, а именно къ племени или къ колѣну. Наконецъ, самыя подроб-

ности сказанія: поклоненіе дереву, которое посылаетъ дождь, значеніе дождя въ жизни населенія, колѣнный старшина, подающій примѣръ обращенія къ христіанству,—все это такія данныя, которыя непримѣнимы къ греческому южному Крыму. Обратимъ вниманіе хотя на то, что дерево представляется подателемъ дождя. Извѣстно, что въ южномъ Крыму преобладаетъ система орошенія посредствомъ отвода воды изъ горныхъ источниковъ. Такимъ образомъ въ южномъ Крыму едва-ли могъ образоваться культъ дерева—подателя дождя.

Обращеніе фулльскаго колѣна—весьма любопытная для насъ подробность въ проповѣднической дѣятельности святыхъ братьевъ, если поискать другаго толкованія для загадочнаго термина. Даже въ позднѣйшую пору, когда свѣдѣнія византійскихъ грековъ о странахъ на сѣверъ отъ Чернаго моря могли быть менѣе сбивчивы, мы встрѣчаемъ у нихъ рядъ замысловатыхъ выраженій, подъ которыми они разумѣли Россію. Таково между прочимъ выраженіе Фула (Φοῦλη *Mihael Akominatos* изд. Лемброса, 1, 321, II, 216), равносильное Скифіи и Тавроскифіи и обозначающее южную Россію. Если такимъ образомъ перенести фулльское колѣно изъ Крыма въ южную Россію, то получимъ въ дѣятельности славянскихъ апостоловъ одно очень важное обстоятельство, прямо входящее въ область древней русской исторіи.

Приведенное выше свидѣтельство патріарха Фотія объ обращеніи къ христіанству русскихъ совершенно произвольно относимо было нашими церковными историками къ Аскольду и Диру (что въ послѣднее время вполнѣ доказано проф. *Голубинскимъ*, Исторія русской церкви, I, 17—30). Оффиціальное сообщеніе его въ окружномъ посланіи не можетъ подлежать сомнѣнію. Но въ немъ подразумѣвается не обращеніе къ христіанству Аскольда и Дира и не основаніе греческой епископіи въ Кіевѣ, чего въ дѣйствительности не было въ 866 году. Самое вѣроятное и въ сущности единственное основаніе, какое имѣлъ патріархъ Фотій говорить о началѣ христіанства на Руси, заключалось въ донесеніи Кирилла и Меѳодія объ обращеніи нападавшаго на Крымъ воеводы и объ успѣшной проповѣди среди фулльскаго колѣна. Результаты ихъ проповѣднической дѣятельности въ южной Россіи могли быть извѣстны въ Константинополѣ уже въ 863 году.

Оказывается, что существуютъ особенныя причины къ нарочитому почтенію у насъ памяти славянскихъ первоучителей. По всей вѣроятности, первыми христіанами на Руси были именно обитатели южной Россіи, которые въ церковномъ отношеніи подчинялись не кіевской епископской кафедрѣ, о каковой въ X и IX в. нѣтъ и помину, а одной изъ крымскихъ епископій — сурожеско-фулльской или тмутараканской. Этимъ объясняются наши тяготѣнія въ X и IX в. къ Крыму, съ которымъ тогда мы были въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ, чѣмъ съ XI по XVIII столѣтіе.

Преданія сурожской легенды, сказанія о походахъ въ Крымъ и о правахъ на херсонскую область, ходъ распространенія христіанской вѣры изъ Крыма на сѣверъ—все это были живые факты въ X и IX вѣкѣ, но начавшіе приходить въ забвеніе уже въ вѣкъ первоначальнаго лѣтописца. Куманы, половцы, печенѣги и татаре, отдѣлившіе насъ отъ черноморскихъ береговъ, надолго отшибли у насъ память о нашихъ древнихъ сношеніяхъ. Лишь какъ слабый слѣдъ дѣйствительно происходившаго можетъ быть указано воспоминаніе, вошедшее въ первоначальную лѣтопись, что первыя сѣмена христіанства посѣяны были на Руси нѣкоторымъ философомъ.

Возрождающаяся на Руси память о Кириллѣ и Меѳодіѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ возстановленіе нашей исторической и національной памяти. Вотъ почему, мм. гг., сегодняшній праздникъ долженъ отозваться согласнымъ гимномъ по всѣмъ концамъ Россіи.

IV.

Въ ряду славныхъ подвиговъ нашихъ просвѣтителей, есть одинъ безпримѣрный, съ которымъ я затрудняюсь сопоставить чей либо другой. Самая заслуга христіанской проповѣди между славянами была-бы лишена своей силы и жизненнаго значенія, если-бы она не имѣла своимъ основаніемъ крѣпкихъ столбовъ, которыхъ не можетъ сокрушить время. Народы живутъ въ народномъ языкѣ, языкъ есть хранитель народностей. Кириллъ и Меѳодій дали славянамъ эту, охраняющую народность и вѣру, силу въ церковнославянскомъ языкѣ. — Я-бы не исполнилъ своей задачи, если-бы не остановился на выясненіи этой несравненной заслуги въ дѣятельности св. братьевъ. Но позвольте мнѣ

и въ этомъ вопросѣ ограничить свою задачу. Я бы желалъ показать, что высокопросвѣтительная и всеславянская заслуга св. братьевъ, заключающаяся въ изобрѣтеніи славянской азбуки и въ переводѣ священнаго писанія на славянскій языкъ, можетъ быть если не пріурочена, то сближена съ дѣятельностію ихъ въ южной Россіи и частію объяснена ею.

Прежде всего, что можно думать о времени и мѣстѣ происхожденія славянской азбуки?

Не можетъ быть сомнѣнія, что, выступивъ на дѣло проповѣди у моравань, Кириллъ и Меѳодій владѣли уже средствомъ переводить на славянскій языкъ священное писаніе и богослужебныя книги. Точно также извѣстно, что они явились къ князю Ростиславу съ готовымъ уже переводомъ нѣкоторыхъ книгъ. Такимъ образомъ, время изобрѣтенія славянской азбуки и начало перевода священнаго писанія относится къ первоначальному и подготовительному періоду ихъ дѣятельности, который весьма трудно поддается наблюденію.

Что касается до мѣста изобрѣтенія славянской азбуки, къ рѣшенію этого вопроса пытались и пытаются приходить то посредствомъ филологическихъ наблюденій надъ церковнославянскимъ языкомъ, то при помощи изученія историко-литературныхъ данныхъ. Наблюденія надъ языкомъ перевода священнаго писанія, въ связи съ историческимъ изученіемъ живыхъ славянскихъ языкомъ, не привели однако къ точнымъ выводамъ, которые-бы давали основаніе утверждать, что переводъ сдѣланъ былъ для славянъ солунскихъ, или для болгаръ, или для моравань. Съ одинаковымъ правомъ, на основаніи изученія историко-литературныхъ данныхъ (*Бодянскій*, Чтенія въ м. обществѣ исторіи древностей 1863 г., кн. II, стр. 31; *Гильфердингъ*, Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ, стр. 164) можно говорить о близости языка восточныхъ славянъ съ старо-церковнославянскимъ. Въ этомъ смыслѣ и указываютъ какъ на мѣсто изобрѣтенія славянской азбуки на Солунь и Брегальницу въ Македоніи и Корсунь въ Крыму.

Солунь конечно много имѣетъ за себя, какъ родина св. братьевъ. Но любопытно, что многократныя попытки открыть въ Солуни какіе-либо слѣды памяти о св. братьяхъ остались безъ всякаго успѣха. Въ солунской области самымъ популярнымъ святымъ и, такъ сказать, па-

трономъ населенія былъ св. Дмитрій Солунскій. Ему строили храмы, съ его именемъ соединяется большинство народныхъ преданій, сказаній и историческихъ фактовъ (*Григоровичъ*, замѣтка о Солуни и Корсунѣ, Одесса 1872 г.); о Кириллѣ о Мефодіи здѣсь не сохранилось воспоминаній. Укажу въ частности на слѣдующее наблюденіе. Въ каждой области и въ каждомъ народѣ есть особенно излюбленныя личныя имена, которыя всего чаще даются при крещеніи. Сохранилась одна писцовая книга изъ солунской области (изданный мной хиландарскій практикъ), въ которой находимъ до 300 мужскихъ именъ, но между ними нѣтъ Кирилла и Мефодія. Въ связи съ другими указаніями, это послѣднее должно также ослаблять роль Солуни въ вопросѣ объ изобрѣтеніи славянской азбуки.

Какія-же основанія имѣетъ Корсунь считаться мѣстомъ изобрѣтенія славянской азбуки?

Кратковременная дѣятельность св. братьевъ въ южной Россіи привлекаетъ къ себѣ наше любопытство именно потому, что она предшествуетъ ихъ общественной всеславянской миссіи. Во время козарской миссіи Кириллъ и Мефодій, какъ мы видѣли, вошли въ непосредственныя сношенія съ восточными славянами, сдѣлавъ на Руси первыя попытки насажденія христіанства. И въ вопросѣ объ языкѣ перевода священнаго писанія, начатаго до 863 года, личныя сношенія св. братьевъ съ южно-русскимъ славянскимъ населеніемъ конечно не могли оставаться безъ значенія. Прошу, мм. гг., извиненія, что долженъ снова обременять ваше вниманіе мелочами, которыя, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, здѣсь играютъ рѣшающую роль.

При отсутствіи твердыхъ филологическихъ и историко-литературныхъ основаній, по которымъ-бы можно было усвоить языкъ перевода священнаго писанія предпочтительно передъ другими македонскимъ славянамъ, является совершенно правильной задача—возстановить по мѣрѣ возможности забытые слѣды, которые приводятъ Кирилла и Мефодія въ соприкосновеніе съ восточными славянами.

Одинъ изъ такихъ слѣдовъ относится ко времени подготовки Кирилла и Мефодія къ общественной дѣятельности и, такъ сказать, выдаетъ секретъ монастырскаго уединенія. Жизнеописатель Кирилла, разсказывая о жизни его въ Константинополѣ въ должности патріар-

шаго библіотекаря, дѣлаетъ слѣдующую вставку: «онъ ушелъ на Узкое море и скрылся тамъ въ монастырѣ; едва отыскали его черезъ шесть мѣсяцевъ». *Узкое море* не есть географическій терминъ, а переводъ греческаго слова τὸ Στενόν, какъ назывался у византійцевъ Босфоръ. Для насъ съ Узкимъ моремъ соединяются воспоминанія о русско-византійскихъ отношеніяхъ IX и X вѣка, которыя происходили или на Босфорѣ, или на берегахъ Босфора. Въ Русской лѣтописи во всѣхъ этихъ случаяхъ названъ Судъ. Русь Аскольда и Дира «внутрь Суду вшедше, много убійство крестьяномъ сотвориша» (изд. Археографической коммисіи, стр. 20); по случаю нападенія Олега «греци замкоша Судъ и градъ затвориша» (стр. 29); при Игорѣ «Судъ весь пожьгоша» (стр. 43); Ольга приказываетъ сказать греческимъ посламъ: «пусть вашъ царь постоитъ у меня въ Почайнѣ, какъ я стояла въ Судѣ»... (стр. 61).

Между находившимися на Босфорѣ или на Судѣ монастырями былъ и тотъ, близъ котораго въ 907 году засвидѣтельствована русская колонія, т. е. монастырь св. Мамонта. Одной статьей Олегова договора съ греками предусматриваются права и обязанности русскихъ торговыхъ людей, приходящихъ въ Византію и имѣющихъ гостинный дворъ у св. Мамы. Когда былъ основанъ этотъ дворъ, сказать трудно, но что онъ могъ существовать во второй половинѣ IX вѣка, это весьма вѣроятно.

Изъ того извѣстія, что Кириллъ секретно удалился въ одинъ изъ монастырей на Узкомъ морѣ, а не въ Олимпъ или Полихронъ, гдѣ жилъ его братъ, и что, оставаясь здѣсь, онъ не давалъ никому знать о себѣ, я вывожу пока то заключеніе, что знакомство его съ Русью возможно было даже до козарской миссіи, т. е. въ тотъ подготовительный къ общественному служенію періодъ, къ которому должно быть отнесено изобрѣтеніе славянской азбуки.

Но есть гораздо болѣе ясное указаніе на связь кирилловской азбуки съ восточнославянскимъ языкомъ—въ разсказѣ о пребываніи св. братьевъ въ Корсуни. Житіе Константина, въ которомъ находится этотъ разсказъ, составлено очень рано, едва-ли не въ концѣ IX вѣка, и непосредственными учениками св. братьевъ. Историческая цѣнность этого житія признана всѣми изслѣдователями и въ особенности въ той части, которая занимается открытіемъ мощей св. Климента и которая

составлена несомнѣнно очевидцемъ и участникомъ. Будучи составлено въ Моравіи или Болгаріи, т. е. въ земляхъ южно-славянскихъ, жизнеописаніе Кирилла, само собою разумѣется, не могло имѣть тенденцій въ пользу восточныхъ славянъ. Между тѣмъ, въ немъ читается слѣдующее мѣсто о пребываніи Кирилла въ Корсуни: «и нашелъ тамъ евангеліе и псалтырь, написанные русскими письменами, и встрѣтилъ говорящаго на томъ языкѣ человѣка и бесѣдовалъ съ нимъ и усвоилъ себѣ рѣчь его и провѣрялъ въ бесѣдѣ съ нимъ различныя буквы гласныя и согласныя».

Я не нахожу возможнымъ останавливаться здѣсь на доказательствахъ той мысли, что у славянъ были свои письменные знаки и ранѣе азбуки Кирилла и Меѳодія (кириллица). Этотъ очень спорный вопросъ едва-ли въ настоящее время не подготовляется къ разрѣшенію на почвѣ изученія взаимныхъ отношеній кириллицы и глаголицы—и именно въ смыслѣ старшинства послѣдней передъ первою. Чтобы оправдать сдѣланныя указанія на роль восточнаго славянства и въ частности русскаго языка въ изобрѣтеніи Кирилломъ славянской азбуки, я позволю себѣ ограничиться выясненіемъ одной историко-литературной черты, которая должна бросить яркій свѣтъ на занимающій насъ вопросъ.

Возможно-ли было св. братьямъ встрѣтить Русь въ Крыму въ 861 году?

Кому случалось вдумываться въ русскую исторію IX и X вѣка, тотъ пойметъ, что это далеко не праздный вопросъ. Отрывочныя извѣстія, почерпаемыя частію въ греческихъ, частію въ восточныхъ источникахъ, позволяютъ думать о распространеніи русскаго элемента въ IX в. до береговъ Чернаго моря. Но изслѣдователю приходится считаться и съ другими не менѣе реальными выводами изъ фактовъ позднѣйшей исторіи: почему-же Русь, совершая въ IX и X вѣкѣ удачные походы на Константинополь и на Малую Азію, такъ круто повернула въ своей политикѣ съ конца X в. и въ теченіе 700 лѣтъ совсѣмъ пожертвовала своими интересами на Балканахъ и на Черномъ морѣ? Нѣтъ-ли ошибки и преувеличенія въ томъ, что говорятъ о Руси IX вѣка?

Кромѣ лѣтописныхъ извѣстій о роли Руси на Черномъ морѣ въ IX и X в., у насъ есть безцѣнный памятникъ для изученія того-же

вопроса въ *договорахъ Руси съ греками.* Такія формы международныхъ договоровъ, какія представляются на первыхъ страницахъ нашей лѣтописи, составляютъ невѣдомые факты даже для тогдашней западной Европы. Онѣ просто невозможны, если допустить, что Русь была тогда только что выступившимъ на историческое поприще народомъ. Уже въ договорѣ 907 года предусматриваются формы торговыхъ сношеній между Русью и греками, упоминается русскій гостинный рядъ на Босфорѣ у монастыря св. Мамонта, устанавливается порядокъ судопроизводства по тяжебнымъ дѣламъ между Русью и греками. Въ настоящемъ случаѣ для насъ особую важность представляютъ статьи, касающіяся притязаній русскаго населенія въ Крыму и по берегамъ Чернаго моря. Договоры устанавливаютъ напримѣръ взаимныя отношенія славянъ и грековъ по вопросу о кораблекрушеніяхъ,—статья конечно совершенно излишняя, если-бы Русь не владѣла берегами. Херсонская земля составляетъ предметъ спеціальныхъ постановленій. Договоромъ 945 г., князь русскій обязывается не имѣть власти въ этой странѣ и не воевать ее,—статья точно также излишняя, если-бы Русь не дѣлала попытокъ или не могла владѣть херсонской землей, иначе говоря—статья подтверждаетъ попытки русскихъ утвердиться въ Корсунѣ, о которыхъ говорятъ житія Стефана Сурожскаго и Кирилла. Особой статьей предусматривается случай, когда херсонесцы будутъ захвачены русскими на рыбной ловлѣ въ устьяхъ Днѣпра. Греки берутъ съ Руси обязательство не зимовать въ этихъ мѣстностяхъ, иначе не устраивать здѣсь поселеній.

Изъ приведенныхъ мѣстъ можно заключать, что распространеніе русскаго элемента по берегамъ Чернаго моря, а слѣдовательно и въ Крыму, согласно съ документальными свидѣтельствами древней русской исторіи. Вообще-же цѣлымъ рядомъ намековъ и довольно ясныхъ слѣдовъ мы приходимъ къ подтвержденію той мысли, что св. братья могли дѣйствительно лично бесѣдовать съ русскими въ Корсуни.

Мм. гг. Въ знаменательную эпоху славянской жизни, когда только что начиналъ разрѣжаться доисторическій мракъ, покрывавшій восточную Европу, мы встрѣчаемъ славныя имена братьевъ Кирилла и Меѳодія, которые дали славянскимъ народамъ вѣроисповѣданіе, національное и литературное знамя. На этомъ знамени написаны историческія задачи

славянства, съ нимъ тѣсно связаны и минувшія судьбы его. Рядъ событій выдвинулъ изъ среды славянскихъ народовъ русское племя, которое, по своему могуществу, политическому вліянію и извѣстной всѣмъ роли среди славянъ, является въ настоящее время самымъ виднымъ представителемъ вѣроисповѣдныхъ, національныхъ и литературныхъ интересовъ славянства. Мы видѣли, что русскіе имѣютъ до нѣкоторой степени право на ряду съ другими славянами считать себя учениками св. братьевъ. Но съ этимъ правомъ соединяются обязанности и отвѣтственность передъ исторіей. Кириллъ и Меѳодій были не только основатели церковнаго чина, который соблюдаетъ православная церковь, но и просвѣтители народа книжнымъ ученіемъ и, смѣло прибавлю, глубокіе ученые и изслѣдователи. Какъ общественные дѣятели, какъ борцы за идею славянскихъ народностей и основатели общеславянскаго литературнаго языка, они являются въ половинѣ IX вѣка носителями такихъ началъ, которыя и въ настоящее время сохранили жизненную силу. Дѣло славянскихъ первоучителей и въ концѣ XIX вѣка не составляетъ достоянія пережитаго прошлаго.

Чтобы достойно почтить память Кирилла и Меѳодія, намъ не нужно придумывать себѣ новыхъ задачъ и искусственно подогрѣвать общественныя сочувствія. Не къ Солуни и не къ Велеграду должны стремиться наши помыслы, не тамъ мы можемъ принести св. братьямъ угодную жертву. Мы имѣемъ то преимущество даже передъ Кіевомъ и Москвой, что можемъ сказать: мѣсто, на которомъ стоимъ, земля свята есть, ибо южная Россія была свидѣтельницей проповѣднической и просвѣтительной дѣятельности Кирилла и Меѳодія.

Не ясно-ли, что мы находимся въ долгу передъ нашими наставниками и учителями, что такъ мало заботились о возстановленіи ихъ памяти на югѣ. Раскрытіе слѣдовъ дѣятельности Кирилла и Меѳодія въ южной Россіи тѣсно связывается съ изслѣдованіями по древней русской исторіи. Какія широкія задачи открываются въ исполненіи просвѣтительныхъ завѣтовъ Кирилла и Меѳодія! Просвѣщеніе славянъ есть высшая заслуга чествуемыхъ нынѣ св. братьевъ, и всякій вкладъ на пользу просвѣщенія будетъ съ нашей стороны достойнымъ памятникомъ нынѣшняго дня.

Ѳ. Успенскій.

ПРОЭКТЪ УПОРЯДОЧЕНІЯ ДѢЛЪ
римско-католической церкви въ литовскихъ провинціяхъ.

Съ наступленіемъ послѣдняго раздѣла Польши всѣ принадлежавшія ей исконно-русскія области, за исключеніемъ Галиціи, вошли опять въ составъ Россіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ она унаслѣдовала и тѣ общественно-политическіе недуги, которые разъѣдали государственный организмъ Польши и довели ее до совершеннаго паденія. Бороться намъ съ этими недугами было трудно, исцѣлить ихъ въ короткое время нельзя, но и закрывать отъ оныхъ глаза было также невозможно. Мы не можемъ похвалиться ни особою проницательностію въ ихъ распознаваніи, ни быстротою и рѣшительностію принятыхъ противъ нихъ мѣръ; одно время мы думали самыя эти провинціи возвратить Польшѣ, оставивъ ее лишь въ династической связи съ Россіею; даже и теперь, по истеченіи болѣе столѣтія, мы видимъ въ тѣхъ-же провинціяхъ—юго-западномъ и особенно сѣверо-западномъ краѣ проявленіе тѣхъ-же недуговъ. Тѣмъ не менѣе столѣтній періодъ русскаго господства въ возсоединенныхъ областяхъ даетъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ съ нашей стороны парализовать господствовавшее въ нихъ преобладаніе шляхты и духовенства надъ массою населенія и ихъ политическія тенденціи, и едва-ли не самую раннюю изъ нихъ представляетъ собою помѣщаемый ниже проэктъ упорядоченія дѣлъ римско-католической церкви въ предѣлахъ Бѣлоруссіи и Литвы.

Проэктъ этотъ офиціальнаго происхожденія и составленъ тѣмъ-же правителемъ дѣлъ при литовскомъ военномъ губернаторѣ, Иваномъ Щепановскимъ, какъ и помѣщенный въ предъидущей книжкѣ «Кіевской Старины» проэктъ устройства въ тѣхъ-же провинціяхъ казеннаго хозяйства, и притомъ одновременно съ нимъ. Авторъ проэкта мрачными красками рисуетъ положеніе римско-католической церкви въ присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ, произволъ и распущенность высшаго духовенства, поддерживаемаго шляхтою, малочисленность и бѣдность церквей и бѣдственное положеніе народа, не находившаго нерѣдко средствъ къ удовлетворенію своихъ высшихъ религіозныхъ потребностей. Онъ справедливо почитаетъ это за

величайшее зло, находитъ необходимымъ привлечь привилегированные классы къ служенію духовнымъ нуждамъ народа и вручаетъ правительству посредство и контроль въ столь великомъ дѣлѣ. Обращаетъ на себя особое вниманіе смѣшанный (изъ представителей православія, католичества и лютеранства) составъ проэктируемыхъ для указанной цѣли комиссій. Съ остальными подробностями проэкта читатели ознакомятся изъ самого его содержанія.

Древнія преданія и новѣйшіе опыты довольно доказываютъ, что благоденствіе народовъ существовало только при почитаніи и соблюденіи законовъ и обрядовъ вѣры, и что напротивъ того, паденіе величайшихъ государствъ, было слѣдствіемъ ослабленнаго уваженія къ религіи.

Одни искуствомъ къ пріятному и выгодному употребленію изобрѣтенныя способы не доставляютъ роду человѣческому спокойствіе души, безъ котораго частное и общее блаженство сохраняемо быть не можетъ.

Щастливая нынѣ и процвѣтающая Россія болѣе всякаго инаго государства бдѣть должна, чтобы многочисленные, подъ ея скипетромъ состоящіе народы, пользуясь блаженною толеранціею правительства, неупустительно почитали и исполняли все то, что исповѣдываемая ими религія отъ нихъ требуетъ.

Къ сожалѣнію однако-жъ сказать должно, что въ ново отъ Польши къ Россіи присоединенныхъ провинціяхъ, а особливо въ губерніяхъ литовскихъ, состояніе латинско-католической церкви, часъ отъ часу хуже становится. Поводы и неминуемыя слѣдствія привлекутъ наконецъ вниманіе (и безъ того бѣднаго) земледѣльца, которой, потерявши единожды должное уваженіе къ своей религіи, звѣрскимъ своимъ чувствіемъ нарушить можетъ собственное и общее спокойствіе.

Извѣстно, что по положеніямъ бывшаго польскаго правленія, званіе духовное, будучи совмѣстнымъ законодателемъ и правителемъ государства, легко соединяло користолюбивыя свои выгоды съ властіею религіи.

Безвластные короли и (по интересу или по невѣжеству въ обрядахъ государственнаго собранія несогласующіеся дворяне) не

рѣдко прибѣгали къ политическо-религіозному покрывалу духовенства для достиженія желаемыхъ ими успѣховъ.

Слѣдствія показали, что между прочими и злоупотребленная власть религіи, развративши умъ и сердце народа, довела сіе нѣкогда пространное государство до совершеннаго уничтоженія.

Но и нынѣ усмотрѣть еще можно слѣды сего печальнаго безпорядка, а именно: почти всѣ латинско-католическаго обряда приходскіе церкви въ тѣхъ провинціяхъ состоятъ по прежнему (по поводу большихъ съ нихъ доходовъ) во владѣніи знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій; многіе съ нихъ пользуются и многими вдругъ приходами, въ которыхъ едва сами побывали, собираемыя съ нихъ доходы проживаютъ (съ соблазненіемъ даже) въ городахъ и другихъ своихъ помѣстьяхъ; а содержатъ при церквахъ бѣдныхъ недоучёныхъ намѣстниковъ на жалованіи весьма скудномъ, такъ что они и по нуждѣ и по своенравію пріискиваютъ безъ разбору и непозволительныя средства къ выгоднѣйшему ихъ содержанію. О соблюденіи-же должнаго порядка, сохраненіи въ годности церкви и ея убранства, и объ надлежащемъ прихожанамъ духовномъ угожденіи никто не печется.

По селеніямъ въ литовскихъ губерніяхъ съ прискорбіемъ увидѣть можно большую часть церквей въ толико ветхомъ состояніи, что опасно входить въ нихъ даже и на службу Божію; утварь, неприличная священному употребленію, церковь окружающіе и отдаленныя кладбища не огорожены, такъ что сіи священныя мѣста, почти всегда безпокоиваемыя нечистымъ скотомъ, не могутъ никому внушить должнаго имъ почтенія. Но всего хуже есть то, что вездѣ почти большая часть прихожанъ не могутъ пользоваться священными угодьями религіи, потому что при основаніи приходскихъ церквей не взирали на отдаленность селеній, а старались только какъ можно больше причислять ихъ къ приходу для пользы священниковъ и помѣщичьихъ кабаковъ. Многіе нынѣ христіане, по поводу отдаленности, или вовсе не ходятъ, или теряютъ дорогое время, отлучаясь отъ домовъ для хожденія въ дальнюю церковь, а нерѣдко отдаленные прихожане

и умираютъ безъ приличнаго духовнаго призрѣнія, оставляя душетомлящее соблазненіе сожителямъ своимъ; сверхъ того церковный законъ признаетъ не важными всѣ исправленные религіозные обязанности въ другой приходской церкви, и бѣдные прихожане не смѣютъ пользоваться въ ближайшихъ церквахъ угодьями, которыми они по большой отдаленности въ приходской ихъ церкви пользоваться не могутъ. Словомъ, опустошеніе церковнаго строенія и убранства, отдаленность прихожанъ отъ приходскихъ церквей, неспособность и корыстолюбіе опредѣленныхъ намѣстниковъ, и соблазнительная жизнь въ роскошѣ обрѣтающихся пробощовъ, часъ отъ часу уменьшаютъ почтеніе народа къ обрядамъ религіи, а праздность, мать всѣхъ пороковъ, побуждаетъ прихожанъ заниматься упражненіями, нравственности и политикѣ весьма вредящими; положеніе же присоединенныхъ отъ Польши провинцій окружено завидующими Россія державами; образъ ихъ правленія въ пріобрѣтенныхъ ими отъ Польши частяхъ искусно привлекаетъ къ нимъ простой народъ, въ то самое время, когда съ россійской стороны и по нынѣ не доставлено земледѣльцу противу прежняго никакой личной выгоды. Справедливо потому опасаться должно, что по званію своему утѣсненный нуждою народъ простой, не будучи обезпеченъ и поддерживаемъ религіею, не только бѣгствомъ своимъ обезсиливать станетъ границы, но что, по малодушію его, оныя всегда пребудутъ въ безнадежной защитѣ отъ зазорывающихъ сосѣдовъ.

Политика и моральность требуютъ того, чтобы правительство сколь можно спѣшило отвратить отъ опустошенныхъ тѣхъ провинцій величайшее зло. Приведеніе въ надлежащій порядокъ церковныхъ дѣлъ есть главная и непосредственная потребность; а дабы удобнѣе успѣвать въ семъ предпріятіи, то:

1-е.

Правительство нарядить во всякой губерніи коммисіи.

2-е.

Опредѣлить отправленнымъ коммисарямъ нарочитую, на дневное ихъ содержаніе нужную сумму денегъ, которые изъ доходовъ

приходскихъ, въ губерніи нынѣ пробощами получаемыхъ, въ соразмѣрности взяты быть должны.

3-е.

Въ члены сихъ коммисій назначить должно людей, не только обряды, правила и обычаи латинско-католической церкви знающихъ, но и по твердости характера, и по приверженности къ государю и отечеству отличающихся.

4-е.

Всякая коммисія составлена будетъ изъ 6-ти членовъ, то есть двухъ греческо-россійскаго, двухъ католическаго и двухъ лютеранскаго или реформатскаго исповѣданія, отъ всякаго закона членъ будетъ одинъ свѣтскаго, а другой духовнаго званія.

5-е.

Предсѣдателями и секретарями всѣ по очереди члены ежедневно перемѣняться будутъ для сохраненія равновѣсія въ ихъ голосахъ.

6-е.

Для соблюденія порядка и поспѣшности въ дѣлахъ особые при всякой коммисіи наряжены будутъ прокуроры или стряпчіе.

7-е.

Никакое въ губерніи присутственное мѣсто не должно вмѣшиваться въ дѣянія сихъ коммисій, губернское правленіе дѣлать будетъ всякое по обстоятельствамъ нужное пособіе коммисіи, которая, окончивши порученное ей дѣло, представитъ оное прямо правительствующему сенату.

Сіи коммисіи должны изслѣдовать:

А.

Кѣмъ, когда и на какомъ основаніи гдѣ церковь построена была.

В.

Описать, въ какомъ она нынѣ состояніи находится и что по оному сдѣлать нужно.

C.

Показать, какія недвижимыя имѣнія, денежныя суммы и всякаго рода доходы означены были на содержаніе церкви, сколь-поныне дѣйствительно доходу собирается и куда сколько употребляется.

D.

Сообразаясь съ мѣстоположеніемъ, коммисія должна узнать и показать, сколько точно гдѣ нужно опредѣлить для церковнаго впредь содержанія деньгами, или по удобности другими угодьями.

E.

Вѣрную сочинить вѣдомость причисленнымъ ко всякой церкви прихожанамъ, съ показаніемъ разстоянія ихъ селеній отъ церкви и гдѣ-бы въ случаѣ нужды удобно было построить еще новую церковь.

Узнать состояніе имущества и способности опредѣленныхъ нынѣ пробощовъ и намѣстниковъ.

F.

Показать, какъ давно нынѣшніе пробощи пользуются доходами приходской церкви и сколько они дѣйствительно употребили изъ тѣхъ доходовъ въ пользу церкви.

Правительство изъ полученныхъ таковыхъ вѣдомостей легко усмотритъ, что сохранить и что ради пользы отмѣнить нужнымъ окажется.

А между тѣмъ слѣдующія распоряженія кажутся необходимо нужны:

1-е.

Чтобъ всякая приходская церковь особаго имѣла пробоща, который обязанъ жить въ приходѣ своемъ и отвѣчать правительству за всѣ должности, до его званія касающіяся.

2-е.

Опредѣленіе въ пробощи по представленію отъ приличныхъ мѣстъ и по согласію большинства прихожанъ должно быть высочайшимъ имяннымъ указомъ утверждено.

3-е.

Намѣстники пробощовъ нигдѣ при церквахъ терпимы быть не должны; гдѣ-же по мѣстному положенію обрѣтающееся великое число прихожанъ того (все) требуетъ, опредѣлить по имянному-же указу съ жалованьемъ, нужное число священниковъ въ помощники, которые впредь, смотря по заслугамъ и по старшинству, произведены будутъ въ пробощи на вакансіи.

4-е.

Никто изъ пробощовъ и помощниковъ да не смѣетъ отлучиться отъ церкви, даже и на 24 часа, безъ нарочитаго на то письменнаго отъ гражданскаго и духовнаго начальства дозволенія.

5-е.

Число прихожанъ къ одной церкви полагать должно въ уѣздѣ на одного священника до 350, а въ городахъ до 800 обоего пола душъ.

6-е.

Разстояніе селеній отъ приходской церкви не должно превосходить 7-ми верстъ.

7-е.

Всѣ нынѣ находящіяся при церквахъ недвижимыя имѣнія или капитальныя суммы поступить должны въ казенную вѣдомость, изъ нихъ основать должно удобнѣйшія доходы и употребить на содержаніе церквей, церковныхъ служителей, приходскихъ училищъ и госпиталей, которыя учредиться должны въ каждомъ приходѣ.

8-е.

Наличныя жалованья, или вмѣсто оныхъ хозяйственныя угодья для церковныхъ служителей, опредѣлены быть должны соразмѣрно состоящимъ въ тѣхъ мѣстахъ цѣнамъ съѣстныхъ припасовъ. Самое большое-же жалованье пробощу полагать должно по 500, а помощнику по 300 рублей въ годъ. При томъ домы и огороды казенные, а дрова по раскладкѣ отъ прихожаныхъ помѣщиковъ получать будутъ, прочимъ нижнимъ служителямъ по обыкновеніямъ и по мѣстоположеніямъ содержаніе означено будетъ.

9-е.

Починка всякаго рода при строеніяхъ церковныхъ служителей, приходскихъ школъ и госпиталей возложена будетъ касательно матеріаловъ и денежныхъ издержекъ на помѣщиковъ, распредѣливъ оные соразмѣрно пространству ихъ земли въ приходѣ состоящей. Ручная-же простая работа и перевозка матеріаловъ міромъ—прихожанами въ приличномъ времени исправляема быть можетъ.

10-е.

Для построенія въ нужныхъ мѣстахъ новыхъ церквей помѣщики прихода доставятъ, по мѣрѣ владѣемой ими земли, находящіеся въ ихъ имѣніяхъ матеріалы безденежно; простую ручную работу прихожане поселяне сдѣлаютъ; всякія-же денежныя издержки, яко-то: на покупку не имѣющихся въ приходскихъ помѣстьяхъ матеріаловъ и на заплату мастеровымъ, казна изъ доходовъ приходскихъ уплачивать должна будетъ.

11-е.

Во всякомъ уѣздѣ дворянство изберетъ на три года отъ себя трехъ инспекторовъ, поведеніемъ и благонравіемъ своимъ общаго удостоившихся почтенія; они обязаны будутъ ежегодно объѣхать въ приличномъ времени всѣ въ уѣздѣ находящіеся приходскіе

церкви, осмотрѣть и представить по данному имъ наставленію все, что нужно будетъ правительству знать по церковнымъ дѣламъ; уѣздное дворянство складкою, соразмѣрною пространству ихъ земли, заплатить должно издержки, на сей проѣздъ употребленныя испекторами.

12-е.

Со стороны духовенства назначить нужно, кромѣ епархіальнаго начальства, при 4-хъ приходскихъ церквахъ по очереди одного изъ пробощовъ инспекторомъ на три года. Должность его будетъ объѣзжать на подставленныхъ отъ прихожанъ лошадяхъ свою инспекцію единожды въ годъ, изслѣдовать и смотрѣть за точнымъ соблюденіемъ порядка церковнаго и исполненіемъ должности церковными служителями, а обо всемъ гражданскому и духовному въ губерніи начальству доставлять вѣдомости; на непредвидимый расходъ назначить съ доходовъ приходскихъ ему инспектору въ годъ по 50-ти рублей.

Сіе распоряженіе по дѣламъ латинско-католической церкви не только не причинитъ казнѣ никакого убытка; но напротивъ того симъ образомъ знатные, понынѣ во зло употребленные, доходы обращены будутъ въ общенародную пользу.

13-е.

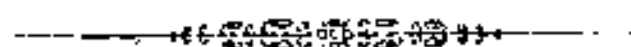
Изъ сихъ-же доходовъ слѣдуетъ содержать высшее духовенство съ соразмѣрнымъ жалованьемъ.

14-е.

Равнымъ образомъ взять должно въ казенное вѣденіе всѣ монастырскія имѣнія и капиталы, а вмѣсто того назначить *во первыхъ* по обстоятельствамъ нужное число во всякомъ монастырѣ монаховъ, *а во вторыхъ* положить имъ жалованье отъ 150-ти до 300 рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобы они кромѣ исполненія под-

лежащихъ званію ихъ должностей, элементарныя преподавали науки недостаточныхъ родителей дѣтямъ, желающимъ учиться, и приготовляли ихъ къ дальнѣйшимъ въ народныхъ училищахъ наукамъ.

Правитель дѣлъ при литовскомъ военномъ губернаторѣ:
Надворный совѣтникъ *Иванъ Щепановскій.*

Библіографія.

Историческіе матеріалы изъ архива кіев. губ. правленія. Вып. 8-й. Сост. Ал. Андріевскимъ. Кіевъ. 1885 г.

Изъ мрачныхъ, сырыхъ, съ кирпичнымъ поломъ подваловъ извлекаетъ г. Андріевскій печатаемые имъ «историческіе матеріалы», которые безкорыстно отъ времени до времени приноситъ въ даръ наукѣ, не думая о прибыткѣ или славѣ, но спасая то, что обречено на гибель и истлѣніе. Работать въ такой обстановкѣ, при такихъ условіяхъ, рѣшительно подвигъ, и г. Андріевскій совершаетъ 8-й подвигъ, выпуская въ свѣтъ 8-ю книжку «матеріаловъ». Дай Богъ ему здоровья для будущихъ выпусковъ!

Что до настоящаго, въ немъ тотъ-же безспорный интересъ матеріала при отсутствіи систематизаціи онаго, при недостаткѣ нарочитаго подбора актовъ однородныхъ. И неудивительно: издатель печатаетъ обрывки дѣлъ и вноситъ все, что представляетъ историческій интересъ. Отсюда то большее разнообразіе въ содержаніи, которымъ отличается и настоящій выпускъ, какъ и всѣ предшествующіе. Впрочемъ, при всемъ разнообразіи изданныхъ теперь актовъ, нельзя не замѣтить, что всѣ они относятся главнымъ образомъ къ внутренней исторіи г. Кіева, и это связываетъ ихъ въ одинъ сборникъ.

Въ ряду напечатанныхъ въ настоящемъ выпускѣ дѣлъ особенное вниманіе обращаетъ на себя дѣло о наслѣдствѣ, оставшемся по смерти кіевскаго войта половины прошлаго столѣтія, Павла Войнича. Оно не сообщаетъ правда фактическихъ данныхъ о личности этого войта, вообще мало извѣстной, и касается лишь мимоходомъ его общественной дѣятельности, по поводу налога на него и другихъ членовъ магистрата за неправильно рѣшенное въ судѣ дѣло, но за то рисуетъ съ большими

подробностями его домашній быть. Такое значеніе имѣютъ приложенныя къ дѣлу завѣщаніе и «опись пожитковъ его благородія привилїованнаго войта». Какъ и естественно ждать, Войничъ скопилъ немало добра: у него много одежды, посуды и вообще всякой домашней утвари; осталось и недвижимое имущество, хотя оно и не все въ завѣщаніи означено и нельзя потому судить о размѣрахъ онаго. Впрочемъ, кромѣ доли зятя его, бурмистра Петра Тихоновича, о которой узнаемъ вскользь изъ просьбы Войнича о поминовеніи души его, въ завѣщаніи упоминаются три большія усадьбы съ семью жильцами («куничниками»), двѣ торговыя лавки, хуторъ на Пріоркѣ и дворъ, въ которомъ жилъ самъ Войничъ. Послѣдній, вѣроятно, представлялъ собою лакомый кусокъ, ибо имъ воспользовался путемъ захвата, по смерти Войнича, генералъ-маіоръ сербской націи Хорватъ: «наѣхалъ» и всѣмъ завладѣлъ. Когда-же впослѣдствіи оказалось, что даромъ воспользоваться дворомъ нельзя и что наслѣдники готовы возбудить искъ, то Хорватъ предложилъ въ уплату 500 р., во что былъ оцѣненъ домъ магистратомъ. Необходимость пріобрѣтенія для себя этого дома генералъ сербской націи мотивировалъ тѣмъ, что «ему, по должности его православія», необходимо пріѣзжать со всей своей фамиліей въ Кіевъ на поклоненіе св. мѣстамъ, «что по крайности въ годъ случиться можетъ до двухъ или трехъ разъ». И таково было тогда обаяніе сербскихъ выходцевъ, что Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ, вопреки волѣ наслѣдниковъ, порѣшила отдать дворъ Войнича Хорвату.—Новая черта для характеристики любопытнаго «генерала сербской націи».

Опись имущества Войнича открываетъ намъ отчасти духовные интересы войта. Вотъ перечень его книгъ: 1) Новый Завѣтъ, чвертковій, въ золотомъ пергаминѣ; 2) Псалтирь, въ пергаминѣ, подъ золото оправленая; 3) Псалтирь, вовсе ветхая; 4) Акафистникъ, старый, чвертковій; 5) Павечерникъ, чвертковій; 6) Октоихъ, чвертковій, старый; 7) Полуставъ, получвертковій, въ бѣломъ пергаминѣ; 8) Полуставецъ старый; 9) Бесѣды св. Іоанна Златоустаго на дѣянія св. апостоловъ; 10) Бесѣды св. Макарія; 11) Слово, поученіе; 12) Вѣнецъ Христовъ; 13) Царскій путь; 14) Гисторія о Варлаамѣ и Іосифѣ св. Іоанна Дамаскина; 15) Книги Діонисія Ареопагита; 16) Перло многоцѣнное и 17) Книги объ антихристѣ. Книгъ юридическаго содержанія было у войта всего двѣ: «Процессъ польская» и Литовскій Статутъ; историческаго содержанія одна: «Книга историческая писанная» (вѣроятно, списокъ какой-нибудь изъ южнорусскихъ лѣтописей). Были еще у войта «папѣри, невѣдомо какіе, въ звязки за четырма печатми переопечатовани», и наконецъ «книжка за-

писная, порожня».—Обычный подборъ книгъ у людей того времени: помнили они долгъ христіанскій, любили почитать и книгу историческую.

По поводу спора о наслѣдствѣ войта и взысканіи съ него, приводится списокъ должностныхъ лицъ магистрата съ означеніемъ количества получаемаго ими жалованья. Въ 1752 году войтъ получалъ въ годъ 100 р., шесть бурмистровъ по 60 р. каждый, шесть райцевъ по 60 р., шесть лавниковъ по 20 р., шесть инстигаторовъ по 16 р. 96 к., писарь 60 р. Съ жалованьемъ копіистовъ, разныхъ канцелярскихъ служителей и расходовъ по канцеляріи содержаніе магистрата стоило городу ежегодно около 1,200 р., а какъ средній доходъ города, по даннымъ настоящаго выпуска, составлялъ въ годъ 5,500 р. и остатки ни откуда не видны, то можно полагать, что жалованье «урядовыхъ людей» составляло немного болѣе $^1/_4$ всѣхъ расходовъ или почти 22% по отношенію къ нимъ. Мы не считаемъ натуральнаго довольствія чиновъ магистрата выдачею имъ двойнаго вина, меда, пива и дровъ. Сопоставляя помѣщенный въ этомъ-же выпускѣ штатъ канцеляріи кіевскаго генералъ-губернатора, мы находимъ тамъ гораздо высшіе денежные оклады (переводчикъ получалъ въ четыре раза больше самаго войта), но эта разница въ значительной степени пополнялась сколько натуральнымъ довольствіемъ магистратскихъ чиновъ, столько и доступностію для нихъ разнаго рода промысловъ.

Не безъинтересенъ въ сборникѣ списокъ кіевскихъ полиціймейстеровъ съ 1734 по 1774 годъ, и нѣкоторыя случайныя о нихъ свѣдѣнія. Одинъ, напримѣръ, характеризуется въ дѣлахъ какъ строгій блюститель нравственности, преслѣдующій «оказавшихся въ блудодѣяніи великороссійскихъ и малороссійскихъ женокъ» и наказывающій ихъ плетьми, другой обвиняется «въ непорядочныхъ поступкахъ относительно мясныхъ торговцевъ»...

Въ сборникѣ г. Андріевскаго есть интересныя свѣдѣнія о смерти и погребеніи графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго († 8 декабря 1796 г.); къ сожалѣнію издатель опустилъ самый любопытный въ дѣлѣ актъ, именно—церемоніалъ погребенія этого сановника, похороненнаго, какъ извѣстно, въ великой успенской церкви кіево-печерской лавры.

Нельзя не пожалѣть также, что «рапорты кіевскаго магистрата о томъ, сколько котораго числа и съ какой болѣзни живущихъ въ нижнемъ городѣ Кіево-Подолѣ обывателей померло», не приведены цѣликомъ. Они относятся ко осеннему времени съ 4-го сентября по 8 октября и особенно важны потому, что показываютъ нормальную смертность,

такъ какъ по свидѣтельству врача ни на комъ изъ умершихъ «опасной болѣзни знаковъ не явилося».

Очень любопытны въ книжкѣ Андріевскаго выдержки изъ дѣла по приводу къ присягѣ въ 1754 и 1760 годахъ на вѣрноподданство студентовъ академіи. Какъ видно, составленъ былъ списокъ учениковъ, въ которомъ указывались: «имена и прозванія, гдѣ кто родился, коихъ родителей сыны, сколько кому отъ роду лѣтъ, а ежели зъ заграницы вышедшія, то котораго повѣту или полку, чрезъ которые форпосты и котораго году въ Кіевъ пришелъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ указаны уніаты и всѣ ученики вообще раздѣлены по классамъ. Эта вѣдомость—первостепенной важности документъ; она стоитъ всего «дѣла о присягѣ», но, къ сожалѣнію, издатель не приводитъ его.

Нѣчто подобное встрѣчаемъ въ концѣ сборника. Сообщается, что въ 10 часовъ вечера 26 марта 1790 года «чувствовано въ Кіевѣ легкое землетрясеніе, продолжавшееся около трехъ минутъ, ощутительнѣе-же сіе было въ Старомъ Кіевѣ и на Подолѣ». Г. Андріевскій замѣчаетъ при этомъ, что приведенный фактъ извлеченъ имъ изъ связки «репортовъ городничихъ и нижнихъ земскихъ судовъ, изъ которыхъ сочинена къ Е. И. В. о благосостояніи реляція за 1-ую половину марта мѣсяца 1790 года». Намъ кажется, что изъ указанныхъ репортовъ можно было бы извлечь болѣе цѣнныя, особенно цыфровыя данныя, и мы сожалѣемъ объ отсутствіи ихъ.

Остальныя извлеченія изъ старыхъ дѣлъ, собранныхъ г. Андріевскимъ, характеризуютъ быть духовенства, чернаго и бѣлаго, чиновничества, мѣщанства и крестьянства, и будущій историкъ Кіева не разъ поблагодаритъ издателя за его кропотливый, добросовѣстный трудъ, значеніе котораго достаточно ясно и изъ приведенныхъ нами выдержекъ.

И. Каманинъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ. Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ. Харьковъ. 1885 г.

Авторъ названнаго сочиненія принадлежитъ къ числу плодовитыхъ ученыхъ. Въ короткій промежутокъ времени имъ написано около полутора десятка болѣе или менѣе обширныхъ статей по исторіи южнорусской литературы и по исторіи русскаго быта и міросозерцанія. Особенно могли-бы быть важны по своимъ практическимъ результатамъ послѣднія работы, если-бы они проникли, въ измѣненномъ для этой цѣли видѣ, въ среду грамотнаго сельскаго люда, гдѣ особенно сильны всякіе предразсудки, поддерживаемые глубокимъ невѣжествомъ и гдѣ до

сихъ поръ двоевѣріе составляетъ обычное явленіе. Понятно, что популяризованныя сочиненія, подобныя названному выше, полезны тѣмъ именно, что разъясняютъ происхожденіе многихъ обычаевъ, уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ отъ времени язычества и удерживающихся слѣпою вѣрою въ нихъ необходимость и суевѣрнымъ страхомъ предъ тяжкой карой, постигающей нарушителя ихъ. Что же касается до научнаго значенія этихъ сочиненій, то объ этомъ и рѣчи быть не можетъ, потому что безъ предварительнаго разрѣшенія такихъ вопросовъ, какъ затронутый г. Сумцовымъ о хлѣбѣ, «нельзя понять ни древняго міросозерцанія, ни современнаго народнаго міросозерцанія, насколько его загромоздили обрывки и обломки стародавнихъ воззрѣній на природу и человѣка».

Приступая къ изслѣдованію обрядоваго употребленія хлѣба, авторъ прежде всего указываетъ на глубокую древность земледѣлія на востокѣ, потомъ въ Европѣ и наконецъ у славянъ, въ связи съ которою стоитъ древность хлѣбныхъ обрядовъ, опредѣляемыхъ древними формами быта и древними способами приготовленія хлѣбной пищи. По мнѣнію автора, приготовленіе хлѣбной пищи прошло нѣсколько послѣдовательно измѣнявшихся ступеней развитія (простое поджариваніе зеренъ, размельченіе ихъ и употребленіе въ пищу въ смоченомъ водѣ, въ видѣ кашицы и приготовленіе печенаго хлѣба). Сообразно съ этимъ, осыпанье и посыпанье хлѣбнымъ зерномъ есть древнѣйшая форма обрядоваго употребленія хлѣба и обнаруживается въ наиболѣе архаичныхъ явленіяхъ народнаго быта: въ заговорахъ (лѣченіе лихорадки), на свадьбахъ (осыпаніе зерномъ молодыхъ), на рождественскихъ святкахъ («засѣванье» мальчиками), при встрѣчѣ дорогаго гостя (осыпанье), на крестинахъ (посыпанье зарытаго подъ поломъ родоваго послѣда) и при похоронахъ (посыпанье зерномъ мѣста, гдѣ лежалъ покойникъ). За употребленіемъ хлѣбныхъ зеренъ слѣдуетъ обрядовое употребленіе каши на рождественскихъ святкахъ (кутья), свадьбахъ (кормленіе молодыхъ кашей), родинахъ (моленіе каши), похоронахъ (коливо) и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Въ связи съ обрядовымъ употребленіемъ каши и напитковъ (на свадьбахъ) авторъ ставитъ обрядовое разбиваніе посуды. Предполагая, что каша есть спеціальное родинное кушанье, онъ считаетъ круглый хлѣбъ отличительною особенностью свадьбы, на что указываетъ общее во всѣхъ славянскихъ земляхъ названіе его короваемъ, при чемъ всякія другія названія составляютъ лишь мѣстную его замѣну. Указавъ отличительныя особенности свадебнаго хлѣба: его величину, круглую форму, часто отверстіе въ срединѣ и наконецъ наружныя украшенія изъ тѣста или бумаги, имѣющія символическое значеніе, г. Сумцовъ изслѣдуетъ далѣе употребленіе хлѣба въ разныхъ его видахъ, со значеніемъ жертвы или

символа, въ различные праздничные дни языческой эпохи, къ которымъ пріурочены были потомъ праздники христіанскіе, а именно въ рождественскіе святки и масляницу и примыкающія къ послѣдней: Заклинаніе весны, Красную Горку, Егорій весенній, Семикъ и Троицынъ день, а также въ праздники Купала и обжинокъ, къ которымъ примыкаютъ Ярило, Семеновъ день, Госпожка, Егорій осенній, и указываетъ употребленіе его въ эти праздники то въ видѣ каши, прижанины, крачуна, блиновъ, вареникова, хвороста, «Boži milosti» и тутманика, то въ видѣ креста, благовѣщенской просфоры, лѣсенки, пасхальныхъ куличей, блиновъ на Вознесеніе, Георгіевскаго коровая, троицкаго коровая, купальской кулаги, бабки и проч. Къ праздничному употребленію хлѣба авторъ причисляетъ употребленіе его при разнаго рода обстоятельствахъ: при отъѣздахъ, постройкахъ, новосельи, во время пожара, на имянинахъ, при первомъ выгонѣ скота въ поле, при сборѣ зелья, при посадкѣ и уборкѣ капусты и при пчеловодствѣ. Слѣдуетъ затѣмъ объясненіе употребленія хлѣба для гаданій, упоминаніе онаго въ поговоркахъ, примѣтахъ и повѣрьяхъ, какъ предмета священнаго, отождествляемаго съ божествомъ, счастьемъ и жизнью; далѣе юридическое и бытовое значеніе хлѣба, когда онъ является знакомъ уполномоченія (сваты съ хлѣбомъ), знакомъ заключеннаго договора или сдѣлки (обмѣнъ хлѣбами), символомъ брачнаго союза (положеніе рукъ жениха и невѣсты на одинъ хлѣбъ, и мног. друг.), подаркомъ или платой за трудъ (священнику, родильницѣ, повивальной бабкѣ, учителямъ и «судящимъ») и наконецъ, простымъ угощеніемъ и источникомъ веселья, семейной и общественной радости, почета и ласки.

Вслѣдствіе большой распространенности хлѣбныхъ обрядовъ, при исполненіи послѣднихъ должны были сложиться и занять въ народной поэзіи видное мѣсто хлѣбныя пѣсни. Авторъ слѣдитъ по нимъ за изслѣдуемымъ имъ предметомъ, перебирая пѣсни жатвенныя, подраздѣляющіяся на зажиночныя, жнивныя и дожиночныя (пѣсни о вѣнкѣ и бородѣ), пѣсни колядскія и волочебныя (прославленіе силъ и явленій природы), коровайныя (кѣмъ, какъ, изъ чего и каково дѣлался коровай), веснянскія (гаевскія) и семейно-бытовыя.

Переходя къ объясненію причины появленія хлѣба въ обрядахъ, авторъ указываетъ на то, что отличительной чертой древняго народнаго міросозерцанія представляется олицетвореніе и обоготвореніе силъ и явленій внѣшней природы, съ перенесеніемъ на нихъ свойствъ и особенностей нравственной природы человѣка, его характера, семейнаго и домашняго быта. У славянъ въ обоготворенной внѣшней природѣ на первомъ мѣстѣ стояло солнце по той простой причинѣ, что хлѣбопа-

щество находится въ полной зависимости отъ положенія этого свѣтила. Но такъ какъ религіозныя вѣрованія насквозь проникали народную жизнь и неразрывно переплетались съ новѣйшими ея проявленіями, поэтому безъ религіознаго освѣщенія не могъ обойтись ни одинъ фактъ или предметъ частной или общественной жизни. Отсюда возникаютъ жертвоприношенія съ цѣлью умилостивленія божества или испрошенія у него въ молитвахъ какихъ-либо благъ. Само собою разумѣется, что въ пастушескій періодъ народной жизни жертвоприношеніе богамъ состояло исключительно изъ животныхъ. Съ возникновеніемъ и развитіемъ земледѣлія въ жертву стали приносить хлѣбы разной величины и формы; но все-таки, по архаичности народной жизни, животныя жертвы долгое время преобладали, играли главную роль въ богослуженіи, первенствовали надъ хлѣбомъ, и самое жертвоприношеніе хлѣба дополняло только или замѣняло иногда жертвоприношеніе животныхъ. Постепенность перехода жертвоприношенія животныхъ въ жертвоприношеніе хлѣба, обусловленнаго развитіемъ земледѣльческой культуры, выразилось въ обрядовомъ употребленіи хлѣба тѣмъ, что хлѣбу придавались формы животныхъ. Подобнаго рода замѣны встрѣчаются у разныхъ народовъ. Въ Египтѣ, Греціи и Римѣ животныя жертвы замѣнялись символическими фигурами ихъ изъ мѣди, тѣста и воска [1]). Въ однихъ случаяхъ хлѣбная замѣна жертвоприношенія произошла съ цѣлью избѣжать лишенія жизни, въ другихъ-же по большей части изъ экономическихъ побужденій. Впослѣдствіи языческое обыкновеніе дѣлать хлѣбы въ видѣ животныхъ получило христіанскую окраску. Но хлѣбъ приносился въ жертву не одному солнцу, но и землѣ (зарываніе въ землю каши и хлѣбныхъ зеренъ), водѣ (жертвоприношеніе Садка, купца, богатаго гостя), домашнему очагу или домовому (бросаніе небольшихъ хлѣбовъ въ печь передъ печеніемъ короваи невѣстой), духамъ предковъ (бросаніе крошекъ подъ столъ во время поминокъ), лѣсному духу (обмазываніе деревьевъ тѣстомъ). Религіозно-обрядовый хлѣбъ придалъ большее или меньшее освященіе тѣмъ предметамъ, которые стоятъ къ нему въ извѣстной близости, именно: гумну, снопу, квашнѣ, вику (крышкѣ отъ квашни), плугу, боронѣ, рѣшету, ситу и соломѣ. Соль имѣетъ значеніе, такъ сказать, дополнительное при хлѣбѣ. Жертвоприношенія хлѣба сопровождались естественно

---

[1]) Къ этой категоріи обычаевъ авторъ относитъ приношеніе больнымъ человѣкомъ въ храмъ моделей своихъ пораженныхъ членовъ, съ цѣлью умилостивленія божества или какъ благодарственное жертвоприношеніе послѣ излѣченія. Обыкновеніе это имѣло мѣсто въ Египтѣ, Греціи, Германіи и нынѣ еще встрѣчается въ Индіи и Россіи.

разными молитвами и священнодѣйствіями, сохранившимися отчасти до сихъ поръ въ заговорахъ, пѣсняхъ и обрядахъ, преимущественно свадебныхъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе любопытной книги г. Сумцова. Если она не блещетъ большою новизною фактовъ и ихъ объясненій, то имѣетъ высокую цѣну по обстоятельному и полному подбору всѣхъ обрядовъ, въ которыхъ употребляется хлѣбъ, и пѣсенъ, въ которыхъ онъ воспѣвается, по вполнѣ научной группировкѣ собраннаго матеріала и основательному разрѣшенію вопроса о причинахъ, вызывавшихъ употребленіе хлѣба въ томъ или другомъ случаѣ. Настоящій трудъ автора, подобно предъидущимъ, приближаетъ науку къ возможности возсоздать со временемъ величественную славянскую миѳологію, которая помогаетъ опредѣлить народный характеръ вообще и въ частности понять вѣрованія, обычаи и преданія, смыслъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ затерялся совершенно.

Раздѣляя вполнѣ основную мысль автора, объясняющаго обрядовое употребленіе хлѣба религіознымъ характеромъ племени, требовавшимъ жертвъ для умилостивленія божества, и состояніемъ культуры, обусловливавшимъ обряды и формы жертвоприношенія въ пастушескій и земледѣльческій періодъ жизни славянъ, не можемъ не остановиться въ заключеніе на томъ, что во многихъ второстепенныхъ случаяхъ употребленіе хлѣба должно быть объяснено тѣмъ первенствующимъ значеніемъ, какое имѣетъ онъ для народной массы, какъ главное питательное вещество. Авторъ самъ не отвергаетъ этой мысли, но къ сожалѣнію онъ не вполнѣ точно и опредѣленно отдѣлилъ случаи, когда и почему въ употребленіи хлѣба слѣдуетъ видѣть жертву, и когда и почему его употребленіе имѣетъ просто бытовое значеніе; имъ оставлены безъ гадательнаго даже объясненія многія обстоятельства, въ которыхъ фигурируетъ хлѣбъ и о которыхъ приходится лишь догадываться, не замѣняетъ-ли здѣсь жертва самое божество (юридическое и бытовое значеніе хлѣба), какъ было это у древнихъ арійцевъ, возводившихъ въ отдѣльныя божества жертву, жидкость, возливаемую на нее (сому), огонь, пожирающій жертву (агни) и проч.. Слѣды начинавшагося обожествленія хлѣба у славянъ яснѣе всего видны въ его эпитетахъ, нѣкоторыхъ пѣсняхъ и юридическомъ значеніи; оно могло быть задержано и измѣнено распространеніемъ христіанства.

И. Каманинъ.

Θеодосія. Историческій очеркъ. Составилъ В. К. Виноградовъ. Θеодосія 1884 г. Въ пользу учащагося юношества, Ц. 80 коп. съ песылкою 1 рубль.

Въ прошломъ номерѣ «Кіевской Старины» мы сѣтовали о томъ, что нашъ городъ не имѣетъ своей исторіи. Сожалѣніе наше усилилось, когда мы, получа названный очеркъ отъ автора, должны были увидѣть, что даже такой незначительный, хотя и очень древній городокъ, какъ Θеодосія, и тотъ нашелъ своего лѣтописца. Съ особымъ поэтому интересомъ прочли мы эту книгу, тѣмъ болѣе, что она написана такимъ прекраснымъ, чистымъ и легкимъ языкомъ, какой встрѣчается не у многихъ писателей.

Подкупленные внѣшней формой, мы надѣялись найти въ книгѣ и соотвѣтственное содержаніе. Необычайная древность города и его долгая разнообразная судьба сулила намъ таинственную и полную разнообразной жизни картину. Мы думали найти въ очеркѣ г. Виноградова все прошлое этого города во всемъ его объемѣ: участіе города въ общей политической и культурной жизни тѣхъ государствъ и народовъ, которымъ онъ въ разныя эпохи принадлежалъ, исторію его самоуправленія, условія его вызвавшія, измѣненія и реформы въ немъ происходившія, отношенія къ нему центральной власти и вліяніе послѣдней на самоуправленіе, характеристику замѣчательнѣйшихъ городскихъ представителей, разнообразную картину городскаго хозяйства, этнографическій составъ населенія и отношенія между собою народностей, элементы сословные и ихъ положеніе, состояніе образованія, торговли, промышленности и проч., съ соотвѣтственными историко-статистическими данными, наконецъ исторію сооруженія и современнаго состоянія общественныхъ зданій: храмовъ, учебныхъ заведеній и проч., съ присовокупленіемъ картъ, снимковъ, плановъ и т. п. Но далеко не все это нашли мы въ трудѣ г. Виноградова. У него на первомъ планѣ политическая исторія мѣстности, а судьба города лишь въ общемъ очертаніи судьбы цѣлаго края, что напоминаетъ отчасти извѣстную графу формуляровъ: «въ походахъ противъ непріятеля былъ-ли, и въ какихъ именно?» Но исторію города уже если сравнивать съ чѣмъ-либо, то конечно съ біографіей, а не съ формуляромъ... Просмотримъ однако и формуляръ г. Θеодосіи.

Г. Виноградовъ дѣлитъ исторію этого города на четыре періода: 1) древній, обнимающій время отъ VI в. до Рождества Христова до V в. по Рождествѣ Христовомъ, т. е. около 900 лѣтъ. Θеодосія называлась тогда на языкѣ своихъ древнѣйшихъ обитателей тавровъ или алановъ Ардавдою (даромъ Боговъ); открытая греками въ половинѣ VI в. до Рождества Христова, переведшими ея древнее названіе на свой

языкъ, она сдѣлалась колонiей Милета и управлялась республикански. Развившаяся здѣсь торговля вызвала неудачныя попытки боспорскаго царя Сатира I завоевать городъ, чего однако достигъ только его сынъ Левконъ. Послѣднiй пощадилъ жителей и ихъ самоуправленiе съ цѣлью развить здѣсь земледѣлiе, чтобы поднять вывозъ хлѣба изъ портовъ Грецiи; принятыя Левкономъ мѣры привели къ желанному результату: вывозъ достигъ громадныхъ размѣровъ, но въ эпоху развитiя римскаго могущества, вслѣдъ за паденiемъ Грецiи, пало и значенiе ѳеодосiйскаго порта. Во время борьбы римлянъ съ боспорскимъ царемъ Митридатомъ, ѳеодосiйцы поднялись и хотѣли было отложиться, но Митридатъ подавилъ возстанiе; затѣмъ слѣдовало подчиненiе Риму и нашествiе алановъ, скиѳовъ, сарматовъ и гунновъ. 2) Въ среднiй перiодъ, продолжавшiйся отъ V до XV в. по Рождествѣ Христовомъ, т. е. около 1000 лѣтъ, Ѳеодосiя подвергалась нападенiю угровъ, болгаръ и хозаръ, которыхъ побѣдилъ въ 988 году Владимiръ Святой и основалъ по сосѣдству тмутараканское княжество (Тамарха, въ древности τα Μάτραχα); въ 1030 г. вторглись печенѣги, а потомъ команы или половцы, вытѣсненные въ 1239 г. татарами. Къ этому времени относится появленiе въ Ѳеодосiи генуэзцевъ. Оно связывается съ завоеванiемъ Константинополя латинянами въ 1204 году. Генуэзцы прiобрѣли сначала здѣсь покупкой небольшое пространство и впослѣдствiи такъ его укрѣпили, что въ состоянiи были отражать нападенiя татаръ; окончательно городъ былъ обнесенъ стѣной въ 1383—1386 г.

Подъ 1318 г. упоминается о существованiи русской церкви въ Кафѣ. Подъ властью генуэзцевъ городъ скоро достигъ цвѣтущаго состоянiя, управляясь консулами, ежегодно присылавшимися изъ метрополiи. Усиленiе и обогащенiе города привело его въ столкновенiя съ ханами, которыя окончились невыгодно для горожанъ: они сдѣлались данниками татаръ. Съ завоеванiемъ Константинополя турками для Ѳеодосiи наступаетъ тяжелое время: доступъ въ Черное море былъ затрудненъ ими, турки дѣлали попытки овладѣть полуостровомъ и Ѳеодосiей, а внутри города происходили смуты и раздоры; плебеи возстали противъ патрицiевъ и требовали, чтобы консулъ избирался изъ среды ихъ. Къ сожалѣнiю, авторъ не изслѣдуетъ причинъ этого явленiя, объясняя его просто зараженiемъ жителей демократическимъ духомъ, хотя это могло быть только протестомъ горожанъ противъ притѣсненiй олигарховъ. Попытки турокъ относительно Крыма скоро увѣнчались успѣхомъ; дошла очередь и до Ѳеодосiи: 1-го iюня 1475 года она была окружена турками; правители города отправили посольство, съ епископомъ Симеономъ во главѣ, къ кiевскому воеводѣ Гаштольду съ просьбой о немедленной помощи

городу, находившемуся съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ», но было уже поздно. Ѳеодосійцы вынуждены были сдаться; городъ былъ разоренъ, наступилъ періодъ турецкаго владычества, данное Ѳеодосіи генуэзцами названіе Кафы искажено турками въ Кефу. Любопытенъ фактъ отношеній города Кафы къ кіевскому воеводѣ Гаштольду; къ сожалѣнію авторъ умалчиваетъ о томъ, когда и при какихъ условіяхъ возникли эти отношенія и когда стали враждебными, какъ умалчиваетъ, по непонятной причинѣ, и вообще объ отношеніяхъ кафянъ къ южной Руси и козачеству запорожскому и донскому. А между тѣмъ всѣ наши лѣтописи и памятники сѣверной Россіи упоминаютъ о Кафѣ, какъ о мѣстѣ, гдѣ продавались христіанскіе плѣнники, захваченные татарами во время ихъ частыхъ набѣговъ на южную Россію. Такъ, въ лѣтописи Самовидца подъ 1547 годомъ разсказывается о грабежахъ татаръ въ окрестностяхъ г. Винницы, уводѣ плѣнниковъ и преслѣдованіи татаръ барскимъ старостой Бернатомъ Пертфинцемъ, который, хотя и настигъ ихъ подъ г. Очаковымъ, но «плѣнниковъ не засталъ, ибо татары уже ихъ сродали и оные въ городъ Кафу увезены». Особенно-же извѣстно изъ лѣтописей и пѣсень взятіе г. Кафы гетманомъ Сагайдачнымъ въ 1606 году, такъ художественно описанное г. Мордовцевымъ въ его повѣсти: «Сагайдачный». Этотъ гетманъ погромилъ въ Кафѣ 14,000 мусульманъ, перетопилъ и пережегъ ихъ каторги, т. е. галеры, освободилъ множество плѣнныхъ христіанъ и навелъ страхъ на самого султана. Покойный М. А. Максимовичъ помѣстилъ въ приложеніи къ «Сказанію о гетманѣ Петрѣ Сагайдачномъ», напечатанномъ въ его «Кіевлянинѣ» за 1850 годъ, рисунокъ, изображающій приступъ къ Кафѣ и заимствованный имъ изъ книги: «Вѣршѣ 1622 года»[2]). Донскіе козаки также дѣлали нападеніе на Кафу то одни, то въ союзѣ съ запорожскими. Но все, что касается козачества, обойдено въ очеркѣ молчаніемъ. Чѣмъ объяснить такой важный пропускъ въ трудѣ г. Виноградова? Неужели это простое невѣдѣніе? Не знать этого факта, намъ кажется, нельзя. Навѣрно, его зналъ и авторъ и если обошелъ его, то имѣлъ вѣроятно какую-нибудь сокровенную причину. Но возвратимся къ прерванному разсказу.

Третій періодъ въ жизни г. Кафы, какъ совершенно вѣрно называетъ его авторъ, турецкій, продолжался 308 лѣтъ, отъ 1475 и до

[1]) См. также: «Архивъ юго-западной Россіи», ч. V, т. I, стр. 66, Лѣтопись Самуила Величка, т. II, 381; т. IV, стр. 151, 155. Лѣтопись Грабянки, стр. 6, 25 и Самовидца, стр. 215 и 333.

[2]) Полное собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I, стр. 358.

1783 года. Въ этотъ періодъ положеніе города значительно измѣнилось. Турки изгнали генуэзцевъ и сами взяли въ свои руки торговлю; въ то же время они укрѣпили городъ. Въ этотъ-же періодъ участіе въ судьбѣ полуострова принимаютъ и русскіе цари. Поводомъ къ сближенію послужилъ союзъ хана Менгли-Гирея съ Іоанномъ III противъ кипчакскаго хана Ахмета. При этомъ авторъ замѣчаетъ, что сношенія русскихъ съ Крымомъ съ тѣхъ поръ почти не прерывались и постепенно подготовляли почву къ отложенію его отъ Турціи. Сказано это, по всей вѣроятности, для краснаго словца, ибо доказательствъ этого не находимъ, знаемъ-же, напротивъ, что на земскомъ соборѣ въ Москвѣ 3 января 1642 года обсуждался вопросъ: принять или не принять Азовъ отъ донскихъ козаковъ [1]), которые завоевали его передъ этимъ и отстояли противъ грозныхъ турецкихъ силъ, и что тогда рѣшено было Азова не принимать въ виду неизбѣжной войны съ Турціей. Если у московскихъ государей могла явиться мысль о завоеваніи побережья Чернаго моря, то не раньше, какъ лѣтъ черезъ 200 послѣ оказанной Менгли-Гиреемъ помощи великому князю противъ хана Золотой Орды, когда теченія рѣкъ Днѣпра и Дона сдѣлались болѣе безопасны отъ козацкихъ грабежей, т. е. съ того времени, когда козачество, донское и запорожское, залегавшее эти рѣки, стало въ большее подчиненіе государямъ. Поэтому-то первые походы съ завоевательными цѣлями были совершены кн. Голицынымъ въ 1687 г. сначала въ союзѣ съ Самойловичемъ, а потомъ въ союзѣ съ Мазепой въ 1689 г. Только Петру I удалось стать твердой ногой при Азовскомъ морѣ. Въ 1736 году гр. Минихъ проникъ до Перекопа. Политика Екатерины II въ періодъ 1768—1774 года была направлена къ тому, чтобы отдѣлить Крымъ сначала отъ Турціи, а за тѣмъ подчинить его своей власти. Первая цѣль была достигнута ею въ 1771 году, а вторая 8 апрѣля 1783 года. Съ этого момента авторъ ведетъ новѣйшій періодъ города до послѣднихъ дней. Такъ какъ съ этимъ-же годомъ прекращается жизнь полуострова, то и объ участіи въ ней Ѳеодосіи уже не приходится говорить автору; онъ *volens-nolens* долженъ былъ обратиться къ внутренней исторіи города, и онъ обращается, но излагаетъ ее не прагматически, а хронологически, какъ лѣтопись событій. Конечно, послѣдній способъ изложенія легче, нѣтъ необходимости много мудрствовать, за то у читателя составляется смутное понятіе обо всемъ: самоуправленіи, промышленности, образованіи и проч. Такого-же порядка держался авторъ при передачѣ

---

[1]) Нападеніемъ козаковъ были тогда встревожены всѣ города полуострова, не исключая и Кафы. Кафяне особенно близко приняли къ сердцу судьбу Азова, ожидая и къ себѣ непрошеныхъ гостей.

исторіи Θеодосіи и во всѣхъ предъидущихъ періодахъ. Всѣ факты общественной жизни, всѣ роды дѣятельности горожанъ перемѣшаны до крайности; сначала, напримѣръ, говорится о выселеніи изъ Кафы турокъ и снятіи плана города, потомъ объ устройствѣ монетнаго двора, о путешествіи Екатерины II въ Крымъ, о дѣлахъ церковныхъ и учрежденіи епархіи, далѣе приводится описаніе города академикомъ Палласомъ, передается о дарованіи Θеодосіи Павломъ I права «порто-франко», объ особомъ губернаторѣ, сооруженіи соборной церкви, открытіи училища, отмѣнѣ порто франко... и т. д. Все это заканчивается похвалами θеодосійской думѣ за ея заботы о преуспѣяніи внутренней жизни и о внѣшнемъ благосостояніи и благоустройствѣ города. Особенно, по словамъ автора, велики заботы думы объ образованіи, они ростутъ не по днямъ, а по часамъ; въ настоящее время городъ съ 10,000 населеніемъ и имѣетъ даже мужескую гимназію, въ которой директоромъ и состоитъ авторъ книги г. Виноградовъ, издавшій ее *«въ пользу учащагося юношества»*, т. е. съ обращеніемъ, какъ можно догадываться, выручки отъ продажи книги на нужды учениковъ гимназіи, ему подвѣдомой.

Въ концѣ книги приложены: 1) Свѣдѣнія о движеніи судоходства и торговли по θеодосійскому порту за періодъ времени съ 1800 по 1883 годъ, 2) Надписи на каменныхъ плитахъ, найденныхъ въ Θеодосіи и хранящихся въ мѣстномъ музеѣ и 4) списокъ консуловъ Кафы; но за отсутствіемъ внутренней исторіи города эти приложенія теряютъ для читателя историческій интересъ, сохраняя лишь значеніе сыраго матеріала для другихъ изслѣдователей. А жаль: у г. Виноградова въ распоряженіи былъ богатый сырой матеріалъ и обширная литература; въ этомъ всякій можетъ убѣдиться, просмотрѣвъ «примѣчанія», расположенныя впрочемъ также въ концѣ книги, что очень затрудняетъ справки.

И. Каманинъ.

Обозрѣніе румянцевской описи Малороссіи, выпускъ IV (дополненіе). Составилъ Н. Константиновичъ (оттискъ изъ №№ 38—49 Черниговскихъ Губ. Вѣд. 1884 г.). Черниговъ. 1885 г. 58 стр.

Небольшая книжечка, заглавіе которой мы привели, представляетъ послѣдній дополнительный выпускъ того изданія, которое начато было еще въ шестидесятыхъ годахъ черниговскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, по инпціативѣ неутомимаго изслѣдователя южно-русской старины А. М. Лазаревскаго, которому принадлежитъ и честь открытія самаго памятника. Румянцевская опись, заключавшая нѣкогда

всѣ *десять* полковъ лѣвобережной Украйны и обнимавшая нынѣшнія черниговскую и полтавскую губерніи, не дошла до насъ цѣликомъ: значительная часть ея, относившаяся къ нынѣшней полтавской губерніи, сгорѣла въ архивѣ полтавской казенной палаты; сохранилась-же едва-ли не меньшая ея половина и при томъ не въ одномъ мѣстѣ: 1) самая большая часть—въ Черниговѣ (открытая А. М. Лазаревскимъ въ черниговской казенной палатѣ и хранящаяся нынѣ при губернскомъ статистическомъ комитетѣ въ размѣрѣ 148 фоліантовъ приблизительно въ 1000 листовъ каждый); 2) значительная часть—въ Кіевѣ при университетской библіотекѣ; 3) 18 связокъ открыто мною въ Полтавѣ, въ архивѣ полтавскаго губернскаго правленія, и нѣсколько штукъ проф. И. В. Лучицкимъ—въ архивѣ полтавской казенной палаты. Черниговская часть обнимаетъ черниговскій, нѣжинскій, стародубовскій, часть кіевскаго, прилуцкаго и смѣлянскую сотню лубенскаго полковъ; кіевская—остальную недостававшую часть кіевскаго полка и почти всю опись переяславскаго полка; полтавская—неполныя 2 сотни миргородскаго полка и 4 полтавскаго. Такой замѣчательный памятникъ, какимъ несомнѣнно является Румянцевская опись Малороссіи, естественно долженъ былъ обратить на себя вниманіе изслѣдователей. Въ Черниговѣ на него обратили вниманіе сначала губернскій статистическій комитетъ, а потомъ земское статистическое бюро. «Съ цѣлью придать сему памятнику большую извѣстность и въ то-же время сдѣлать его доступнѣе для изученія или справокъ», А. М. Лазаревскій издалъ два выпуска «Обозрѣнія Румянцевской описи Малороссіи» (сначала въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», а потомъ отдѣльными оттисками); вскорѣ затѣмъ вышелъ третій выпускъ подъ редакціей Н. А. Константиновича, теперь подъ его-же редакціей вышелъ четвертый, послѣдній, дополнительный. Съ другой стороны въ вышедшемъ IX-мъ томѣ «Матеріаловъ для оцѣнки земель и угодій», обнимающемъ суражскій уѣздъ, мы находимъ статью г. Филомонова о формахъ землевладѣнія, основанную исключительно на данныхъ Румянцевской описи; кромѣ того редакція этого-же изданія объявила, что въ имѣющихъ скоро выйти въ свѣтъ описаніяхъ двухъ новыхъ уѣздовъ - кролевецкаго и городнянскаго, параллельно съ современною подворною описью, будетъ приведена и подворная опись, составленная въ 1767 году по распоряженію гр. Румянцева. Наконецъ пользовались уже этимъ источникомъ нѣкоторыя лица и для своихъ частныхъ изслѣдованій; нѣсколько извлеченій (образцы подворныхъ описей и инструкціи) приводитъ въ своей книгѣ: «Малороссійскіе посполитые крестьяне» А. М. Лазаревскій; подворная опись города Стародуба и часть описи города Нѣжина извлечена мною. Предварительный комитетъ одес-

скаго археологическаго съѣзда поставилъ нѣсколько вопросовъ о Румянцевской описи Малороссіи и въ отвѣтъ получилъ обстоятельное обозрѣніе черниговской части Румянцевской описи, доставленное г. Кужбою 2-мъ.

Не осталась безъ вниманія и та часть описи, которая хранилась въ Кіевѣ. Иниціатива въ разработкѣ ея несомнѣнно принадлежитъ проф. И. В. Лучицкому. По его предложенію полтавское губернское земское рѣшилось издать «Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ полтавской губерніи въ XVIII в.» и поручило это дѣло тому-же И. В. Лучицкому; пока вышелъ только 1-й выпускъ 1-го отдѣла (козачьи владѣнія золотоношскаго уѣзда). Вмѣстѣ съ тѣмъ И. В. Лучицкій въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ», а потомъ отдѣльною книгой издалъ «Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общ. земель въ лѣвобережной Украйнѣ XVIII в.», заключающій весьма интересныя данныя о малороссійской общинѣ XVIII в. Кромѣ того таже Румянцевская опись, хранящаяся въ библіотекѣ кіевскаго университета, послужила ему матеріаломъ для нѣсколькихъ статей: въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1882 годъ онъ помѣстилъ статью «Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украйнѣ XVIII в.»; въ полтавскомъ земскомъ органѣ «Обзоръ» — малороссійская община и сельское духовенство; на одесскомъ археологическомъ съѣздѣ онъ читалъ рефераты о малорусской общинѣ и Румянцевской описи Малороссіи. Этими-же матеріалами удалось воспользоваться и мнѣ въ бытность въ Кіевѣ и на основаніи ихъ я составилъ двѣ статьи: «Генеральная опись Малороссіи» (въ «Кіевской Старинѣ» за 1883 г. ноябрь) и «Займанщина въ лѣвобережной Украйнѣ въ XVII и XVIII в.» (ibidem, 1883 г., декабрь). Что касается до связокъ, отысканныхъ мною въ Полтавѣ, то о нихъ я сдѣлалъ краткое сообщеніе на одесскомъ археологическомъ съѣздѣ.

Такимъ образомъ Румянцевская опись Малороссіи въ настоящее время вызвала уже значительную литературу. Но смѣло можно утверждать, что интересъ къ ней только что возбужденъ и что матеріалы ея могутъ послужить основою многихъ изслѣдованій. Въ ней, напримѣръ, заключаются богатѣйшія данныя для характеристики экономическаго быта южно-русскаго дворянства, козачества, мѣщанства и крестьянства во второй половинѣ XVIII в.; еще болѣе данныхъ мы найдемъ для исторіи малороссійскаго землевладѣнія (крупнаго и мелкаго); въ этомъ отношеніи особенно любопытны приложенные къ описи документы. На нашъ взглядъ наиболѣе пригодной была-бы именно такая разработка данныхъ Румянцевской описи, такъ какъ расчитывать на полное систематическое изданіе ея врядъ-ли возможно.

Съ этой точки зрѣнія мы считаемъ очень полезной попытку гг. Лазаревскаго и Константиновича дать краткое, но систематическое обозрѣніе Румянцевской описи—нѣчто въ родѣ географическаго указателя къ ней съ приложеніемъ нѣкоторыхъ документовъ. Такое же значеніе имѣетъ и нынѣшній выпускъ. Онъ заключаетъ въ себѣ съ одной стороны краткія статистическія данныя о тѣхъ селеніяхъ, описанія коихъ сохранились, а съ другой—разнаго рода документы, приложенные къ описямъ. Большая часть селеній (черниговскій, нѣжинскій, стародубовскій и часть кіевскаго полка) были уже описаны. Въ настоящемъ выпускѣ описана «большая связка отдѣльныхъ описаній селъ и владѣній, выбранная, очевидно, кѣмъ-то изъ разныхъ томовъ описи»; въ ней описано 36 селеній нынѣшней черниговской губерніи, въ томъ числѣ имѣется часть описи г. Чернигова, которая сама по себѣ, какъ отрывокъ, не представляетъ интереса, но имѣетъ нѣкоторое значеніе, потому что полнаго описанія г. Чернигова вовсе не сохранилось. Что-же касается приложеннымъ къ «Обозрѣнію» документовъ, то нѣкоторые изъ нихъ представляютъ положительный интересъ; таковы напримѣръ документы, рисующіе намъ положеніе монастырскихъ подданныхъ (универсалъ Мазепы 1701 года о монастырскихъ подданныхъ, ушедшихъ къ козакамъ въ подсусѣдки, универсалъ Скоропадскаго о тѣхъ-же подданныхъ, универсалъ Скоропадскаго, запрещающій постороннимъ лицамъ продавать «горілку» въ монастырскихъ маетностяхъ). Со стороны настоятелей черниговскаго елецкаго монастыря шли постоянныя жалобы на крестьянъ, которые записывались въ подсусѣдки къ козакамъ, но оставляли за собою участки монастырской земли; въ виду этихъ жалобъ гетманы и издавали свои строгіе универсалы. Издана книжка для черниговской губернской типографіи довольно опрятно, хотя къ несчастью изобилуетъ опечатками.

Во всякомъ случаѣ честь и хвала г. Константиновичу, что онъ довелъ свое дѣло до конца!

Дмитрій Багалѣй.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ЧУМА ВЪ СѢВЕРНОЙ ЧАСТИ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНІИ 1813 ГОДА.

Въ семейномъ архивѣ А. П. Пишчевича, въ его имѣніи с. Скалевомъ александрійскаго уѣзда сохранилось довольно большое число бумагъ дѣда его, Александра Семеновича[1]). Значительнѣйшую долю ихъ составляютъ дневники за разные годы начала нашего столѣтія, затѣмъ слѣдуютъ спеціальныя статьи о Потемкинѣ, о кавказской войнѣ, въ которой авторъ самъ принималъ участіе, есть также небольшія замѣтки о началѣ военныхъ поселеній въ Новороссіи, о чумѣ 1813 г. и наконецъ офиціальные документы, какъ то переписка Пишчевича съ герцогомъ де-Ришелье по поводу борьбы съ чумою, копіи съ разныхъ правительственныхъ актовъ и т. п. Что касается дневниковъ, то главное содержаніе ихъ составляютъ личныя дѣла автора, много мѣста отведено всевозможнымъ слухамъ и небылицамъ о Наполеонѣ, также мѣстныя вѣсти, большею частію интимнаго характера. Все это могло-бы быть прочтено и пригодиться въ хорошемъ сокращеніи: авторъ нашъ чрезвычайно многорѣчивъ, а часто и совсѣмъ, такъ сказать, непечатенъ. Но лично мы имѣли возможность познакомиться съ архивомъ Пишчевича мимолетомъ и не полно и успѣли лишь кое что замѣтить въ свою запи-

[1]) Его «Примѣчанія на новороссійскій край» помѣщены въ «Кіевской Старинѣ» за прошлый годъ, № 1.

сную книжку. На этотъ разъ сгруппируемъ извѣстія Пишчевича о чумѣ 1813 г., заключающіяся въ его дневникахъ 1812 и 1813 г., а также въ особой тетрадкѣ, озаглавленной «Изслѣдованіе о появившейся чумѣ въ полуденномъ краю Россіи», дополняя ихъ данными, извлеченными изъ переписки съ Ришелье, и свѣдѣніями, почерпнутыми изъ дѣлъ архива елисаветградской городской думы. Замѣтимъ кстати, что историкъ Новороссіи, г. Скальковскій, говоря, что чума прекратилась въ началѣ 1813 года [1]), упустилъ конечно изъ виду, что въ серединѣ этого года болѣзнь еще свирѣпствовала въ сѣверной части херсонской губерніи и прекратилась лишь въ концѣ сентября мѣсяца. Въ 1813 г. Пишчевичъ былъ предводителемъ дворянства александрійскаго уѣзда и лично принималъ участіе въ борьбѣ съ заразою, а потому разсказъ его особенно цѣненъ, какъ показаніе очевидца.

Гдѣ былъ источникъ заразы въ 1813 г., одинъ-ли онъ былъ, или ихъ было нѣсколько, не знаемъ съ опредѣленностію; но по мнѣнію современниковъ чумы, болѣзнь эта распространилась изъ двухъ пунктовъ: изъ Одессы и изъ Молдавіи. Напуганное воображеніе создало фантастическое сказаніе, будто чума приняла образъ бѣлой безхвостой собачки, которая перебѣгала изъ села въ село и заносила заразу.

Въ Одессѣ чума появилась въ іюлѣ 1812 г., въ декабрѣ затихла, благодаря энергической дѣятельности генералъ-губернатора де-Ришелье, но въ началѣ слѣдующаго года возобновилась, хотя и не въ обширныхъ размѣрахъ. Одновременно разыгралась чума въ с. Коренихѣ, противъ Николаева, распространилась и по всей забугской области, вплоть до Днѣстра, но не извѣстно откуда. Заболѣванія чумою констатированы въ хотинскомъ военномъ госпиталѣ, гдѣ, повидимому, появилась она независимо отъ Одессы.

Въ «Запискахъ» 1812 года, 4 октября, Пишчевичъ говоритъ объ учрежденіи карантиновъ по границамъ кіевской, подольской, полтавской и екатеринославской губерній, но сообщаетъ неутѣшительныя свѣдѣнія о дѣятельности ихъ. «Не буду ничего говорить

---

[1]) Хронологическое обозрѣніе исторіи новороссійскаго края, 1838 г., ч. II, стр. 224.

о тѣхъ карантинахъ, которыхъ я не видалъ, пишетъ онъ, а скажу только о крюковскомъ, учрежденномъ для безопасности Кременчуга. Здѣсь не имѣя никакой заставы, съ одной стороны кирпичный заводъ, съ другой шалашъ, а между сими двумя предметами стоитъ унтеръ-офицеръ, приставъ карантина, растопыря ноги, съ палкою въ рукахъ. Слово «стой!», повелительно выговоренное, останавливаетъ всѣхъ. Господа проѣзжаютъ, но извощики, чумаки, жиды и поселяне ближнихъ деревень задерживаемы всѣ, чумныхъ и не чумныхъ мѣстъ. Продержавъ до вечера, сіи распоясываются и заплатя по полтинѣ съ воза, ѣдутъ куда хотятъ»... «Здѣсь, продолжаетъ Пишчевичъ, кромѣ денегъ сбираютъ всѣми продуктами, какіе только поселяне везутъ для продажи въ городъ. У заставы видны кучи арбузовъ, капусты, буряковъ и пр. Нерѣдко принуждаютъ продать у карантина птицу, масло, яйцы за цѣну, установленную приставами и все сіе они продаютъ съ барышемъ уже сами. Два городничіе: кременчугскій Брижинскій и крюковскій Череповъ съ штабълѣкаремъ Захаржевскимъ предоставляютъ пользоваться сею добычею унтеръ-офицерамъ и мѣщанамъ, къ карантину приставленнымъ, а сами дѣлятся собираемыми деньгами. Для предосторожности имѣются при карантинѣ предлинные желѣзные щипцы, которыми принимаются билеты проѣзжающихъ, опасаясь прямо въ руки брать, дабы не пристала чума, но присемъ-же замѣчается, что ассигнаціи, которыми откупаются проѣзжіе отъ долгаго постоя (т. е. остановки), берутся безъ щипцовъ. Есть еще одно обидное для проѣзжающихъ здирство, добавляетъ Пишчевичъ: везущіе сѣно для пропродажи въ Кременчугъ останавливаемы у карантина и изъ каждаго воза приставы щиплютъ по нѣскольку сѣна, что составляетъ нѣкоторое число вязанокъ. Изъ сего сѣна продаютъ тѣмъ, кого въ карантинѣ задерживаютъ, и по какой цѣнѣ хотятъ, для чего и вѣсы сдѣланы, другому-же никому не позволяютъ привезть сѣна въ оный для продажи. Къ этому еще надобно добавить жадность живущаго отъ карантина въ одной верстѣ помѣщика Николая Степановича Раздеришина, у котораго на кухнѣ приготовляютъ обыкновенный малороссійскій борщъ, саломъ заправленный, и сію пищу вынося къ карантину, продаютъ небольшой горшокъ по рублю».—Интересная черта нравовъ...

Въ мартѣ 1813 года чума обнаружилась въ Знаменкѣ, александрійскаго уѣзда. По офиціальнымъ даннымъ, исторія появленія здѣсь болѣзни была такова. Житель Знаменки, Лукьянъ Шумиловъ, по промыслу извощикъ, въ октябрѣ 1810 г. выѣхалъ въ Молдавію и возвратился оттуда въ іюнѣ 1811 года, при чемъ привезъ какія то вещи; въ 1812 г., въ февралѣ или мартѣ, умеръ послѣ довольно продолжительной болѣзни; черезъ 8 мѣсяцевъ послѣ него умерла и жена; двоихъ дѣтей ихъ взялъ родственникъ Василій Дречонкинъ: дѣти Шумилова, Дречонкинъ самъ и его дѣти всѣ умерли также; дочь Шумилова, переѣзжая къ Дречонкину, привезла сундукъ съ платьемъ и тряпьемъ; лоскутокъ, взятый изъ него, достался знакомой ея Натальѣ Харитоновой; та пошила изъ него верхи на шапки двумъ сыновьямъ своимъ къ свѣтлому празднику, и оба умерли вскорѣ послѣ Пасхи; еще раньше умеръ отецъ ихъ, а въ маѣ зачумѣла сама Наталья съ остальными дѣтьми, но всѣ выздоровѣли.

Къ сожалѣнію, болѣзнь не была захвачена во время, вслѣдствіе оплошности елисаветградскаго врача Гезейна. Командированный въ Знаменку для опредѣленія появившейся тамъ болѣзни, онъ призналъ ее гнилою горячкой, поэтому только въ іюлѣ приняты были энергическія мѣры противъ распространенія заразы: въ Знаменкѣ учрежденъ двойной кордонъ и очистительный карантинъ, а дома, гдѣ обнаружилась зараза, велѣно сжигать. Кордономъ окруженъ также весь елисаветградскій уѣздъ. Заслуга по уничтоженію чумы въ Знаменкѣ принадлежитъ герцогу Ришелье, лично прибывшему въ Знаменку и безбоязненно распоряжавшемуся уничтоженіемъ болѣзни. По словамъ старожиловъ Знаменки, здѣсь умерло отъ чумы болѣе 400 человѣкъ, что подтверждается значительными размѣрами чумнаго кладбища, находящагося верстахъ въ трехъ отъ селенія. Болѣзнь продолжалась до глубокой осени.

Въ декабрѣ 1812 г., на помощь Ришелье явился изъ Петербурга князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ. Говорили, что онъ посланъ вслѣдствіе враждебнаго отношенія къ Ришелье въ обществѣ, какъ къ французу, хотя самъ государь очень его любилъ. Прибывъ въ Кременчугъ, петербургскій гость намѣревался отправиться въ Одессу, но узнавъ, что въ окрестностяхъ ея чума, повернулъ въ Тульчинъ. Въ Тульчинѣ приняла его знаменитая когда-то своею красотою графиня Софья Потоцкая, бывшая графиня Виттъ, владѣлица

Тульчина и Умани. Для борьбы съ заразою князь Куракинъ организовалъ комитеты подъ названіемъ предохранительныхъ, очистительныхъ и истребительныхъ. Предохранительные состояли изъ уѣзднаго предводителя дворянства, городничаго, исправника, лѣкаря и стряпчаго. Они должны были строго слѣдить за соблюденіемъ правилъ о карантинахъ и кордонахъ. Карантины были трехъ категорій: чумные, сомнительные и наблюдательные. Все населеніе мѣста, гдѣ открылась чума, поступало на «обсерваціонное» положеніе: никто не смѣлъ выходить изъ дому, пока оно не будетъ прекращено; продовольствіемъ должны запастись заранѣе сами обыватели или-же комитетъ озаботится доставкой его; всѣ обыватели подвергаются тщательному осмотру, и больные какою-бы то ни было болѣзнью поступаютъ въ наблюдательный карантинъ на 6 дней; полиція съ медикомъ ежедневно осматриваетъ всѣхъ живущихъ въ томъ домѣ, гдѣ оказался больной; изъ обывателей составляются очистительные комитеты, которые, раздѣля село или городъ на участки, обязаны произвести очищеніе всѣхъ жилищъ и лавокъ, при помощи хозяевъ ихъ. Пріемы очищенія указывались слѣдующіе: домъ долженъ быть выбѣленъ известью или мѣломъ на соленой водѣ, дома деревяные, а равно мебель вымыты соленой водою, а металлическія вещи уксусомъ; зданіе окуривается 6 разъ сѣрой, селитрой или порохомъ, окуривается и одежда, а затѣмъ вымывается сначала горячей, потомъ холодной водою и вывѣшивается для провѣтриванія [1]). Для очищенія разныхъ предметовъ, способныхъ сохранять заразу, рекомендовалось учреждать пакгаузы.

Въ объявленіяхъ, составленныхъ князёмъ Куракинымъ, всѣ мѣстные жители приглашались объявлять о вещахъ, почему-либо сомнительныхъ, а особенно о полученныхъ изъ зачумленныхъ мѣстъ или найденныхъ зарытыми въ землѣ, съ обѣщаніемъ получить ихъ обратно послѣ очищенія. Виновные въ сокрытіи такихъ вещей и владѣльцы, не объявившіе о нихъ, лишаются таковыхъ вещей, которыя отдаются лицу, донесшему о сокрытіи, а владѣлецъ подвергается суду. Жители обязывались особой присягой исполнять это предписаніе. Къ сожалѣнію, такого рода объявленія мало исполня-

---

[1]) Вслѣдствіе усилившагося требованія, цѣна на соль возросла съ 80 коп. до 2 руб. за пудъ.

лись, не помогала и присяга. Самъ Куракинъ открыто жаловался, что вещи продолжаютъ скрывать, изъ опасенія, какъ-бы ихъ не стали жечь. За тайными ходами, которыми распространялась зараза, комитеты не могли услѣдить. При этомъ чиновный штатъ, которымъ располагалъ Куракинъ, по словамъ Пишкевича, началъ свою дѣятельность съ очищенія бутылокъ съ виномъ, ромомъ и водкою; этой недобросовѣстной бездѣятельности чиновниковъ Пишкевичъ приписываетъ появленіе заразы въ Балтѣ и Тираспольѣ. Князю Куракину приходилось удвоить свою дѣятельность и вести борьбу не съ одной чумою, но и съ ея истребителями. Если вѣрить Пишкевичу, было время, когда 700 чиновниковъ находились подъ судомъ. Мѣста чиновниковъ, отданныхъ подъ судъ, занимались чиншевыми шляхтичами, вѣроятно,—не безъ вліянія и указанія графини Потоцкой. Но и эти оказывались не лучше. Пишчевичъ отзывается о нихъ слѣдующимъ образомъ: «сія шляхта, будучи голая шляхта, положила нажиться отъ этихъ мѣстъ и потому теперь на все такса; безъ рубля въ рукахъ нельзя показаться передъ шляхтича ни съ чумою, ни безъ чумы» и т. д. Одно время было предположеніе уничтожить домашній скотъ въ зараженныхъ мѣстахъ, но оставлено; въ замѣнъ этого подверглись уничтоженію кошки и собаки, а въ результатѣ, по замѣчанію Пишчевича, оказались прекрасныя шубы на кошачьемъ мѣху у шляхтичей-очистителей и у чиновниковъ нижняго земскаго суда. Злоупотребленія карантинныхъ приставовъ продолжались своимъ чередомъ, и карантины, не мѣшая распространенію болѣзни, дѣлали не малыя затрудненія населенію, а особенно крестьянамъ. «Карантинные приставы, говоритъ Пишкевичъ, пустились на лихоимство и кто поважнѣе чинъ имѣлъ, того сажали въ карантинъ, а купцовъ и другихъ, заплатившихъ имъ щедро, начали пропущать безъ 16-дневнаго закупориванія въ землянки и безъ окурки. Таковая несправедливость случилась съ какимъ-то генераломъ, котораго остановили въ карантинѣ, а двухъ купцовъ, взявъ съ нихъ 500 р., пропустили. Генералъ жаловался князю Лобанову-Ростовскому, малороссійскому генералъ-губернатору, которому ввѣрено княземъ Куракинымъ начальство надъ карантинами, прикосновенными полтавской губерніи. Купцы возвращены въ карантинъ, а карантинные смотрители смѣнены. Послѣ этого, продолжаетъ нашъ авторъ, день ото дня болѣе и болѣе стѣсняемыя мѣры прекратили почти совсѣмъ

сообщеніе между Кременчугомъ и херсонской губерніей. Съ херсонской стороны ни хлѣба, ни сѣна въ Кременчугъ и Крюковъ привозимо не было и бѣдный крестьянинъ не имѣлъ куда свои избытки сбывать, а казна требовала взноса податей и въ казенныхъ селеніяхъ выставляли людей въ трескучіе морозы нагишомъ, обливая ихъ притомъ водою, дабы таковымъ звѣрствомъ понудить ихъ къ скорому взносу слѣдуемыхъ въ казну денегъ. Нѣкоторые изъ крестьянъ, избѣгая истязаній, желали скорѣе взнесть подати, прокрадывались въ Кременчугъ, дабы за что-бы то ни было продать, что могли, но тамъ были пойманы, сѣчены плетьми, посажены въ тюрьму и продуктовъ своихъ лишились, которые отсылались въ богоугодное заведеніе, т. е. во дворъ городничаго». Въ другомъ мѣстѣ Пишчевичъ говоритъ: «...По случаю чумы, князь Куракинъ прислалъ печатные билеты для проѣздовъ жителей, которые (билеты) должны получать—крестьяне помѣщичьи отъ предводителя, а казенные—отъ нижняго земскаго суда безъ заплаты. Секретарь (александрійскаго земскаго суда) Симоновъ учредилъ брать себѣ за всякій билетъ по рублю, а писари берутъ за приложеніе печати по 10 к., а другія 10 к. долженъ дать крестьянинъ копіисту, у двери стоявшему самъ отъ себя, для наживы, за то, что сего бѣдняка въ судъ впустятъ».

Теперь посмотримъ, какъ относилось къ бѣдѣ само общество, и для этого заглянемъ въ Елисаветградъ. Городъ былъ окруженъ караулами, выбраны были надзиратели, улицы перекопаны для прекращенія сношеній съ зачумленными мѣстностями, словомъ, приняты были всѣ мѣры предосторожности, какія еще въ 1812 г. предписаны начальствомъ. Затѣмъ Елисаветградъ опочилъ отъ дѣлъ своихъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, стало быть, когда въ Одессѣ чума не прекратилась еще, проникъ въ городъ одесскій купецъ Головатый, безъ всякаго свидѣтельства отъ карантина; по осмотрѣ докторомъ, онъ оказался здоровымъ, тѣмъ не менѣе, по поводу этого случая мѣстная полиція отнеслась къ городской думѣ съ требованіемъ собрать купеческое и мѣщанское общество и предложить имъ выбрать 10 человѣкъ надзирателей въ помощь къ наличнымъ. Дума обидѣлась, что отъ нея *требуютъ*, и постановила: «увѣдомить полицію, чтобы въ дѣлѣ о сохраненіи города отъ заразы она дѣйствовала по перепискою, а общимъ распоряженіемъ съ думою лично, на основаніи имѣющихся отъ херсонскаго вице-губернатора предписанія». Отвѣтъ этотъ заста-

вилъ замолчать противника на 4 недѣли и 2 дня; тогда онъ пріободрился и снова потребовалъ, потребовалъ на этотъ разъ исправленія окоповъ, которые засорились, а также наряда 6 караульныхъ на день. Но дума, съ подобающимъ мужествомъ, приказала: «увѣдомить исправника Цвѣтковича, что по настоящему зимнему времени невозможно поновить въ недавнемъ времени перекопанныхъ рвами и запущенныхъ по недосмотру улицъ, а если онъ находитъ въ томъ возможность, то произвелъ-бы сіе отпущенными съ сей думы для окопа улицъ лопатками чрезъ неважныхъ содержащихся въ острогѣ арестантовъ, въ чемъ и сія дума способствовать обовязана, и потомъ имѣть ихъ въ лучшемъ присмотрѣ посредствомъ полицейскихъ чиновниковъ». О нарядѣ караульныхъ дума повторяла прежнее нравоученіе, что полиція не должна дѣйствовать перепискою. Такимъ образомъ окопы оставались засоренными, а караулы въ прежнемъ числѣ. Продолжались и посѣщенія лицъ въ родѣ Головатаго, безъ карантинныхъ свидѣтельствъ.

Между тѣмъ почва для развитія чумы въ Елисаветградѣ была готова. О гигіеническихъ условіяхъ жизни никто тогда и думать не хотѣлъ. Къ тому-же по городу было расквартировано большое число плѣнныхъ французовъ, австрійцевъ и поляковъ, содержавшихся крайне плохо. Плѣнные не имѣли не только верхняго платья, крайне необходимаго въ зимнее время, особенно въ суровую зиму 1812 года, но и нижняго, а ходили въ рубищахъ, отчего сильно заболѣвали и умирали. На положеніе несчастныхъ обратилъ вниманіе вице-губернаторъ при личномъ посѣщеніи города и предписалъ думѣ озаботиться снабженіемъ ихъ бѣльемъ и тулупами; исполняя его приказаніе, дума ассигновала на этотъ предметъ 7,000 руб. асс. заимообразно. Можно предположить, что плѣнные въ такомъ состояніи мало способствовали очищенію и оздоровленію города.

Чума въ Елисаветградѣ открылась 24 мая 1813 г., а прекратилась въ сентябрѣ того-же года. По разсказамъ стариковъ, болѣзнь занесена сюда изъ Знаменки, какимъ-то крестьяниномъ, привезшимъ женскіе наряды, должно быть, припрятанные отъ комитетовъ. Наряды эти купилъ елисаветградскій купецъ Моренковъ для своей дочери, которая вскорѣ умерла. Догадывался-ли отецъ о причинѣ ея смерти, или нѣтъ, но наряды эти были отданы духовенству, чуть-ли не въ вознагражденіе за похороны, вслѣдствіе этого зараза

постигла самый причтъ греческой церкви, въ приходѣ которой Моренковъ жилъ, и потомъ переходила и на лѣвую сторону Ингула. Число смертныхъ случаевъ отъ чумы въ Елисаветградѣ съ точностью опредѣлить трудно: метрической книги за 1819 г. въ греческой церкви не существуетъ, остальныя-же указанія не полны; Пишчевичъ говоритъ, что умерло 27 человѣкъ, но по рапортамъ городской думы насчитывается 97 смертныхъ случаевъ; слѣдуетъ замѣтить, что рапорты сохранились не всѣ и, стало быть, общая сумма должна быть еще выше.

Очистительные комитеты изъ горожанъ произвели перепись жителямъ города. Больные отправлялись въ сомнительный карантинъ, дома окуривались, а въ случаѣ обнаруженія чумы сжигались. По отношенію къ евреямъ, которыхъ считалось въ Елисаветградѣ свыше 1,000 душъ, начальство приняло особенно строгія мѣры: приказано всѣхъ ихъ «до души» вывести за городъ съ пожитками, помѣстить въ казенныхъ конюшняхъ, взять съ нихъ строжайшую присягу въ томъ, что ничего изъ вещей ими не скрыто, и потомъ тщательно очистить всѣхъ по системѣ Гитона де Морво. Основаніями для такого внимательнаго отношенія къ евреямъ начальство почитало неопрятность и корыстолюбіе ихъ, заставлявшее прятать вещи.

Трудно сказать, насколько успѣшна была борьба комитетовъ съ чумою въ Елисаветградѣ, но, по словамъ старожиловъ, заслуга прекращенія ея и здѣсь, какъ въ Знаменкѣ, принадлежитъ личной распорядительности Ришелье, безъ страха являвшагося къ больнымъ и ободрявшаго духъ ихъ привѣтливостью обращенія и внимательностью къ нуждамъ ихъ; Ришелье запретилъ колокольный звонъ, которымъ провожали покойниковъ на кладбище, и который безъ нужды разстраивалъ и безъ того напуганное воображеніе населенія.

27 іюня констатирована чума въ с. Аврамовкѣ (18 верстъ отъ города Александріи). Здѣсь, повидимому, источникъ заразы была ярмарка. На ярмарку прибыла изъ Елисаветграда торговка Черникова съ сыномъ, дочерью и работникомъ; дочь умерла послѣ кратковременной болѣзни 8 іюня и на груди ея найдены синія пятна, признанныя штабъ-лѣкаремъ Хабаревымъ пятнами горячки; вслѣдъ за дочерью умерла и мать, но на тѣлѣ ея не было найдено никакихъ знаковъ; сынъ и работникъ Черниковой помѣщены въ каран-

тинѣ и тамъ умерли 27 числа; по медицинскомъ осмотрѣ на нихъ найдены признаки чумы. Затѣмъ открыта чума у какого-то еврея. Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ Аврамовкѣ не имѣемъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ чума открылась въ посадѣ Петриковкѣ. Виновникомъ появленія болѣзни здѣсь былъ еврей Уширъ Соколовскій, занимавшійся торговлей и державшій въ елисаветградскомъ уѣздѣ шинокъ; сначала умерли дочери его, отъ ситцу, откуда-то привезеннаго имъ отцомъ на платья; потомъ умерла мать ихъ и наконецъ зараза распространилась и среди русскаго, преимущественно бѣднѣйшаго населенія посада, отъ того-же ситцу, раскупленнаго бабами на очипки. Точной цифры смертныхъ случаевъ здѣсь не имѣется; по оффиціальнымъ даннымъ, съ 11 по 29 августа умерло 26 человѣкъ; а Пишчевичъ говоритъ, что всего умерло 300 человѣкъ; болѣзнь продолжалась до конца сентября. 22 числа Пишчевичъ записалъ: «сегодня я выпустилъ изъ карантина до 200 душъ, остаются одни сумнительные»... Въ своемъ дневникѣ Пишчевичъ даетъ потрясающую картину чумы въ Петриковкѣ и мы приводимъ его описаніе цѣликомъ.

«28 августа. Съ одной стороны лежитъ еврей при послѣднемъ издыханіи, третій или четвертый день борющійся съ чумою, въ другой сторонѣ вижу жидовку, съ которою вчера вечеромъ еще я разговаривалъ, а теперь умершую отъ чумы; окостенѣвъ уже, она держитъ еще дитя въ своихъ объятіяхъ, которое, пробудившись, крикомъ своимъ не можетъ разбудить матери своей, ищетъ рученками тѣхъ сосцовъ, которыми питалось, но они уже на вѣки засохли; въ другомъ мѣстѣ встрѣчаюсь съ зачумленною матерью, которая видитъ дѣтей, раздѣленныхъ по одному—по два въ разные шалаши: всѣ чумою уже пойманы и всѣ ожидаютъ послѣдней минуты; здѣсь поражаюсь внезапною смертью человѣка, предо мною стоявшаго, со мною говорившаго: его уже нѣтъ, онъ вдругъ прекратилъ свое бытіе; чума была для него милосердна, она его не мучила; тамъ вижу каторжныхъ, одѣтыхъ въ платье въ смолу обмокнутое, зацѣпившихъ за руку или ногу или за шею умершихъ веревкою, влекущихъ умершія тѣла къ могилѣ, и слышу страшный гулъ, раздававшійся по чумному стану отъ того удара, когда они безъ всякой бережи бросаютъ тѣло въ яму, въ 3 аршина глубиною вырытую; а тамъ поражаетъ мой слухъ крикъ дитяти, едва годъ отъ роду

имѣющаго: оно лишено чумнаго отца, матери и, будучи сумнительно, никѣмъ изъ родныхъ не принимается и потому отдано для присмотру одному изъ каторжныхъ. Каторжный—нянька!.. Съ одной стороны вижу зачумленнаго человѣка, лежащаго съ самаго начала безъ всякаго чувства, ибо ядъ болѣзни уже подавилъ въ немъ его; съ другой—человѣкъ находится въ великомъ бреду и жару, лицо его сдѣлалось багровымъ, говоритъ—Богъ знаетъ что̀ и въ такомъ положеніи прекращаетъ жизнь...» «Все оставшееся семейство умершаго стоитъ раздѣто до нага, должно купаться въ р. Бешкѣ, тутъ протекающей, вытирается уксусомъ, потомъ переодѣвается въ другое платье, для сего приготовленное, а бывшее на нихъ предается огню; врачи осматриваютъ ихъ, ищутъ карбункуловъ и раздѣляютъ семейства по сортамъ: одни идутъ въ чумный, другіе въ сомнительный, третьи—въ наблюдательный лазареты».

25 августа прибылъ въ Петриковку герцогъ Ришелье и взялъ на себя лично руководство дѣломъ. Въ зачумленныя мѣста направился и князь Куракинъ, по дорогой заболѣлъ самъ. Ришелье, оставившій Петриковку 6 сентября, встрѣтился съ нимъ въ Елисаветградѣ и послѣ продолжительной бесѣды съ нимъ отправился въ Одессу, а князь Куракинъ направился въ Чигиринъ для осмотра карантина, потомъ посѣтилъ Андрусовку, Крыловъ и Онофреевку. Наконецъ, 17 сентября прибылъ онъ въ Петриковку, въ которой чума еще не прекратилась, и, осмотрѣвъ наблюдательный карантинъ, уѣхалъ въ Умань.

4 сентября чума обнаружилась въ с. Протопоповкѣ, раньше всего въ семьѣ священника, но, кажется, продолжалась не долго. Умерло, по показанію Пишчевича, 11 душъ.

Этимъ ограничиваются данныя о чумѣ 1813 г., заключающіяся въ запискахъ А. С. Пишчевича.

Н. И.

РАСКОПКИ У ТРЕХСВЯТИТЕЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ Г. КІЕВѢ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ сего года, на усадьбѣ трехсвятительской церкви г. Кіева, прилегающей къ самому погосту оной, по распоряженію епархіальнаго начальства, приступлено къ постройкѣ сб-

ширнаго зданія для втораго кіевскаго училища дѣвицъ духовнаго званія. Стали планировать мѣсто, занятое подъ постройку, до уровня улицы, а для этого оказалось нужнымъ произвести значительную съемку земли на глубину около двухъ саженей. При этой съемкѣ, которая велась съ хозяйственною, а не научною цѣлью, стали попадаться нѣкоторые предметы глубокой древности, что и дало поводъ заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ лицамъ сдѣлать осмотръ обнаженныхъ при съемкѣ древнихъ пластовъ земли и произвести нарочитыя нѣкоторыя раскопки въ мѣстахъ нахожденія предметовъ древности. Осмотръ и раскопки произведены 28 марта мною при участіи проф. А. В. Прахова, прот. П. Г. Лебединцева и нѣкоторыхъ другихъ членовъ общества пр. Нестора лѣтописца и хотя не привели къ какимъ-либо положительнымъ и вѣрнымъ результатамъ, но опредѣлили характеръ той мѣстности и дали поводъ и основаніе для интересныхъ предположеній, для которыхъ, быть можетъ, нашлось-бы и полное подтвержденіе, если-бы раскопки были подвинуты дальше по направленію къ обрыву горы и немного приближены къ трехсвятительской церкви.

Извѣстно, что тамъ, гдѣ стоитъ трехсвятительская церковь, до самаго принятія св. Владиміромъ крещенія, находилось капище языческаго бога Перуна и приносились жертвы, иногда даже человѣческія. Когда Перунъ былъ низвергнутъ, на мѣстѣ его построена была св. Владиміромъ церковь во имя св. Василія, которымъ онъ былъ нареченъ при крещеніи. Здѣсь-же рядомъ былъ потомъ большой Ярославовъ дворъ и помѣщались древніе княжескіе теремы. Церковь св. Василія, по всей вѣроятности, была деревянная и когда она обветшала, то великій князь Святославъ Всеволодовичъ построилъ на мѣстѣ оной каменную церковь во имя трехъ святителей: Василія В., Григорія Б. и Іоанна Златоустаго, освященную кіевскимъ митрополитомъ Никифоромъ въ 1184 г. и уцѣлѣвшую до настоящаго времени.

И такъ съемка земли производилась несомнѣнно на одной изъ самыхъ древнихъ и по преимуществу историческихъ мѣстностей Кіева. Произведенный нами осмотръ обнаженныхъ пластовъ земли обнаружилъ слѣдующее: въ самомъ первомъ слоѣ земли, оказавшемся наноснымъ пластомъ, на достаточной глубинѣ найдено нѣсколько кирпичей довольно крупныхъ размѣровъ, по остаткамъ которыхъ можно судить, что кладка ихъ производилась при помощи

особеннаго состава, въ родѣ нашего цемента и, что самое главное, способъ кладки кирпичей таковъ, какой существовалъ во времена первыхъ кіевскихъ князей. Нѣсколько ниже, на третьемъ метрѣ, появляется еще слой чернозема, нѣкогда находившійся на поверхности почвы и происшедшій отъ перегноя растеній. Ниже этого черноземнаго слоя лежитъ глина (четвертичной формаціи), лёсъ, образовавшаяся изъ смытаго водою и разсыпавшагося гранита. Тутъ при раскопкахъ обнаружено было пространство, на которомъ оба слоя чернозема, сплошь до лёса, были прорваны другою наносною и болѣе свѣжею почвою, верхняя половина которой состояла ясно изъ сгнившихъ органическихъ остатковъ весьма поздняго происхожденія. Это просто была яма, вырытая въ позднѣйшее время для хозяйственныхъ потребностей, и черноземъ ея, очевидно позднѣйшаго происхожденія, отличался и рыхлостью и цвѣтомъ. Затѣмъ былъ слой, почти совпадавшій съ уровнемъ стараго черноземнаго слоя, который цвѣтомъ и составомъ напоминалъ послѣдній, но былъ значительно рыхлѣе. Найденные предметы древности начинались только здѣсь, въ особой ямѣ, на полъ-метра ниже уровня лёса, и объ нихъ-то я скажу нѣсколько словъ.

На поверхности, гдѣ слой отличается рыхлостью, лежали звѣриныя кости, но не полный скелетъ; между ними можно было отличить лошадиныя челюсти и нѣсколько другихъ крупныхъ костей, такъ однако разрозненныхъ, что если допустить ихъ давнишнее происхожденіе, то можно принять ихъ за остатокъ скелета лошади. Самое дно ямы было наполнено слоемъ угля въ одинъ или два вершка толщины. Поверхъ угля находились человѣческія кости и въ такомъ странномъ порядкѣ, какой почти никогда не попадается въ качествѣ похоронныхъ остатковъ. Было три скелета человѣческихъ, но не было ни одного полнаго. Кости были не въ порядкѣ, но отдѣльно лежали группами. Этого нельзя приписать позднѣйшей переброскѣ костей въ другую яму, потому что всѣ кости, которыя составляютъ у живаго человѣка полный органъ, какъ стопа, предплечье, сохраняли совершенно полный свой составъ и естественное положеніе: кости не были разрознены, но лежали группами въ порядкѣ, а скелета все таки не составляли. Мы встрѣтили отдѣльныя предплечія, отдѣльныя кости рукъ и ногъ, но не въ такомъ порядкѣ, какъ можно было-бы ожидать. Такъ напримѣръ,

у одного скелета отдѣльно лежало туловище, т. е. грудная и брюшная полость, рукъ-же и головы не было; въ другомъ мѣстѣ нашли голову, но не было ни ногъ, ни рукъ. На днѣ этой ямы были расположены довольно систематически одна за другой въ разломленномъ видѣ урны краснаго цвѣта, составляющія одинъ изъ типовъ древнѣйшихъ находокъ, попадающихся въ Кіевѣ и его окрестностяхъ. Это огромные сосуды, цѣльные экземпляры которыхъ находятся въ университетскомъ музеѣ; они могли вмѣщать до десяти ведеръ. На изслѣдованномъ нами мѣстѣ, очевидно, такой сосудъ былъ разбитъ и на каждомъ изъ крупныхъ черепковъ лежала группа костей. Предметовъ бытовыхъ мы нашли очень мало, но нѣкоторые изъ нихъ весьма характерны. Нѣкоторые глиняные небольшихъ размѣровъ сосуды какъ будто были сверху отбиты; были-ли это свѣтильни или вещи, предназначенныя для другаго употребленія, я не могу утверждать; но по сравненію ихъ съ другими, мнѣ извѣстными, подобными предметами, могу думать, что это находка очень древняго характера. Другой круглый, глиняный, малыхъ размѣровъ сосудецъ, разбитый рабочими, былъ герметически закупоренъ и представлялъ форму сплошнаго шара, такого, какого я прежде никогда не встрѣчалъ. Затѣмъ слѣдовала небольшая урночка («слезница», какъ ее называли въ древности). Отдѣльно были найдены: одно кольцо и обломки стекляннаго браслета изъ разноцвѣтнаго стекла. Можно сказать вообще, что эти стеклянные витые браслеты изъ цвѣтнаго стекла представляютъ характеристическую черту кіевскихъ раскопокъ съ X—XIII столѣтіе. Позднѣе они не попадаются; подъ постройками, несуществовавшими въ княжескую эпоху, ихъ нѣтъ. Наконецъ, у туловища одного скелета открытъ скрученный и изогнутый наконечникъ копья. Если сличить всѣ найденные предметы съ открытыми прежде въ разныхъ мѣстахъ, то окажется, что изъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ похоронныхъ типовъ не только въ кіевской области, но и вообще въ южной Россіи, подобнаго рода типы не были констатированы. Кости лежатъ на черепкахъ, и не смотря на то, что онѣ лежали на слоѣ угля, оказались не сожженными, такъ что дно ямы несомнѣнно было выложено холоднымъ углемъ, и если былъ костеръ, то вѣроятно въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ здѣсь ни малѣйшихъ слѣдовъ сгаранія нѣтъ. На открытыхъ данныхъ единичнаго факта, конечно, нельзя строить какой либо научной гипотезы,

но и отъ признанія въ нихъ остатковъ похороннаго обряда надо также отказаться.

Соображая однако все найденное съ историческими свидѣтельствами о характерѣ и назначеніи изслѣдуемой мѣстности, невольно приходимъ къ мысли, не имѣемъ-ли мы на этотъ разъ дѣло съ остатками человѣческой языческой жертвы. Дальнѣйшихъ какихъ либо выводовъ и предположеній допустить никакъ нельзя, такъ какъ раскопки все таки нѣсколько удалены отъ церкви и слѣд. отъ мѣста, на которомъ стоялъ Перунъ и гдѣ приносились жертвы. Если мы захватили остатки какого либо культа, то захватили ихъ на самомъ рубежѣ и вѣроятно на мѣстѣ характеристичномъ, которое становится тѣмъ интереснѣе, чѣмъ ближе къ церкви. Замѣтимъ также, что едва-ли раскопанная и изслѣдованная нами яма могла быть результатомъ позднѣйшей переброски земли, площадь которой принадлежитъ къ погосту церкви. Намъ извѣстна единственная переброска земли, происходившая здѣсь въ концѣ семнадцатаго столѣтія, когда воеводы кіевскіе съ 1656 по 1682 годъ укрѣпляли Кіевъ по новой фортификаціонной системѣ. Насыпанный тогда валъ остался доселѣ, но далеко за мѣстностью, о которой идетъ рѣчь, и произведенныя теперь раскопки его не коснулись.

В. Б. Антоновичъ.

ЗАПОРОЖСКАЯ ПЕЩЕРА НАДЪ ДНѢПРОМЪ.

Не далѣе, какъ недѣли три тому назадъ мнѣ пришлось быть въ с. Свистуновѣ (Петровскомъ), александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, расположенномъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, ниже Ненасытецкаго порога и выше Волниговскаго. Быть у Днѣпра и не видѣть его пороговъ—это значитъ быть въ положеніи Тантала, стоящаго по поясъ въ водѣ и вѣчно испытывающаго жажду... Итакъ, въ лодку и на порогъ! Быстро, какъ молнія, промчался я чрезъ Волниговскій и Будиловскій пороги, миновавъ на своемъ пути нѣсколько островов, заборъ и камней, каковы: Гроза, Кобыла, Лоша, Курчина скеля и др. Оставивъ лодку у лѣваго берега рѣки, я, въ сопровожденіи «дида-рыбалки», направился въ степь, прямо на востокъ отъ Днѣпра.

— А що, диду, есть табака?

— Есть. А хиба вы нюхаете?

— А то-жъ!

— А якъ нюхаете, то извольте-сь!

Я подставилъ щепотку, и дѣдъ мѣрно отсыпалъ мнѣ табаку на ноготь, постучавъ предварительно рожкомъ о колѣно своей правой ноги.

— Добра табака!

— Уже-жъ, що добра, коли чхаете!

Такъ мы идемъ съ дѣдомъ, потихоньку, не спѣша, опираясь на палочки и мирно бесѣдуя.

— А що, диду, чи не знаете вы якои-небудь козацькои писни?

— Знавъ колись, та теперъ забувъ, не зведу.

— А може й зведете.

— Та яку-жъ вамъ?

— Та хочъ про козака та про долю.

— Це, мабуть, оцю:

«Уже литъ бильшъ десять, якъ козакъ нетяга
По-надъ Днипромъ ходе, выкликае долю:
Гей, ты, доле, выйди изъ воды,
Вызволь мене, серденько, зъ тяжкои биды»...

— Оцю саму.

— И заспивавъ-бы вамъ, паниченьку, такъ теперъ грихъ и рота роскрывати, бо страшна недиля зайшла.

— Ну, якъ грихъ, то й грихъ; хай у друге.

Идемъ дальше, все также не спѣша, опираясь на палочки.

— А якъ воно, диду, у старовину тутъ було?

— Якъ? У старовину тутъ таке було, що й сказати трудно. Травы таки, що йде товаряка по степу, и ригъ не видко; рыбы теек стилко, що якъ уткнешъ рогелю у Нипро, то ажъ ручка трищить, якъ назадъ потягнешъ...

— Чого-жъ теперъ того нема?

— Чого? Бо людей багацько наплодилось. Теперъ ты выйдешъ на Нипро однимъ каюкомъ, а за тобою ѝдуть десять; тоди на всю слободу двое рыбалокъ тилько й було, а теперъ имъ и счоту нема: такъ де яке надъ рыбою и нависа. Було!.. И травы було, и лиса, и звиру—всего багато було... Оце бувало устанешъ ничью, пидешъ

до Нипра, сядешъ у каюкъ та й хода! А ничъ така, що, Господи великій! умирати не хочетця... Вода не шелесне, а зори такъ и типаютця у неби. Така затишъ, така затишъ, наче-бъ то въ домовини. Тилько й почуешъ, якъ шубовсне яка рыбина у води, або завые де въ бальци середъ лису вовкъ...

— Такъ тутъ и лиса були?

— Були! Вони и теперъ есть, та вже не таки. Ось тутъ на Россоховати бальци; та тутъ и печери були.

— И печери, кажете, диду, були?

— И печери були; вони де-сь и теперъ зостались.

— Не вже? А чи не можно яку-небудь побачити?

— Потягнемъ до балки, то може и вбачимъ.

Итакъ, мы направились къ Россоховатой балкѣ. Идемъ да идемъ, медленно подвигаясь и на палочки опираясь. Вотъ и балка Россоховатая. Гдѣ-же пещера? Вотъ и пещера. Чтобы точно опредѣлять мѣстонахожденіе пещеры, нужно прежде всего сказать, что балка Россоховатая находится версты на двѣ ниже с. Свистунова, между церковною землей и крестьянскимъ падѣломъ, впадая въ Днѣпръ съ правой стороны, по направленію отъ юга къ сѣверу. Затѣмъ нужно замѣтить, что съ самой вершины, отъ юга, балка идетъ однимъ жолобомъ, а потомъ приблизившись къ Днѣпру, раздѣляется на два рукава, въ видѣ «россохи». Почти отъ самой вершины и до устья она покрыта довольно густымъ дубовымъ лѣсомъ. Не далеко отъ устья балки и наткнулся я на желанную пещеру. Она идетъ по направленію отъ запада къ востоку, отъ одного рукава къ другому. Съ запада въ пещеру, видимо, вела дверь, которая прикрывалась большимъ дубомъ, отъ коего остался въ настоящее время лишь одинъ огромный пень. Изгибаясь, что называется въ три погибели, я пролѣзъ сквозь отверстіе во внутрь пещеры. Пещера оказалась длины болѣе, чѣмъ двадцать аршинъ, высоты болѣе, чѣмъ сажень; своды ея закопчены дымомъ; видимо, пещера служила для кого-то жильемъ. Самое расположеніе пещеры представляется въ такомъ видѣ: главный ходъ ея идетъ сперва однимъ направленіемъ, срединнымъ; затѣмъ, срединное отдѣляетъ отъ себя боковое правое, по направленію къ югу, въ степь, и боковое лѣвое, по направленію къ сѣверу, на Днѣпръ. Очевидно, въ стратегическомъ отношеніи пещера устроена какъ нельзя лучше.

Чрезъ боковое правое отверстіе пещеры, подъ прикрытіемъ лѣса, можно было пронести въ нее необходимое для пропитанія, а чрезъ боковое лѣвое, также подъ прикрытіемъ лѣса, можно было бѣжать на Днѣпръ и дальше внизъ по рѣкѣ. Само собою разумѣется, что при бѣгломъ осмотрѣ пещеры мы не могли найти никакихъ данныхъ для опредѣленія того, къ какому времени она принадлежитъ и какой народъ обиталъ въ ней; но едва-ли мы ошибемся, предположивъ, что она служила запорожцамъ въ ихъ военныхъ походахъ и дѣйствіяхъ. Само собою разумѣется, что внимательный осмотръ и раскопки могли-бы съ большею точностью опредѣлить происхожденіе и назначеніе случайно найденной нами пещеры, мы-же ограничиваемся указаніемъ на мѣсто нахожденія оной, въ надеждѣ, что когда нибудь оно можетъ привлечь любителей-археологовъ.

Д. И. Эварницкій.

«ПАМЬЯТКОВЫЙ ПРОЧУХАНЪ» ИЛИ ПРИМѢНЕНІЕ ПИСАННАГО ЗАКОНА ВЪ СФЕРѢ ОБЫЧНАГО ПРАВА.

«Дать прочухана» на языкѣ малорусскаго юмора значитъ порядкомъ посѣчь кого нибудь. «Памятковый прочуханъ»—будетъ значить наказаніе для памяти Такія наказанія употреблялись въ старинныхъ нашихъ школахъ по субботамъ—не въ видѣ прочемъ взысканія за какую-либо шалость или проступокъ, а для внушенія страха учащимся и чтобы всѣ они *помнили*, что надо учиться прилежно и остерегаться шалостей.

Нѣчто подобное практиковалось въ старину и внѣ школы и входило въ сферу обычнаго права, имѣя въ основѣ писанный законъ. Но это требуетъ болѣе пространнаго объясненія. Вотъ въ чемъ дѣло.

Извѣстно, что въ южной Руси въ тѣ времена, когда она находилась въ союзѣ съ Польшею, широко развиты были произволъ и насиліе, всего болѣе проявлявшіяся въ захватѣ чужихъ земель. Такіе захваты господствовали долго и въ бывшей гетманщинѣ, состоявшей уже подъ русскимъ владычествомъ. То и дѣло возникали споры и тяжбы поземельныя, а для рѣшенія ихъ требовались свидѣтели, «вѣры годные» и хорошо знавшіе границы спорныхъ земель. Когда по уничтоженіи гетманщины и распространеніи на нее обще-

имперскихъ порядковъ явились и въ ней казенные крестьяне, состоявшіе въ вѣдѣніи казенныхъ палатъ, то «Экспедиціею государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства», въ 1797 г., выработаны были Высочайше утвержденныя правила должностнымъ лицамъ крестьянскаго управленія [1]), одно изъ которыхъ касалось охраненія неприкосновенности земельныхъ границъ и гласило слѣдующее:

«О цѣлости во всѣхъ селахъ и деревняхъ недвижимыхъ имѣній, дабы они по ихъ ограниченіи ненарушимо пребывали, сельскимъ выборнымъ недреманнымъ окомъ бдѣть и оные всякую весну въ свободное отъ работъ время объѣзжать и осматривать, бравъ съ собою изъ молодыхъ и понятыхъ людей по нѣскольку, которые бы всякое урочище и межу примѣчали и твердо памятовать для будущаго свѣдѣнія могли».

Таковъ былъ законъ, но вотъ какъ онъ примѣнялся на практикѣ по разсказамъ старожиловъ: сельскій начальникъ (соотвѣтствующій нынѣшнему старостѣ), отъ времени до времени обходитъ границы общественныхъ земель въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ «хлопчакивъ» (подростковъ 14—15 л.) и обращалъ ихъ вниманіе на живыя урочища и признаки, въ видѣ балочекъ, горбиковъ (бугровъ), одиночныхъ деревьевъ или пней и пр., разсказывалъ болѣе или менѣе подробныя исторіи перехода земель и т. д. А для того, чтобы все это ярче отпечатлѣлось въ памяти хлопцовъ, подвергалъ то одного, то другаго изъ нихъ сѣченію па какомъ нибудь изломѣ межи, отсчитывая шагами разстояніе до куста, горбика и т. п. и числомъ ихъ опредѣляя число ударовъ. Это-то сѣченіе и называлось «памьятковымъ прочуханомъ», и конечно подвергшійся ему будущій свидѣтель уже твердо на всю жизнь помнилъ мѣсто секуціи и всѣ его особенности.

Нарушеніе земельныхъ границъ путемъ захвата въ силу долговѣчнаго навыка сохранялось до самой почти крестьянской реформы, а вмѣстѣ съ нимъ сохранялся и указанный мною обычай подготовки надежныхъ свидѣтелей. О слѣдахъ этого оригинальнаго обычая я сообщалъ незабвенному А. Ѳ. Кистяковскому лично, и онъ въ свою

---

[1]) Свѣдѣнія объ этихъ правилахъ мы нашли въ архивѣ смѣлянскаго (полтавской губерніи, роменскаго уѣзда) волостнаго правленія въ дѣлѣ объ учрежденіи волости этого имени.

очередь передавалъ мнѣ, что въ доставленныхъ ему матеріалахъ по обычному праву было нѣсколько аналогичныхъ замѣтокъ. «Прочухана» получали многіе изъ тѣхъ, которымъ впослѣдствіи доводилось быть въ качествѣ понятыхъ при началѣ межевыхъ работъ въ черниговской и полтавской губерніяхъ, и сѣканція производилась какъ сельскимъ начальствомъ, такъ и нѣкоторыми заботливыми дѣдами и отцами на тотъ конецъ, чтобы сыновья и внуки могли «заприсягнуть», что межа была въ томъ или другомъ мѣстѣ и направлялась такъ или иначе. Возникновеніе такого обычая покойный А. Ѳ. объяснялъ тѣмъ, что лицо непосредственно не заинтересованное можетъ не обращать должнаго вниманія на всѣ особенности межевыхъ знаковъ въ общественномъ и частномъ землевладѣніи, но при воздѣйствіи наказанія въ возрастѣ впечатлительномъ, особенности подобнаго рода связывались въ памяти съ событіемъ.

Достойно особеннаго вниманія то, что существовавшій до недавняго времени «памьятковый прочуханъ» не считался позорнымъ или обиднымъ, хотя производился такъ сказать публично, и что въ прежнее время потерпѣвшему отъ него не приходило и въ голову обращаться съ жалобою къ начальству. Только въ пореформенное время неприкосновенность личности получила болѣе широкое опредѣленіе и огражденіе, и физическое насиліе со стороны лицъ постороннихъ стало считаться дѣяніемъ противузаконнымъ.

В. Василенко.

ОДНА ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПРИМѢТЪ ПОГОДЫ.

Нельзя сказать, чтобы предсказанія погоды, которыми пользуется нашъ простой народъ, были всегда невѣрны и не имѣли другаго основанія, кромѣ слѣпо воспринимаемой традиціи. Напротивъ, во многихъ изъ нихъ видна тонкая наблюдательность и вѣковая опытность. Я хочу познакомить читателя съ однимъ предсказаніемъ погоды, которое пришлось мнѣ услышать недавно въ кіевскомъ уѣздѣ.

Мнѣ нужно было по своимъ обязанностямъ ѣхать вечеромъ по кіевскому уѣзду. Вечеръ былъ прекрасный, настоящій южный, украинскій вечеръ. На небѣ ни одного облачка, вѣтра никакого, звѣздъ неисчислимое множество. Мой возница сидѣлъ, согнувшись на козлахъ брички и мурлыкалъ себѣ подъ носъ какую-то тоскли-

вую пѣсню. Вдругъ онъ, взглянувъ вверхъ, приподнялся на козлахъ, задергалъ возжами и замахалъ кнутомъ. Когда лошади побѣжали быстрѣе, онъ обернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Треба швидче ѝхати, бо буде дощъ.

— А какъ ты это знаешь? спросилъ я.

— Бачите, якъ мисяць труситця?

И онъ показалъ при этомъ кнутомъ на край выглянувшаго изъ-за горизонта мѣсяца, который дѣйствительно казался какъ-бы дрожащимъ. Это явленіе я замѣчалъ уже и прежде, но не придавалъ ему никакого значенія. Слова возницы заинтересовали меня: я хотѣлъ выпытать у него хотя какія-нибудь основанія для такого предсказанія погоды по мѣсяцу, но не добился ничего. Онъ только повторялъ: «ось побачите, що буде дощъ» и ничѣмъ другимъ доказать вѣрность своихъ словъ не умѣлъ. Но возница былъ правъ: дѣйствительно, черезъ полъ часа на чистомъ прежде небѣ тамъ и сямъ появились маленькія тучки, которыя увеличивались и своимъ числомъ, и размѣрами, пока наконецъ не затянули собою весь горизонтъ. Возница все сильнѣе и сильнѣе гналъ лошадей, и не даромъ: едва мы подъѣхали къ корчмѣ, гдѣ думали сдѣлать остановку, хакъ хлынулъ проливной дождь. Предсказаніе по мѣсяцу не обмануло.

Не берусь объяснять, какая тутъ связь между этимъ кажущимся дрожаніемъ мѣсяца и тѣмъ дождемъ, который едва не вымочилъ насъ; быть можетъ, примѣтою здѣсь служило колебаніе свѣта въ скопившихся въ воздухѣ водяныхъ испареніяхъ: повторяю судить о томъ не берусь, а указываю только фактъ,—одну изъ народныхъ примѣтъ погоды, оправдавшуюся на моихъ глазахъ.

О.

ИЗЪ ИСТОРІИ РАЗВИТІЯ КАНЦЕЛЯРСКОЙ ПЕРЕПИСКИ ВЪ МАЛОРОССІИ.

Часто приходится слышать печатныя и устныя жалобы на чрезмѣрное развитіе у насъ канцелярской переписки. Это одно изъ наиболѣе тягостныхъ золъ въ нашихъ государственныхъ отправленіяхъ. Нѣтъ учрежденія, которое не страдало бы имъ; органы правительственной администраціи, правосудія, общественнаго хозяйства

въ равной степени одержимы этимъ недугомъ. Самое пустяшное дѣло бываетъ причиной возникновенія массы безсодержательныхъ фоліантовъ. Служащіе до того заражаются склонностью къ перепискѣ, что почти отвыкаютъ выражать устною рѣчью свои мысли и готовы, сидя рядомъ въ одной комнатѣ, пересылаться входящими и исходящими. Страдательный элементъ—публика съ радостью привѣтствуетъ всякій печатный слухъ о принятіи мѣръ къ устраненію излишней канцелярской переписки. Но, увы! отъ слуха до исполненія всегда бываетъ далеко.

Въ виду того, что вопросъ о чрезмѣрномъ развитіи канцелярской переписки представляетъ не послѣднюю злобу дня, не безполезно было бы заглядывать иногда и въ далекое прошлое и тамъ искать близкихъ и отдаленныхъ причинъ возникновенія и дальнѣйшаго развитія этого дѣйствительнаго зла. Мнѣ сдается, что одной изъ главныхъ причинъ было стремленіе увеличить доходы фиска. Въ подтвержденіе этой мысли я приведу фактъ изъ исторіи внутренняго управленія Малороссіи въ XVIII вѣкѣ.

Имѣя въ своемъ распоряженіи часть архива варвинской сотенной канцеляріи прилуцкаго полка (м. Варва находится нынѣ въ лохвицкомъ уѣздѣ полтавской губ.), я перебиралъ эти бумаги и остановился между прочимъ на перепискѣ между варвинской сотенной и прилуцкой полковой канцеляріями по слѣдующему поводу.

Полковое управленіе разослало по подвѣдомственнымъ ему сотнямъ по нѣскольку листовъ гербовой бумаги (въ Варву—семь листовъ) и чрезъ нѣкоторое время потребовало присылки надлежащаго числа денегъ за посланную бумагу. Сотникъ Димитрій Конисскій рапортовалъ въ отвѣтъ на это, что присланные семь листовъ гербовой бумаги не разошлись и сохраняются въ цѣлости, такъ какъ просители не подавали въ сотенную канцелярію какихъ бы то ни было писанныхъ жалобъ, а тѣмъ паче писанныхъ на гербовой бумагѣ, что хотя и подаются исковыя прошенія, но что они излагаются устно и тотчасъ же ставится устная резолюція, такъ что денегъ за гербовую бумагу не могло быть собрано, а откуда за ту бумагу «прежде ея продажи къ присилки гроши взять, на то не було роспорядка».

Получивши этотъ рапортъ, полковая канцелярія отправила къ варвинскому сотнику новый ордеръ съ выговоромъ и разъясненіемъ

въ такихъ словахъ: «понеже какъ полковие, такъ и сотение суда въ Малой России вездѣ учреждени на основании указовъ и малороссийскихъ правъ, въ коихъ судящие никоихъ челобитческихъ дѣлъ по словесному ихъ челобитчиковъ прошению, но по обстоятелнимъ писменнимъ просьбамъ, разсмотреннимъ судовими порядками, производити и всякие дѣла рѣшати должни, того ради опредѣлено послати къ вамъ въ резолюцию сей ордеръ и накрѣпко предложити, даби ви одъ сего впредь во всякихъ исковихъ дѣлахъ словеснихъ прошеній ни одъ кого не принимали, но принимали писменно челобитними, на гербовой бумагѣ написанними, и по онимъ же челобитческие дѣла судовымъ письменнимъ порядкомъ, а не словесними резолюциями чинити неотмѣнно, а гроши въ скорѣмъ часѣ висилати».

Конечно, гербовая пошлина наименѣе обременительна для населенія, но нехорошо, если ради увеличенія доходовъ съ нея удлиняется дѣлопроизводство и вмѣстѣ съ тѣмъ всасывается въ плоть и кровь служащимъ привычка къ безконечной перепискѣ.

С—ко.

ЮЖНО-РУССКІЕ СВЯЩЕННИКИ, ОТЫСКИВАЮЩІЕ ПРАВА ДВОРЯНСТВА.

Грамота императрицы Екатерины II 27 апрѣля 1775 г. de jure только подтвердила то, что de facto уже существовало почти цѣлое столѣтіе въ Малороссіи. Козачья старшина задолго до этого привыкла видѣть въ себѣ пановъ въ отношеніи къ посполитымъ и даже козакамъ. Пользваться даровымъ трудомъ посполитыхъ и отчасти козаковъ входило въ ея привычки, всасывалось ею такъ сказать съ материнскимъ молокомъ. Раздавались голоса, что свои паны-старшина хуже обращаются съ подвластными, чѣмъ въ давнее время поляки...

Грамота Екатерины признавала права на дворянство не одной старшины. Не стоящимъ у кормила правленія по тѣмъ или другимъ причинамъ предоставлялась возможность пользоваться правами дворянства по представленіи доказательствъ о благородномъ происхожденіи.

Всеобщій потокъ ищущихъ правъ и привиллегій дворянства на основаніи заслугъ и благородства предковъ увлекъ и южно-русское духовенство. Такъ по крайней мѣрѣ можно судить по имѣющимся у меня нѣсколькимъ документамъ, которые принадлежатъ состоящимъ нынѣ въ духовномъ званіи древнимъ двумъ родамъ Тихоновичей и Залѣсскихъ. Отъ перваго изъ этихъ родовъ осталась лишь часть длинной родословной, представленной для доказательства древняго шляхетнаго происхожденія, и свидѣтельство о причисленіи вновь къ дворянскому роду; отъ втораго вновь выданная дворянская грамота съ немногими записями и фамильными преданіями. По нынѣшнимъ представителямъ этихъ родовъ трудно было бы догадываться объ особой древности ихъ, особливо рода Тихоновичей, который ведетъ свое начало съ 1440 г. и заканчивается теперь исправляющимъ должность псаломщика въ с. Скопцахъ, полтавской губерніи, переяславскаго уѣзда.

Упомянутый выше обрывокъ генеалогіи Тихоновичей, имѣющій заглавіе: «Гербъ благородныхъ Тихоновичовъ», написанъ на плотной бумагѣ и сверху онаго расписанъ изящно восемью красками самый гербъ. Содержаніе этого документа представляетъ описаніе родоваго герба и генеалогическія данныя въ слѣдующихъ словахъ:

«Корогва бѣлая, зъ голубыми концами, по срединѣ звѣзда, на верху крестъ, па холмѣ въ коронѣ три перья струсьи, въ полѣ красномъ. Пишетъ авторъ Бѣльскій на страницѣ 27 въ Гербутѣ, что тотъ гербъ наданъ отъ короля польского Владыслава Ягелловича 1440 году Федору Тихановичу за оказанную Тихановичемъ службу рицерскую: когда король Владыславъ Ягелловичъ имѣлъ войну съ турками подъ Бѣлградомъ, то въ то время Федоръ Тихановичъ храбро и смѣло поступалъ, пока ездниковъ войска турецкаго много побилъ и знамя турецкое отбилъ, за то король Владыславъ Ягелловичъ приказалъ Федора Тихановича до индіонату шляхетства и рицерства польского припустить и въ знакъ того и гербъ надалъ ему: корогву съ голубыми концами. Съ которыхъ фамилій Тихановичовъ: Игнатій Тихановичъ былъ воеводою калискимъ, Антонъ Тихановичъ кастеляномъ виленскимъ, Мартинъ Тихановичъ подвоеводою черниговскимъ, Павелъ Тлхановичъ к оморникомъ смоленскимъ....

На этомъ прерывается интересный актъ.

Древность рода Тихоновичей и заслуги членовъ его были очевидны и просьба потомка ихъ, священника Θедора Тихоновича о причисленіи его къ дворянству полтавской губерніи была удовлетворена, что подтверждается выданнымъ ему 19 декабря 1788 года свидѣтельствомъ. Свидѣтельство это написано на простой бумагѣ, печатей на немъ никакихъ. Скрѣплено подписями губернскаго предводителя дворянства и уѣздныхъ депутатовъ. Вотъ его текстъ.

СВИДѢТЕЛЬСТВО

«Кіевскаго Намѣстничества изъ дворянскаго собранія жительствующимъ въ уѣздѣ переяславскомъ дворянамъ, священникамъ Фіодору и братьямъ его Андрею, Филипу, Кирилѣ и Михаилу Тихоновичамъ въ томъ, что сіе собраніе, по разсмотрѣніи доказательствъ, представленныхъ отъ нихъ Тихоновичовъ, о благородномъ ихъ достоинствѣ, находя оные достаточными и доставляющими имъ, Тихоновичамъ, неоспоримое право быть дворянами, *опредѣлили:* принять ихъ Тихоновичовъ въ число дворянъ здѣшней губерніи, съ ихъ дѣтьми, и внесть въ дворянскую родословную книгу, а затѣмъ на благородное ихъ достоинство выдать грамоту, но пока оная изготовлена будетъ, дать (и дано) имъ Тихоновичамъ о вышеписаномъ сіе свидѣтельство. Декабря 12 дня 1788 года.

Губернскій предводитель дворянства Иванъ Иваненко.
Депутатъ уѣзда городиского (?) Андрей Иляшенко.
Депутатъ уѣзда кіевского Петръ Хитрово.
Депутатъ уѣзда остерского Петръ Кричинскій.
Депутатъ уѣзда миргородского Яковъ Бровковъ.
Депутатъ уѣзда хорольского Θедоръ Ковальскій.
Депутатъ уѣзда голтвянского Иванъ Игнатовичъ.
Депутатъ уѣзда золотоношского Яковъ Кулябка.
Депутатъ уѣзда козелецкого Андрей Тущанскій.
Секретарь Петровскій.
У дѣлъ дворянскаго собранія копіистъ Ив. Симоновичъ.

Дворянской грамоты на имя Федора Тихоновича не сохранилось; но сохранился подлинникъ такой грамоты, выданной тогдаш-

нему представителю другаго упомянутаго выше рода Залѣсскихъ, моему прадѣду, тоже священнику, Василію Залѣсскому. Доказательствъ на право дворянства при этой грамотѣ, въ родѣ вышеприведенныхъ, не нашлось; но отсутствіе ихъ замѣняется нѣкоторыми фамильными записями и преданіями, по которымъ родъ Залѣсскихъ ведетъ свое начало отъ *сотника* сенчанской сотни, Павла Залѣсскаго, который былъ въ Сенчѣ сотникомъ около 1677 г. и приходился прадѣдомъ священнику Василію Залѣсскому, искавшему правъ дворянства въ концѣ XVIII ст. У этого послѣдняго въ ту пору былъ еще живъ отецъ, іерей Өедоръ, глубокій старикъ, какъ значится въ фамильной родословной, отецъ же Өедора, сынъ сотника Павла, а дѣдъ Висилія, тоже священникъ, если и не былъ живъ въ моментъ исканія внукомъ правъ на дворянство, то умеръ недавно предъ тѣмъ, такъ какъ въ фамильной родословной значится: «Іерей Андрей—1760 г. былъ уже старикомъ». Неудивительно поэтому, что священникъ Василій Залѣсскій при живомъ отцѣ и недавно умершемъ дѣдѣ,—сынѣ козачаго сотника, получилъ желаемыя права на дворянство. Какъ показываетъ этотъ случай, дворянство предоставлялось не только тѣмъ, которые лично принадлежали къ козачей старшинѣ, но и происшедшимъ отъ нихъ, на этотъ разъ *правнуку* старшины-сотника.

Выданная священнику Василію Залѣсскому грамота напечатана на большомъ гербовомъ листѣ съ прекрасной виньеткой. Въ верхней части виньетки по срединѣ красуется государственный гербъ—двуглавый орелъ; надъ главами его въ сіяніи стоитъ буква «Е» съ короной. Отъ шеи орла чрезъ распростертыя крылья идутъ вправо и влѣво цѣпи, переплетаясь съ правой стороны съ дубовой вѣткой, а съ лѣвой—лавровой; на цѣпяхъ означены гербы уѣздовъ, справа: лубенскаго (жезлъ въ рукѣ), миргородскаго (крестъ, внизу звѣзда), хорольскаго (сабля на крестъ, со стрѣлой), золотоношскаго (крестъ),—и слѣва: пирятинскаго (натянутый лукъ со стрѣлой), переяславскаго (башня, вверху корона, но не царская), козелецкаго (коза со скипетромъ на спинѣ) и остерскаго (крѣпость, сверху крестъ). Кіевскій гербъ—на груди орла. Грамота скрѣплена подписями губернскаго предводителя дворянства съ уѣздными депутатами и огромною печатью «кіевскаго намѣстничества, дворянскаго собранія».

ГРАМОТА

«Кіевской губерніи отъ губернскаго предводителя дворянства и уѣздныхъ депутатовъ собранныхъ для составленія дворянской родословной книги данная дворянину Василію Федоровичу Залѣскому.

Разсмотрѣвъ на основаніи Всемилостивѣйше пожалованной отъ Ея Императорскаго Величества въ 1785 году апрѣля 21 дня дворянству грамоты, предъявленныя отъ него Залѣского о дворянскомъ его достоинствѣ доаазательства, признали оныя согласно съ предписанными на то правилами, въ слѣдствіе коихъ по силѣ семдесятъ осьмой статьи объявленной грамоты, онъ и родъ его внесенъ въ дворянскую родословную кіевской губерніи. Октября 23 числа 1792 г.

Губернскій предводитель дворянства Степанъ Тарновскій.

Депутатъ уѣзда золотоношского Николай (?)

Депутатъ уѣзда кіевского коллежскій ассесоръ Василій Копыстенскій.

Депутатъ уѣзда пирятинского секундъ-маіоръ Левъ Горбановскій.

Депутатъ уѣзда остерского секундъ-маіоръ Петръ Новаковичъ.

Депутатъ уѣзда миргородского секундъ-маіоръ Антонъ Кириченко.

Депутатъ уѣзда хорольского титулярный совѣтникъ Степанъ Твардовскій.

Дворянства секретарь Степанъ (?)

№ грамоты 258.

Дворяне-священники, какъ кажется, изъ всѣхъ правъ и привиллегій дворянства воспользовались только даровымъ крѣпостнымъ трудомъ.....

Аполлинарій Залѣсскій.

ОБРАЗЧИКЪ СТАРИННОЙ МАЛОРУССКОЙ ЭПИТАФІИ.

Епитафіонъ о дѣйствіяхъ въ жизни и преставленіи Николая Ивановича Тризны, бунчуковаго товарища (р. 1694 † 1776).

Всякъ жительствующій въ семъ временномъ свѣтѣ,
Въ черніговскомъ, паче ближайшомъ повѣтѣ,
Пришедъ на се мѣсто, постой умиленно,
Кто здѣ лежитъ въ гробѣ, прочти вразумленно.
Николай именовался, сынъ-же Іоанновъ
И сынъ родителей людей знатныхъ сановъ,
Тризна съ фамилій предковъ ублаженныхъ,
Шляхетствомъ издавна въ Полщѣ предпочтенныхъ.
Отъ младости страхомъ утвержденъ Господнимъ,
Вдалъ себе въ сиротствѣ къ наукамъ свободнымъ.
Всей философіи имѣлъ превосходство
И другихъ ученій получилъ доволство.
Во высокихъ домѣхъ почитали сіи
И славили его внутрь и внѣ Россіи.
Вступилъ онъ въ службу, сущу младу лѣты,
Сталъ въ воинствѣ себе прилежно трудиты.
Въ щастіи его были входы и исходы,
Въ Сулакъ, въ Полщу и въ Кримъ знатные походы.
Ревнуя за вѣру, не щадѣлъ онъ сили,
Поступки всякому были его мили.
Не щадѣлъ и живота, храбро подвизался,
Въ сраженіяхъ на врагъ крѣпко ополчался,
При томъ отъ общества къ двору посиланъ,
Гдѣ и депутатомъ третимъ былъ издѣланъ—
Искать монаршой милости къ отчинѣ,
Въ чемъ извѣрено двомъ а третому Тризнѣ.
Былъ онъ правосудцемъ, всѣмъ людемъ пріятнымъ
Сотникомъ, а после бунчуковымъ знатнымъ,
Въ коммисіяхъ разныхъ находился въ трудѣ,
Какъ и въ генералномъ присудствовалъ судѣ.
Въ судахъ каковыхъ былъ, предѣлы вѣщаютъ
И зъ правосудія безсмортна являютъ.

Съ подписа руки его всякъ правду узнаетъ,
Въ опредѣленіяхъ законы слагаетъ.
Взыскивалъ онъ мира, правдою щитился;
Всякой лжи и лести у свѣтѣ хранился.
Одна мудрость права его услаждала,
Кая и жизнь его отъ злыхъ охраняла.
Въ писаніи умномъ упражнялся,
Къ людемъ учителнимъ зчаста прилѣплялся;
Чтеніе книгъ разныхъ та была забава,
О его качествахъ безсмертная слава.
Богъ любляй далъ ему болѣзнь пятолѣтную,
Кая отняла жинь его сегосвѣтную
Въ начатіи года седмъдесятъ шестого,
Генваря мѣсяця, дня двадцать второго,
Въ память Тимофея апостола свята.
Во небесній чертогъ душа его взята.
Въ честныхъ поступкахъ, якъ честного рода,
Поживе въ семъ свѣтѣ осмдесятъ два года.
Супругу-жъ чадъ и внукъ препоручилъ Богу,
Когда отшелъ отъ ныхъ къ вѣчному чертогу.
Всѣ знакомцы, съ други, на гробъ сей пріидѣте
И о Николаи Бога помолѣте,
Да и вамъ равная возмѣрится мѣра,
Какъ и вы отійдете душами отъ мира.
Богъ-же да дастъ всѣмъ намъ со святыми лики
Въ послѣдній день вставшимъ царствоватъ во вѣки.
А преставленному: вѣчна память буди!
Скажемъ при молитвахъ усердніе люды.
Слагателю сего (въ память здѣ лежащу),
Іерею Якову, во молитвахъ бдящу,
Да пошлетъ Богъ ему всяко благо въ жизни
Отъ теплыхъ молитовъ Николая Тризни!

Сообщ. **А. Лазаревскій.**

Отъ редакціи.

Журналъ **«Кіевская Старина»** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882, 1883 и 1884 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-святительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Өедорова, Розова, Динтера, Корейво и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.
